

Annotation

В течение многих лет слухи о Болотной Девчонке будоражили Баркли-Коув, тихий городок на побережье Северной Каролины. И когда в конце 1969-го нашли тело Чеза, местного плейбоя, жители городка сразу же заподозрили Киа Кларк – девушку, что отшельницей обитала на болотах с раннего детства. Чувствительная и умная Киа и в самом деле называет своим домом болото, а друзьями – болотных птиц, рыб, зверей. Но когда наступает пора взросления, Киа открывает для себя совсем иную сторону жизни, в ней просыпается желание любить и быть любимой. И Киа с радостью погружается в этот неведомый новый мир – пока не происходит немыслимое. Роман знаменитого биолога Делии Оуэнс – настоящая ода природе, нежная история о взрослении, роман об одиночестве, о связи людей, о том, нужны ли люди вообще друг другу, и в то же время это темная, загадочная история с убийством, которое то ли было, то ли нет.

* * *

Делия Оуэнс

Часть I Пролог

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

Часть II22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

54

55

56

57

Об авторе

notes1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

* * *

Делия Оуэнс

Там, где раки поют

Where the Crawdads sing by delia OWens

Copyright © 2018 by delia Owens

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Эта книга публикуется по договоренности с g. P Putnam's sons, импринтом Penguin Publishing group подразделения Penguin random house llc.

© Марина Извекова, перевод, 2019

© Андрей Бондаренко, оформление, 2019

© "Фантом Пресс", издание, 2019

* * *

Посвящается

Аманде, Маргарет и Барбаре

Не повстречала бы вас –

Не знала бы вас.

Я вас повстречала,

Узнала я вас

И полюбила –

Навек.

Часть I

Болото

Пролог

1969

Прибрежное болото – совсем не то что лесное. Прибрежное болото – обитель света, здесь травы поднимаются прямо из воды, а вода сливается с небом. Здесь вьются медлительные ручейки, несут с собою к морю осколки солнца, и взлетают голенастые цапли – с неуклюжей грацией, будто не созданы они для полета – под клики тысяч белых гусей.

И то тут, то там среди прибрежных болот попадаются островки влажного леса, с настоящими лесными топями. Вода в них темная, стоячая, хоронит свет в своей илистой утробе. Здесь даже дождевые черви и те существа дневные. Лесную топь не назовешь немой, но по сравнению с прибрежным болотом здесь тишина, ибо распад – дело неспешное и бесшумное. Живое разлагается, источая смрад, и перегноем растворяется в черной глубине, где из смерти вновь рождается жизнь.

Утром 30 октября 1969 года в лесном болоте лежало тело Чеза Эндрюса, и трясина готовилась поглотить его молча, привычно, спрятать навек. Болото знает о смерти все; смерть здесь – далеко не всегда трагедия и уж тем более не грех. Но в то утро двое местных мальчишек прикатили на велосипедах к заброшенной пожарной вышке, стали взбираться наверх и с третьего пролета заметили его джинсовую куртку.

1

Ма

1952

Утреннее солнце жарило по-августовски, и сырое дыхание болот окутало дымкой дубы и сосны. Пальмовые рощицы стояли непривычно тихие, лишь цапля нет-нет да и вспорхнет с лагуны, медленно, почти бесшумно взмахивая крыльями. И тут Киа – ей было тогда всего шесть лет – услышала, как хлопнула сетчатая дверь. Она только что выскребла из чугунок остатки кукурузной каши и, встав на табурет, опустила чугунок в таз с мыльной водой. И опять тишина, слышно лишь ее дыхание. Кто это вышел из хижины? Точно не Ма, она дверью никогда не хлопает.

Но когда Киа выбежала на веранду, то увидела, как Ма шагает по песчаной тропинке, в длинной коричневой юбке в складку, в тупоносых туфлях на каблучке, под крокодиловую кожу, – это у нее единственная выходная пара. Киа хотела окликнуть ее, но побоялась разбудить Па и, открыв дверь, молча вышла на кирпичное крыльцо, оббитое досками. И увидела в руках у Ма синий чемоданчик. Киа по-щенячьи верила, что Ма непременно вернется со свертком, поблескивающим от жира, а внутри – мясо или курица с головой на тонкой шее. Но прежде Ма никогда не уходила в крокодиловых туфлях и чемодан никогда с собой не брала.

Там, где тропинка сходится с большой дорогой, Ма всегда оборачивалась – вскинет руку на прощанье, и вперед, по грунтовке, что вела заболоченными лесами, камышовыми берегами в город, – если грунтовку не затопит приливом. Но в тот день она не оглянулась, а двинулась дальше, спотыкаясь о кочки. Среди листвы был виден ее стройный силуэт, потом – лишь белая косынка. Киа метнулась на прогалину, откуда хорошо проглядывалась дорога, – наверняка Ма помашет; но поздно – мелькнул за деревьями синий чемодан, такой неуместный в лесу, и пропал. Сердце налилось тяжестью, вязкой, как болотная жижа, и Киа, вернувшись на крыльцо, стала ждать.

Детей в семье было пятеро, и Киа, младшая, не помнила, сколько лет старшим братьям и сестрам. Жили они с отцом и матерью – ютились, словно кролики в загоне, в грубо сколоченной хижине под дубами, с крыльцом, затянутым провололочной сеткой.

Вышел из дома Джоди – младший из братьев, но все-таки старше Киа на целых семь лет, – встал у нее за спиной. Был он кареглазый и чернявый, как и она; это он научил ее узнавать птиц по голосам, различать на небе созвездия, править лодкой в зарослях меч-травы.

– Ма вернется, – заверил он.

– Не знаю. Она туфли надела крокодиловые.

– Мать детенышей не бросает. Не бывает такого.

– Ты же рассказывал, как лиса бросила лисят.

– Да, но у нее лапа была разодрана. Она бы не прокормила себя и лисят – померли бы все с голоду. Лучше их бросить, дожидаться, пока лапа заживет, а потом новых родить и вырастить. А Ма-то с голоду не умирает, вернется она, – утешал сестру Джоди, хоть и не был уверен.

Сглотнув, Киа прошептала:

– Но у Ма был синий чемодан – видно, далеко собралась.

* * *

Хижина пряталась за пальмовыми рощами, что тянулись вдоль песчаной низины до зеленой цепочки лагун и до дальних прибрежных болот. На мили кругом раскинулись заросли императы, травы столь выносливой, что и соленая вода ей нипочем, да торчали деревья, примятые в одну сторону ветрами. С трех сторон хижину окружал дубняк, а в глубине его притаилась ближняя лагуна, где кишмя кишела живность.

Земли здесь захватывали точно так же, как и четыре века назад. Разрозненные участки в пойме не оформляли официально, их присваивали (в естественных границах – до ручья, до засохшего дуба) всякого рода отверженные. Шалаш из пальмовых листьев посреди болота возьмется строить лишь беглец или конченный человек.

Прибрежные болота защищала изрезанная береговая линия, печально известная у мореплавателей как “кладбище Атлантики”: здесь, на побережье будущей Северной Каролины, подводные течения, свирепые штормы и отмели рвали на части суда, точно бумажные кораблики. В журнале одного моряка есть запись: “...шли на шлюпке вдоль берега... но не увидели ни одной бухты... Нас застиг жестокий шторм... пришлось уйти обратно в море, спасая себя и судно, и нас подхватило быстрое течение... Земля здесь... в основном болота, и мы вернулись на корабль... Разочарование для тех, кто вздумает поселиться в здешних местах”.

Те, кто искал плодородные земли, двинулись дальше, а злосчастные болота, словно сеть, улавливали всякий сброд – мятежных матросов, бродяг, должников, дезертиров и прочих, кому не по нутру законы или налоги. Из тех, кого не убила малярия и не засосало болото, выросло пестрое, разноязыкое племя лесорубов – каждый мог в одиночку свалить топором небольшую рощу, много миль подряд преследовать оленя. Как водяные крысы, занимали они каждый свою территорию, но тому, кто не впишется в здешнее общество, грозило в один прекрасный день сгинуть в болоте. Спустя двести лет прибились к ним беглые невольники, по-здешнему мароны, и освобожденные рабы – нищие, измученные, неприкаянные. [1]

Край этот суров, но не скуден. И на земле и в воде кишит живность – юркие песчаные крабы, неповоротливые раки, водная дичь, рыба, креветки, устрицы, упитанные олени, жирные гуси. Тот, кому не в тягость самому промыслить ужин, с голоду здесь не умрет.

Шел 1952-й год, и часть здешних земель уже четыре века занимали случайные люди без роду без племени. Большинство осели здесь еще до Гражданской войны. Кое-кто пришел не так давно, в основном после двух мировых войн, без гроша в кармане и без надежд на будущее. Болото их не ломало, а обтесывало и, как всякая священная земля, надежно хранило их тайны. Ну и пусть земля эта, кроме них, никому не нужна. Болото есть болото, что с него взять?

Втихаря, как нелегальный виски, проносили сюда поселенцы и свои законы – не те, что высечены на камне или написаны пером, а глубинные, заложенные в человеческом естестве. Изначальные, природные, как у голубей и ястребов. В жизненном тупике, отчаянии или одиночестве человек возвращается к инстинктам, нацеленным на выживание, – суровым и справедливым. Это всегдашние козыри, и по наследству они

передаются чаще, чем более спокойные гены. И дело тут не в этике, а в чистой математике. Между собой и голуби дерутся не реже ястребов.

* * *

Ма в тот день не вернулась. Вопросов никто не задавал, а Па и подавно – лишь громыхал крышками от кастрюль, и несло от него рыбой и дешевым пойлом.

– Что на ужин?

Братья и сестры, отводя взгляды, пожимали плечами. Па выругался и, прихрамывая, поплелся вон из дома, в лес. Они с Ма порой ссорились, раз-другой Ма даже уходила, но неизменно возвращалась и обнимала всякого, кто подвернется под руку.

Старшие сестры приготовили ужин – красную фасоль и кукурузные лепешки, – но за стол, как при Ма, никто не сел. Каждый зачерпнул из чугунок фасоли, плюхнул сверху на лепешку, и разбрелись по углам – кто к себе на матрас, кто на потертый диван.

Киа кусок не шел в горло. Сидя на крыльце, смотрела она на дорогу. Высокая для своих лет, худящая, дочерна загорелая, волосы как вороново крыло, густые, прямые.

Темнота согнала ее с поста. Расквашались лягушки, заглушая все звуки, и Киа ушла на веранду, улеглась на матрас и оттуда все равно прислушивалась. А ведь еще утром ее разбудило скворчанье бекона на чугунной сковородке и аромат сдобы из печи. Натянув штаны на лямках, Киа бросилась в кухню – расставлять тарелки, выбирать из кукурузной крупы долгоносиков. Ма по утрам всегда ее обнимала, встречала улыбкой: “С добрым утром, девочка моя дорогая!” – и вдвоем они порхали по кухне, хлопоча по хозяйству. Иногда Ма напевала старинные песни, вспоминала потешки: “Один поросенок пошел в магазин...” Или, схватив Киа в охапку, кружила с ней в танце, топая по фанерному полу, покуда у приемника не сядут батарейки, – звук тогда делался глухим, как из бочки. А иногда Ма вдруг затевала взрослые разговоры – Киа мало что понимала, но чуяла, Ма нужно выговориться, и впитывала каждое слово, подбрасывая в печь поленья. И согласно кивала.

Затем начиналась суета – всех надо поднять, накормить. Па вечно где-то пропадает. У него две крайности – или молчит, или орет, а золотой середины не знает, так что даже к лучшему, если он проспит или вовсе не ночует дома.

Но в то утро Ма ходила притихшая, неулыбчивая, с заплаканными глазами. Белую косынку она повязала низко на лбу, по-пиратски, и все равно был виден желто-лиловый кровоподтек. Едва покончив с завтраком, бросив невымытую посуду, она уложила в дорожный чемодан кое-какие пожитки и вышла из дому.

* * *

Наутро Киа вновь дежурила на крыльце, буравя темными глазами чашу, будто ждала, когда из туннеля покажется поезд. По болоту стелился туман, почти касаясь воды мягким брюхом. Киа шевелила пальцами босых ног, дразнила былинкой муравьиных львов, но шестилетке долго на месте не усидеть, и вскоре она уже шлепала по грязи на

прибрежной отмели. Устроившись на корточках у кромки прозрачной воды, она наблюдала, как шныряет из света в тень рыба мелюзга.

Вскоре ее окликнул из пальмовой рощи Джоди. Киа обернулась – есть новости? Но когда он помахал ей из-за шипастых пальмовых листьев – небрежно, вяло, – она поняла: Ма не вернулась.

– Будешь играть в экспедицию? – спросил он.

– Ты же говорил, что уже большой.

– Не-а. Мало ли что я там говорил! В экспедицию играть завсегда готов! Погнали!

И они помчались по отмели, а оттуда – сквозь лес к океану. Киа завизжала, когда Джоди вырвался вперед, и смеялась всю дорогу до дуба-великана, раскинувшего ветви, словно гигантские ручищи, над песчаным пляжем. Когда-то Джоди и их старший брат Мэрф приколотили к ветвям пару досок – вышла дозорная вышка, а заодно крепость. Теперь помост прохудился, доски болтались на ржавых гвоздях.

Раньше Киа принимали в игру разве что рабыней – таскать братьям прямо с противня теплое мамино печенье. Но в этот раз Джоди распорядился:

– Будешь капитаном.

Киа отсалютовала.

– Гони испанцев!

И они бросились сквозь ежевичник, вопя во все горло и разя врагов мечами-палками.

Игра игрой, ну а жизнь жизнью, и вскоре Киа уселась в сторонке на замшелое бревно. Джоди молча пристроился рядом. Он хотел ей что-то сказать, отвлечь ее от мыслей о Ма, но слова не шли с языка, и они смотрели, как снуют по воде водомерки и их тени.

Киа вернулась на крыльцо и долго-долго ждала, глядя в конец тропы, – но ни слезинки не проронила. Лицо застыло, губы ниточкой, взгляд вдаль. Но Ма и в тот день не вернулась.

2

Джоди

1952

Ма ушла, а через неделю-другую разбрелись кто куда и сестры, и старший брат, будто взяли с нее пример. Па был мастер затевать скандалы – весь покраснеет от гнева, подымет крик, а под конец неуклюже машет кулаками направо и налево, – и они первое время терпели, но вскоре один за другим разбежались. Как ни крути, они считай что взрослые. И Киа, сперва позабыв, кому из них сколько лет, точно так же забыла и их полные имена, помнила только, как их звали дома: Мисси, Мэрф и Мэнди. На веранде, у себя на матрасе, Киа нашла горку носков, оставленных сестрами.

В то утро, когда из старших детей в доме остался один Джоди, Киа разбудил звон посуды и запах стряпни. Киа бросилась в кухню: неужели Ма вернулась, жарит оладьи или кукурузные лепешки? Но у плиты хозяйничал Джоди, помешивал кукурузную кашу. Киа улыбнулась, спрятав разочарование, а Джоди потрепал ее по макушке и шепнул: тсс, если Па не разбудим, позавтракаем в тишине. Печь печенье Джоди не умел, бекона в доме тоже не нашлось, и он сварил кукурузную кашу, поджарил яичницу на топленом сале, и они завтракали вдвоем, молча переглядываясь и улыбаясь.

Впопыхах вымыли посуду – и бегом к болоту, Джоди впереди. Но сзади уже ковылял Па – враскачку, того и гляди оторвется от земли; тощий как жердь, зубы желтые, как клыки у старого пса.

Киа нагнала Джоди:

– Бежим! Спрячемся на болоте!

– Ничего, не пропадем, – успокоил ее брат.

* * *

Позже, на закате, Джоди отыскал Киа на берегу – та смотрела на море. Когда он встал рядом, она даже не обернулась, все глядела, как курчавятся волны. И все же по голосу брата она поняла: Па напился.

– Я ухожу, Киа. Ни дня здесь больше не выдержу.

Еще чуть-чуть – и Киа обернулась бы, стала бы умолять: не бросай меня одну с Па, но слова застряли в горле.

– Подрастешь – все поймешь, – сказал Джоди.

Ей хотелось закричать, что она хоть и мала, да не глупа. Она знает, что все ушли из-за Па, но почему никто ее с собой не взял? Она бы и сама ушла, да только податься некуда и денег на автобус нет.

– Киа, ты осторожней здесь, слышишь? Если придет кто, в доме не прячься, там тебя мигом сцапают. Беги лучше на болото или в кусты. И следы заматай, как я тебя учил. И от Па там можешь спрятаться.

Не дождавшись ответа, Джоди попрощался и зашагал прочь от берега, к лесу. Когда Киа наконец оглянулась, он почти исчез за деревьями.

– Другой поросенок остался один, – проговорила она, глядя на волны.

И, стряхнув оцепенение, кинулась к хижине. С порога окликнула Джоди, но его вещи куда-то делись, постель была убрана.

Киа опустилась на его матрас и смотрела, как ползут по стене последние отблески заката. Солнце уже зашло, но свет еще догорал – озарил комнату, и на долю секунды смятые постели и груды тряпья вспыхнули ярче деревьев за окном.

Лютый голод, вроде бы привычный, на сей раз застиг Киа врасплох. Она пробралась на кухню и встала в дверях. Всю ее жизнь в кухне было тепло – то хлеб печется, то варится лимская фасоль, то булькает рыбное рагу. А сейчас здесь было душно, тихо,

темно.

– Кто теперь стряпать будет? – спросила Киа вслух. А могла бы спросить: “И танцевать кто будет?”

Она зажгла свечу, пошуровала в печи кочергой, подбросила щепок. Прибавила тягу, пока не затеплился огонек, подкинула еще дровишек. Электричество в хижину не провели, и холодильник служил буфетом. Приоткрытая дверца была подперта мухобойкой, чтобы не заводилась плесень, и все равно по углам зеленели прожилки.

Вытаскивая остатки еды, Киа приговаривала: “Полью кашу салом да разогрею”; так она и сделала, а потом села у окна и принялась есть прямо из чугунка, высматривая Па. Но он так и не пришел.

Когда молодой месяц заглянул в окно хижины, Киа улеглась на свое ложе – бугристый матрас на веранде, с настоящим постельным бельем в голубых розочках, что купила на дворовой распродаже Ма.

Никогда еще Киа не ночевала одна. Вначале она то и дело вскакивала и смотрела сквозь проволочную сетку, прислушивалась, не шуршат ли в лесу шаги. Здесь каждое дерево ей было знакомо, но при луне почему-то казалось, будто деревья мечутся туда-сюда. На миг она оцепенела, не в силах даже сглотнуть, но в обычный час зазвенели знакомые трели квакш и кузнечиков. Киа сразу успокоилась – это вам не песенка про трех слепых мышат, что бегут “за фермершей следом, которая им хвосты отрубила ножом кривым”! Тьма дышала сладостью, веяло земляным дыханием лягушек и саламандр, переживших еще один душный день. Болото укрылось ползучим туманом, будто одеялом, и Киа уснула.

* * *

Три дня Па не появлялся, и Киа на завтрак, обед и ужин варила ботву репы с маминной грядки. Пошла в курятник за яйцами, а там пусто. Ни кур, ни яиц.

– Дуры вы все! Курочки-дурочки! – Киа думала ухаживать за ними без Ма, но до дела так и не дошло. А теперь вся эта пестрая компания разбежалась – кудахчут где-то далеко за деревьями. Надо бы их приманить, кукурузы им насыпать.

На четвертый день под вечер явился Па с бутылкой, рухнул поперек кровати.

А наутро ввалился в кухню и рявкнул:

– Где все?

– Не знаю, – пожалала плечами Киа, глядя в сторону.

– Ничего-то ты не знаешь, ума у тебя не больше, чем у кутенка! И нужна ты здесь как собаке пятая нога.

Киа тихонько выскользнула из дома, а когда шла вдоль берега в поисках мидий, то учуяла запах гари; оглянулась – со стороны хижины поднимался столб дыма. Стрелой метнулась Киа прямо сквозь заросли к дому – посреди двора пылал костер. Па бросал в огонь мамыны картины, платья, книги.

– Нет! – закричала Киа. Па, даже не взглянув на нее, швырнул в пламя приемник на

батареях. Киа потянулась к костру, хотела достать из огня картину, но пламя дохнуло в лицо, и она отпрянула.

Киа, сверля отца взглядом, преградила ему путь к хижине, чтобы не пустить его за новой порцией вещей Ма. Па замахнулся, но Киа не дрогнула, и он вдруг развернулся и, прихрамывая, зашагал к лодке.

Опустившись на дощатые ступени, Киа смотрела, как пламя пожирает одну из маминых акварелей, болотный пейзаж. Так просидела она до заката, пока не растаяли все до одной кнопки приемника, а с ними и воспоминания о том, как они танцевали с мамой.

Шли дни, и Киа училась уживаться с Па – училась на ошибках остальных, а главное, у мальков. Сторониться его, на глаза не попадаться, держаться в тени – вот и весь секрет. Она вставала пораньше, выходила из дома, пока он еще спал, бродила весь день по лесу или у воды, а под вечер возвращалась и ложилась в свою постель на веранде, откуда до болота рукой подать.

* * *

Па во Вторую мировую воевал с Германией, и ему в бедро угодил осколок шрапнели – только этим он и гордился. Раз в неделю ему выдавали пособие по инвалидности, на эти деньги они и жили. Через неделю после ухода Джоди холодильник опустел, и репы в огороде почти не осталось. В понедельник утром, когда Киа зашла на кухню, Па указал на смятый доллар и горсть мелочи посреди стола:

– Вот тебе на неделю, на прокорм. Подача не жди. Все надо отработать – на тебе стирка, уборка и дрова.

Впервые в жизни Киа отправилась одна за продуктами в городок Баркли-Коув – “один поросенок пошел в магазин”. Четыре мили брела она то по сыпучим пескам, то по черному илу, и наконец блеснул впереди залив, а на берегу показался городок.

С трех сторон Баркли-Коув окружали топкие низины, и соленые ветра дули то с болот, то с океана, доходившего во время прилива почти до Главной улицы. Городок, отрезанный от мира болотом и океаном, связывало с большой землей лишь однополосное шоссе, все в трещинах и ухабах.

Улиц в городке было две. Главная, с рядом магазинов, тянулась вдоль океана; на одном конце – супермаркет “Пигли-Вигли”, на другом – “Вестерн Авто”, между ними – закусочная. И там же – дешевый магазинчик “Кресс”, магазин одежды “Пенниз” (с заказом по каталогам), кондитерская Паркера и салон обуви “Бастер Браун”. Рядом с “Пигли-Вигли” – пивная “Конура”, где подавали сосиски в тесте, острый перец чили и жареные креветки в бумажных кульках. Женщинам и детям внутрь заходить запрещалось, зато можно было покупать сосиски в тесте и газировку прямо с улицы, через окошко в стене. Цветных не обслуживали ни внутри, ни через окошко.

Другая улица, Широкая, шла от разбитого шоссе напрямик к океану, где встречалась с Главной. Перекресток был один на весь город – там, где сходились Главная, Широкая и Атлантический океан. Магазины и заведения не лепились стена к стене, как в других городах, их разделяли пустыри, заросшие пальмами и морским овсом, словно сюда среди ночи прокралось болото. Дома, крытые кедровой дранкой, за два с лишним века выцвели и поржтели под солеными ветрами, а белые и голубые оконные рамы облупились. Городок будто устал спорить со стихией и попросту сдался.

Городская пристань, огороженная ветхими канатами и ржавыми якорными цепями, вдавалась в небольшой залив, где в тихую погоду отражались красные и желтые креветочные катера. В обе стороны от магазинов – меж деревьев, вокруг лагун, вдоль побережья – разбегались проселки с рядами кедровых домиков. Баркли-Коув был в прямом смысле тихой заводью – домики терялись среди тростников и речных рукавов, точно гнездо цапли разметало ветром.

Босиком, в куцых штанишках на ляжках, стояла Киа на пяточке, где болотная тропа встречается с шоссе. И кусала губы, порываясь удрать домой. Как разговаривать с людьми, как сосчитать деньги на продукты? Но голод вынудил ее действовать – и Киа вышла на Главную улицу и понуро поплелась к “Пигли-Вигли” по разбитому тротуару, еле видному из травы. На подходе к магазинчику мелких товаров она услышала за спиной шум и едва успела отскочить – мимо просвистели на велосипедах трое мальчишек постарше. Их вожак оглянулся на Киа, засмеялся – мол, чуть не сбили! – и в тот же миг едва не столкнулся с женщиной, выходявшей из магазина.

– ЧЕЗ ЭНДРЮС, вернись сейчас же! Все трое, вернитесь!

Проехав еще немного, они одумались и повернули назад, к мисс Пэнси Прайс, продавщице из галантереи. Ее семья некогда владела самой большой фермой на краю болота, и пусть ферму давным-давно продали, мисс Пэнси по-прежнему играла роль родовитой землевладелицы, а это ох как непросто, если живешь в тесной квартирке над закусочной. Мисс Пэнси щеголяла в шелковых тюрбанах, и в то утро тюрбан на ней был розовый, под цвет помады и румян.

Она обрушилась на мальчишек:

– Вот пожалуюсь на вас матерям! А еще лучше – отцам. Гоняете по тротуару как бешеные, чуть не сбили меня! Что скажешь в свое оправдание, Чез?

Велосипед у него был самый красивый – красное седло, хромированный руль.

– Простите, мисс Пэнси, мы вас не увидели из-за той девчонки, она сама под колеса полезла! – Чез, загорелый, темноволосый, указал на Киа, притаившуюся в зарослях мирта.

– Она тут ни при чем. Нельзя сваливать вину на других, даже на болотный сброд. А теперь, ребята, сделайте доброе дело, для разнообразия. Вон мисс Ариэль, помогите ей донести сумки до машины. Да заправьте рубашки!

– Да, мадам, – выпалили хором мальчишки и покатали навстречу мисс Ариэль, учительнице вторых классов.

Киа знала, что темноволосый паренек – сын хозяев “Вестерн Авто”, потому и велосипед у него самый красивый. Она не раз видела, как Чез выносит из грузовика увесистые картонные коробки с товаром, но никогда не говорила ни с ним, ни с его друзьями.

Выждав несколько минут, она, втянув голову в плечи, побрела к продуктовому магазину. Зашла внутрь и, оглядев прилавки с крупами разных сортов, выбрала фунтовый пакет кукурузной крупы грубого помола, с красным ярлычком “Товар недели” – так ее учила мама. Дождавшись в проходе, пока рассосется очередь, Киа подошла к кассирше, миссис Синглтри.

– Где твоя мама? – спросила та.

Волосы у миссис Синглтри были стриженные, завитые, лиловые, вылитый ирис под ярким солнышком.

– Дома, по хозяйству хлопочет, мадам.

– А деньги на крупу у тебя есть?

– Да, мадам. – Не понимая, сколько нужно, Киа выложила целый доллар.

Миссис Синглтри, не зная, умеет ли девочка считать, стала класть в ее раскрытую ладонь монету за монетой, приговаривая:

– Двадцать пять, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, восемьдесят пять и еще три пенни. Потому что крупа стоит двенадцать центов.

У Киа засосало под ложечкой. Неужели придется что-то еще сосчитать? Она озадаченно уставилась на мелочь у себя в ладони.

Миссис Синглтри, как видно, смягчилась.

– Ну все, беги.

Киа пулей вылетела из магазина и двинулась быстрым шагом к болотной тропе. Сколько раз твердила ей мама: “Если ты в городе, никогда не беги, а не то подумают, будто ты что-то стащила”. Но, едва дойдя до песчаной тропки, Киа припустила галопом, да так и пробежала добрых полмили без передышки, а остальное прошла скорым шагом.

Дома, в полной уверенности, что умеет варить кукурузную кашу, Киа засыпала крупу в кипяток, как Ма, но крупа слиплась в огромный ком, снизу пригорелый, а внутри сырой. Да еще и на вкус как резина. Киа, осилив несколько ложек, выбежала в огород, отыскала среди золотарника немного ботвы репы, сварила и съела дочиста, а отвар выпила залпом.

За несколько дней Киа научилась варить кашу, хоть та и пригорала, сколько ее ни помешивай. На следующей неделе она принесла из магазина костей – с красным ценником – и потушила их с кукурузной крупой и капустными листьями, вышло вполне сносное варево.

Киа не раз стирала с Ма – терла во дворе под краном белье о стиральную доску, с хозяйственным мылом. Но когда замочила отцовский комбинезон, он стал тяжеленный, ни выкрутить, ни на веревке развесить, и Киа разложила его под солнышком на карликовой пальме у края леса.

Так и бегали они с Па друг от дружки – жили врозь под одной крышей и, бывало, не виделись днями. И почти не разговаривали. Киа убирала за собой и за ним, как заправская хозяйка. Стряпней ее он брезговал, да и дома бывал редко, но она заправляла его постель, прибирала за ним мусор, мела пол и почти всегда мыла посуду – не из-под палки, а чтобы дома был порядок к маминому возвращению.

* * *

Ма всегда говорила, что Киа родилась под осенней луной. Киа не знала, когда у нее день рождения, и однажды вечером, как только полная золотая луна засияла над лагуной, она сказала про себя: “Вот мне и семь лет”. Отец и не думал ее поздравлять, и о праздничном торте, разумеется, речи не шло. О том, что ей пора в школу, он тоже не заикнулся, а Киа, почти ничего про школу не зная, боялась спросить.

Конечно, Ма вернется на ее день рождения, потому и наутро после осеннего полнолуния Киа надела платье из набивного ситца и стала глядеть на дорогу. Скорей бы показалась Ма, в длинной юбке и крокодиловых туфлях. Но никто не появился, и Киа, взяв чугунок с кукурузной кашей, побрела через лес к океану. Сложив руки рупором и запрокинув голову, закричала: “Кью-кью-кью!” И засеребрилось небо от края до края.

– Вот и они! Сколько тут чаек – не сосчитать! – сказала Киа.

И стала бросать им кашу, а чайки с криками кружили над ней, подлетали все ближе, едва не задевая крыльями по лицу. Каша кончилась, они поутихли и принялись чистить перья, а Киа уселась на песок, поджав ноги. Одна большая чайка опустилась рядом.

– А у меня сегодня день рождения, – сказала Киа чайке.

3

Чез

1969

Сгнившие опоры заброшенной пожарной вышки упирались в болото, будто ноги великана, а над болотом струился туман. Лес, казалось, притих в ожидании, лишь вороны кричали, когда двое мальчишек, Бенджи Мейсон и Стив Лонг, обоим по десять лет, белобрысые, полезли вверх по скользким ступеням утром 30 октября 1969-го.

– Ну и жарщица нынче осенью! – крикнул Стив карабкавшемуся сзади Бенджи.

– Да, и тихо-то как, только вороны каркают.

Глянув между ступенями, Стив воскликнул:

– Ого! Что это там?

– Где?

– Вон, гляди! Синяя одежда – да это же человек в болоте!

– Эй! – крикнул Бенджи. – Вы чего там делаете?

– Слышь, у него лицо не двигается.

Проворно перехватывая перекладины руками, они быстро спустились и обошли вышку кругом, увязая в зеленоватой жиже. Там и вправду лежал человек – навзничь, левая нога неестественно вывернута, глаза открыты, рот разинут.

– Мамочки! – выдохнул Бенджи.

– Ой, да это Чез Эндрюс!

– Погнали к шерифу!

– Узнают, что мы сюда лазили, – влетит нам!

– Да никто сейчас и не вспомнит про это. И воронье вот-вот слетится.

Оба повернули головы на карканье, и Стив сказал:

– Одному из нас надо остаться, ворон отгонять.

– Ты что, сдурел? Очень надо мне одному тут торчать! Да и ты тут без меня не останешься, клянусь головой индейца!

Они оседлали велосипеды и, налегая на педали, пустились по вязкой песчаной тропе обратно в город, на Главную улицу, а там кинулись к приземистому зданию, где за столом сидел шериф Эд Джексон, а с потолка свисали на длинных проводах голые лампочки. Шериф – кряжистый, рыжий, в веснушках – листал спортивный журнал.

Дверь была не заперта, и мальчишки влетели без стука.

– Шериф...

– А-а, Стив, Бенджи! Вы с пожара, что ли?

– Мы Чеза Эндрюса видели – в болоте лежит, у пожарной вышки! С виду мертвый. Ни рукой ни ногой не шевельнет.

Со времен основания Баркли-Коув в 1751 году нога полицейского не ступала в заросли меч-травы. В сороковых – пятидесятых шерифы, бывало, пускали на болото ищеек по следу беглых преступников, и до сих пор собак держали в участке на всякий случай. Но Джексон обычно не брался расследовать преступления, где замешан болотный люд. Крысы есть крысы, пускай себе грызутся.

Но Чез – другое дело. Шериф вскочил, сорвал с вешалки шляпу.

– Показывайте.

Машина ползла по песчаной дороге через дубняк и заросли остролиста, рядом с шерифом сидел доктор Верн Мэрфи, единственный в городке врач, – стройный, поджарый, с проседью. Оба подпрыгивали на ухабах под скрежет колес, доктор чуть не бился головой в стекло. Давние друзья, почти одногодки, они вместе рыбачили, и не раз приходилось им сообща расследовать одно дело. На этот раз ехали молча – обоих тяготила обязанность подтвердить, чье тело лежит в болоте.

Стив и Бенджи тряслись в кузове с велосипедами; наконец грузовик остановился.

– Он там, мистер Джексон. Вон, за кустами.

Эд выбрался из кабины.

– Вы, ребята, ждите тут. – И следом за доктором шериф стал пробираться по болоту к телу Чеза.

Грузовик распугал воронье, но над трупом вились прочие птицы, не отставали и насекомые. Жизнь брала свое.

– Да, это Чез, он самый. Сэм и Патти Лав не переживут.

Эндрюсы заказывали каждую свечу зажигания, оплачивали каждый счет, вешали каждый ценник в “Вестерн Авто” ради единственного сына, Чеза.

Верн опустился рядом с телом на корточки, приложил к груди Чеза стетоскоп и

констатировал смерть.

– И давно? – спросил Эд.

– Насколько я понимаю, десять часов, не меньше. Коронер установит окончательно.

– Видно, залез ночью на вышку. И сорвался.

Верн бегло осмотрел Чеза, не передвигая тела, и встал рядом с Эдом. Оба уставились на Чеза: лицо раздуто, взгляд в небо, рот разинут.

– Говорил же я, этим кончится, – вздохнул шериф.

Чеза они знали с рождения. У них на глазах он из славного малыша стал обаятельным подростком, потом юношей – звездой местной футбольной команды, любимцем девчонок, помощником отца в магазине. И наконец – видным молодым мужчиной, мужем первой здешней красотки. А сейчас валяется здесь, и достоинства в нем не больше, чем в болотной жиже. Ничего возвышенного в смерти нет, и все перед нею равны.

Эд нарушил молчание:

– Ума не приложу, почему никто раньше не прибежал за помощью. Сюда же вечно таскаются и стаей, и парочками, пообжиматься.

Шериф и доктор обменялись понимающими взглядами: Чез хоть и был женат, но вполне мог прийти сюда с другой.

– Отойдем-ка в сторону, издали виднее, – сказал Эд и зашлепал по болоту, повыше задирая ноги. – А вы, ребята, стойте здесь, не топчитесь.

Указав на цепочку следов, что вела от вышки через болото и обрывалась футах в восьми от тела Чеза, Эд спросил:

– Это ваши утренние?

– Да, а дальше мы не ходили, – ответил Бенджи. – Как увидели Чеза – сразу назад. Вон где мы свернули.

– Понял. – Эд огляделся. – Верн, что-то здесь не так. Возле трупа следов не видно. Будь рядом с Чезом друзья или кто еще, подбежали бы, обступили, склонились над ним – жив ли? Наши-то следы в грязи вон какие четкие, а других и не видать. Ни вокруг тела, ни в сторону вышки, ни обратно.

– Может, он был один? Это бы все объясняло.

– А его-то следы где? Как мог Чез Эндрюс пройти по дороге, а потом через болото к вышке, не оставив следов?

Вскоре после дня рождения Киа, стоя босиком в луже, наблюдала за головастиком, у которого уже отросли лапки. И вдруг встрепенулась. К хижине, тарахтя, по песчаной дороге приближался автомобиль. Ни одна машина отродясь сюда не заезжала. Вскоре из-за деревьев донеслись два голоса – мужской и женский. Киа шмыгнула в кусты: из зарослей она могла видеть, кто идет, и могла убежать, если что. Как Джоди учил.

Из машины вышла рослая женщина и двинулась по песку, увязая в нем высокими каблуками, – точь-в-точь как Ма в тот день. Наверное, из приюта, за ней приехала.

“Ей меня не догнать. Шлепнется на своих каблучищах, нос расквасит!” Киа, затаившись, смотрела, как женщина приближается к хижине.

– Эй, есть кто дома? Это школьный инспектор, я за Кэтрин Кларк, отвезти ее в школу.

Шутками тут и не пахло. Киа думала, в школу детей берут с шести лет. А они только сейчас приехали, на год позже.

Киа не знала, как разговаривать с детьми, а с учителем и подавно, но хотела научиться читать, хотела узнать, какое число идет после двадцати девяти.

– Кэтрин, золотко, если ты меня слышишь, прошу, покажись. Такие у нас законы, детка, – хочешь не хочешь, а в школу ходить надо. Да и тебе там понравится, зайка. Там каждый день кормят горячим обедом, бесплатно. Сегодня, по-моему, пирог с курицей – хрустящий, с корочкой.

Вот это уже другое дело! Киа замучил голод. На завтрак она сварила кукурузную кашу, покрошив туда крекеры, потому что соль в доме кончилась. Одну жизненную премудрость она успела усвоить: кукурузная каша без соли – это не еда. Пирог с курицей она пробовала считанные разы, но как сейчас помнила хрустящую золотистую корочку, а под ней пышное тесто. Помнила, какой он сочный, ароматный. Она выглянула из зарослей – желудок все решил за нее.

– Здравствуй, дружок, я миссис Калпеппер. Ты уже совсем большая, пора в школу, да?

– Да, мадам, – отвечала Киа, не поднимая глаз.

– Можно босиком, это ничего, другие так ходят, а вот юбку надеть придется, ты же девочка. Есть у тебя юбка или платье, дружок?

– Да, мадам.

– Вот и славно, тогда давай переоденемся.

Миссис Калпеппер зашла следом за девочкой на веранду, переступив через птичьи гнезда, что разложила рядом на полу Киа. В спальне Киа надела единственное платье, что было ей впору, – в клетку, одна бретелька оборвана и пришпилена булавкой.

– Ну вот, милая, другое дело.

Миссис Калпеппер протянула ей руку. Киа потрясенно уставилась на ее ладонь. Вот уже несколько недель она ни к кому не прикасалась – а к постороннему человеку и вовсе никогда. Но она вложила в пальцы миссис Калпеппер худенькую ладошку, и школьный инспектор повела ее по тропе к “форду крестлайнеру”, за рулем которого сидел угрюмый водитель в серой фетровой шляпе. Киа, устроившись сзади, за всю дорогу ни разу не улыбнулась – ей было неуютно, совсем не то что цыпленку под крылом у наседки.

Школа для белых в Баркли-Коув была одна. Все классы, с первого по выпускной, учились в двухэтажном кирпичном здании на Главной улице, в дальнем конце от полицейского участка. Для цветных детей была своя школа – одноэтажная, бетонная, на выезде из Цветного квартала.

Киа провели в кабинет директора, но имени ее в списках не нашли, а даты ее рождения никто не знал, так что ее записали сразу во второй класс, хоть в школе она не училась ни дня в жизни. Первый класс, как сказали ей, и так переполнен, да и не все ли равно, ведь болотная детвора ходит в школу месяц-другой, а потом только их и видели. Когда директор вел Киа гулкими коридорами, на лбу у нее выступила испарина. Директор распахнул дверь и легонько втолкнул Киа в класс.

Клетчатые рубашки, широкие юбки, башмаки – всякие-превсякие; кое-кто босиком. И глаза – все глядят на нее. Никогда в жизни Киа не видала столько народу. Дюжина, не меньше. Учительница, та самая мисс Ариэль, которой мальчишки помогли в тот раз донести покупки, усадила Киа за заднюю парту. Вещи велела положить на полочку, но складывать было нечего – Киа пришла с пустыми руками.

Учительница вернулась к доске и обратилась к новенькой:

– Кэтрин, встань, пожалуйста, и назови свое полное имя.

У Киа засосало под ложечкой.

– Ну же, дружок, смелей.

Киа встала.

– Мисс Кэтрин Даниэла Кларк, – четко произнесла она, Ма как-то сказала, что так звучит ее полное имя.

– Ты можешь нам продиктовать по буквам слово “кот”?

Киа молчала, уставившись в парту. Джоди с мамой немного учили ее буквам, но вслух называть их, да еще перед классом, не приходилось.

Внутри все сжалось от ужаса, и все-таки она попыталась: “т-о-к”.

Весь класс, от первых парт до последних, затрясся от смеха.

– Шшш! Ну-ка, тихо! – прикрикнула мисс Ариэль. – Никогда – слышите, никогда – нельзя смеяться над товарищем! Пора бы уже понимать.

Киа притаилась за своей задней партой, мечтая стать невидимкой, как жучок-короед в трещине дуба. Учительница продолжила урок, и вскоре Киа, хоть ей и было не по себе, подалась вперед – в ожидании, когда же скажут, что за число идет после двадцати девяти. А мисс Ариэль все говорила про какую-то там фонетику, а ученики, сложив губы трубочкой, повторяли за ней: “а, о, у” – ворковали, ну словно голуби.

Ближе к одиннадцати сытный дух горячей сдобы наполнил коридоры, просочился в класс. У Киа от голода свело живот, и когда ученики наконец потянулись гуськом в столовую, рот ее был полон слюны. Вслед за остальными она взяла поднос, зеленую пластмассовую тарелку и приборы. В стене было окошко с прилавком, а там на огромном эмалированном противне лежал куриный пирог с хрустящей корочкой, истекал горячим соком. Высокая чернокожая повариха, улыбаясь и кое-кого из детей называя по именам, плюхнула ей на тарелку толстый кусок пирога и порцию розовых бобов в масле, да еще и сдобную булочку добавила. Киа взяла банановый пудинг и красный с белым пакетик молока – каждому полагалось по одному.

Она оглядела зал – почти все столы заняты, за каждым смеются, болтают. Она узнала Чеза Эндрюса с приятелями, под велосипеды которых едва не угодила, – и отвернулась, села подальше. Несколько раз ее взгляд сам собой устремлялся на мальчишек – единственных, кого она тут знала. Но те, как и все прочие, ее не замечали.

Киа уставилась на пирог, начиненный курицей, морковкой, картошкой, зеленым горошком. Сверху – румяная корочка. К столу приближались две девочки в пышных юбках с рюшами. Одна высокая, щупленькая, с льняными волосами, другая круглолицая, щекастая. В таких юбках, подумала Киа, ни на дерево не залезешь, ни в лодку не сядешь, ни лягушку не поймаешь, ни даже собственных ног не увидишь.

Она уткнулась в тарелку. Как поддержать разговор, если они к ней подсядут? Но девчонки прошли мимо, щебеча, как птички, и сели за другой стол, к подругам. Несмотря на голод, кусок не лез Киа в горло, во рту пересохло. Осилив кусочек-другой, Киа выпила все молоко, а остатки пирога затолкала в молочный пакет и вместе с булочкой завернула в салфетку.

За весь остаток дня она и рта не раскрыла. Учительница задала ей вопрос, а она молчала как рыба. Она ведь сюда пришла учиться, а не других учить. “Зачем выставлять себя на смех?” – решила Киа.

Когда прозвенел последний звонок, она пошла на автобус, ее обещали высадить в трех милях от поворота к их хижине – дальше не проехать из-за песка, – а наутро автобус приедет за ней, и так каждый день. На обратном пути, когда автобус трясся на ухабах, а за окном мелькали островки спартины, с переднего сиденья раздалось ехидное:

– МИСС Кэтрин Даниэла Кларк!

Белобрысая-долговязая и Пухлая-щекастая, которых Киа видела в столовой, заверещали наперебой:

– Эй, курица болотная! Где твоя шляпка, крыса тростниковая?

Наконец автобус остановился на лесном пяточке, откуда во все стороны разбежались тропки. Скрежетнула, открываясь, дверь, Киа вылетела пулей и только через полмили остановилась перевести дух, а дальше, до своего поворота, шла быстрым шагом. И, не заходя в хижину, пустилась через пальмовую рощу к лагуне, а оттуда – по тропинке сквозь густой дубняк к океану. Выбежала на пустынный берег, и перед ней открылся морской простор. Ветер трепал косички. Ей хотелось плакать – впрочем, как и весь день.

Сквозь рокот прибоя Киа стала звать чаек. Океан ревел басом, ему вторили чайчьи сопрано. С криками реяли птицы над болотом и над песчаным берегом, а Киа крошила им пирог и булочку. Чайки опускались все ниже, выставив лапы, крутя головами.

Несколько птиц подобрались совсем близко, щекоча крыльями ее босые ноги, и Киа смеялась, пока на глазах не выступили слезы, и наконец из горла – оттуда, где застрял комок, – вырвались хриплые, надсадные рыдания. Когда чайки склевали последние крошки, ее пронзила невыносимая боль и страх: вдруг теперь и они разлетятся, бросят ее здесь одну? Но чайки не спешили улетать, принялись чистить широкие серые крылья. Киа сидела на корточках, смотрела на птиц и мечтала: взять бы их в охалку, отнести на веранду, уложить с собой в постель! Она представила, как греется под одеялом среди пуховых комочков.

Два дня спустя, услышав знакомое тарахтенье “форда крестлайнера”, Киа убежала на болото, потопталась по песчаным косам, чтобы оставить побольше следов, а потом на цыпочках зашла в воду и, сделав петлю, устремилась в другую сторону. Дойдя до

илистой отмели, она побегала кругами, запутывая следы. А выбравшись на твердую землю, запрыгала с кочки на кочку – и ни следа не оставила.

Еще несколько недель за ней приезжали раз в два-три дня; водитель в фетровой шляпе прочесывал все кругом, но ни разу не напал на след. А потом настала неделя, когда никто за ней не приехал. Тихо было кругом, лишь вороны каркали. Киа, уронив руки вдоль тела, глядела на пустую дорогу.

В школу она так и не вернулась. Уж лучше и дальше наблюдать за цаплями да собирать раковины – так она хоть чему-то научится. “Я уже умею ворковать по-голубиному, – говорила она себе. – И я куда лучше их всех, ну и пусть туфли у них красивые!”

* * *

Однажды знойным утром, через несколько недель после единственного школьного дня, Киа забралась на дозорную вышку, что построили братья, и стала высматривать в море пиратские корабли с черепами на флагах. Воображение расцветает и на самой скудной почве; Киа распевала: “Эй, пираты, йо-хо-хо!” – а потом прыгнула с дерева и бросилась в атаку, потрясая клинком. Вдруг острая боль пронзила правую ступню, – ногу будто огнем прожгло. У Киа подогнулись коленки, она повалилась на землю и взвыла. Из ноги торчал длинный ржавый гвоздь. “Па!” – закричала Киа. Она не помнила точно, ночевал ли он дома. “Помоги, Па!” – звала она, но никто не откликнулся. Киа выдернула из ноги гвоздь, воя, чтобы заглушить боль.

И долго еще она скулила, перебирая руками по песку. Наконец приподнялась и осмотрела ступню. Крови не было, лишь узкая, глубокая ранка. И тут Киа вспомнила про столбняк. Внутри все сжалось, по спине пробежал холодок. Джоди ей рассказывал, как один мальчик наступил на ржавый гвоздь, а сыворотку ему вовремя не вкололи, и свело у него челюсти, да так, что не разжать. А потом выгнуло его дугой, как натянутый лук, и никто ему помочь уже не мог – стояли и смотрели, как он умирает в судорогах.

Джоди тогда прямо сказал: укол надо сделать самое позднее через два дня, или тебе каюк. Где делают такие уколы, Киа не знала.

“Нельзя сидеть сложа руки. Пока дождусь Па, меня точно столбняк хватит”. И, обливаясь потом, Киа заковыляла по песку – и ковыляла до прохладной тени дубов, окружавших хижину.

Мама всегда промывала раны соленой водой и заклеивала глиной, смешанной с травами. Соли в доме не было, и Киа, прихрамывая, побрела к лесной заводи, такой соленой, что во время отлива на берегу выпадали белые кристаллики. Киа села на землю, окунула ногу в солоноватую болотную воду и без остановки то открывала рот, то закрывала, то зевала, то губами шлепала – проделывала все, лишь бы челюсти не свело. Примерно через час, в самый отлив, Киа вырыла в скользком черном иле ямку и осторожно опустила туда ногу. В ямке было прохладно. Орлиные клики подсказали, в какой стороне дом.

К вечеру живот скрутило от голода, и Киа вернулась в хижину. Отца она не застала, и домой его можно было не ждать. Покер под виски – занятие на всю ночь. Кукурузной крупы в доме не нашлось, но, пошарив на полках, Киа откопала старую замызганную жестянку маргарина, зачерпнула немного и намазала на крекер. Куснула раз-другой – и в итоге сгрызла пять штук.

Она улеглась на веранде, прислушиваясь, не приближается ли на лодке отец. Ночь выдалась беспокойная, Киа дремала урывками и заснула, наверное, только под утро, а проснулась от того, что в лицо било солнце. И первым делом открыла рот – все в порядке, открывается. И много раз ходила к соленой заводи и следила по солнцу, когда же пройдет этот день. Открывала рот, снова закрывала – может, все-таки обойдется?

Вечером, намазав ногу глиной и перевязав тряпицей, Киа улеглась на матрас, не зная, доживет ли до утра. Но тут же вспомнила: не так-то просто умереть – сначала ее изогнет в дугу, руки-ноги перекорежит судорогой.

В пояснице вдруг что-то кольнуло, и Киа подскочила. “Ой-ой-ой! Ма, мамочка!” Боль вернулась, и Киа притихла. “Подумаешь, свербит”, – шепнула она. Наконец, без сил, она уснула, а когда открыла глаза, на ветках дуба всю ворковали голуби.

Неделю ходила она к заводи дважды в день, перебиваясь крекерами с маргарином, а отец все не возвращался. На восьмой день она уже почти не хромала, боль прошла. От радости Киа даже пустилась в пляс, чуть припадая на ногу и распевая: “Я жива! Жива!”

Наутро она снова отправилась на берег высматривать пиратов.

“Первым делом велю матросам убрать отсюда все гвозди”.

* * *

Киа привыкла просыпаться чуть свет, под звон посуды на кухне. На завтрак Ма любила готовить омлет из домашних яиц, прямо из-под курицы, с кружочками спелых помидоров и оладьи – тесто она делала из кукурузной муки с водой и солью, а потом выливала на раскаленную сковородку с шипящим маслом, оладьи получались румяные, с ломкими кружевными краешками. Ма говорила: жарить так жарить, пусть на весь дом скворчит! – и всю жизнь Киа просыпалась по утрам под шипенье оладушек, вдыхала сизый кукурузный дымок. А теперь кухня стояла тихая, стылая, и Киа, выбравшись из постели на веранде, отправилась к лагуне.

Прошли месяцы, незаметно подкралась мягкая южная зима. Солнце кутало плечи Киа теплым одеялом, манило ее все дальше на болота. Иногда она пугалась по ночам незнакомых звуков или вздрагивала, если где-то близко ударит молния, но всякий раз, стоило ей вдруг оступить, земля будто сама подхватывала ее, выручала. И наконец, точно неизвестно когда, боль из сердца ушла, как вода в песок, – просочилась глубоко, но до конца не исчезла. Киа прижала ладонь к влажной, дышащей земле, и земля утешила ее, как мать.

Звенели в вышине под жгучим солнцем цикады. Вся прочая живность попряталась от жары, лишь из травы несло приглушенное жужжание.

Шериф Джексон вздохнул, утирая пот со лба:

– Верн, здесь еще работы по горло, но у меня сердце не на месте. Ни жена, ни родители Чеза не знают, что он погиб.

– Съезжу к ним, скажу, – отозвался доктор Верн Мэрфи.

– Спасибо тебе. Поезжай на моем грузовике. Пришли за Чезом “скорую”, а Джо пускай грузовик сюда пригонит. Но больше никому ни слова. Еще не хватало, чтоб весь город сюда сбегался, а если проболтаться, то так и будет.

Перед уходом доктор Мэрфи долго смотрел на Чеза, будто что-то упустил. Надо вспомнить и исправить, на то он и врач. Тяжелый болотный воздух сгустился, словно в ожидании.

Эд повернулся к мальчикам:

– А вы оставайтесь тут. Не хочу, чтобы по городу слухи пошли, да смотрите ничего не трогайте и не натопчите.

– Хорошо, – сказал Бенджи. – По-вашему, Чеза убили, да? Следов ведь нет. Его столкнули?

– Ничего я такого не говорил. Отрабатываем версии, как обычно. А вы, парни, не путайтесь под ногами, и о том, что здесь слышали, чур, молчать.

Не прошло и четверти часа, как на патрульном грузовике прибыл Джо Пардью, помощник шерифа, – коренастый, с густыми баками.

– Не верится просто! Чез! Лучший футболист за всю историю города. В голове не укладывается.

– Так и есть. Ну что, за дело?

– Далеко ли продвинулись?

Эд отвел помощника подальше от мальчишек.

– Что ж, выглядит как несчастный случай – парень сорвался с вышки и расшибся. Но я пока не нашел следов, ведущих к вышке, ни его, ни чьих-то еще. Давай поищем, есть ли признаки, что кто-то их уничтожил.

Минут десять они прочесывали все вокруг тела.

– Ничего, только следы мальчишек, – подтвердил Джо.

– Да, и никаких признаков, что следы кто-то замел. Ничего не понимаю. Ладно, позже к этому вернусь, – сказал Эд.

Они сделали снимки тела: общий план с лестницы, раны на голове крупным планом, сломанная нога. Джо записывал под диктовку Эда. Когда измеряли расстояние от тела до тропинки, вдруг затрещали придорожные кусты – подъехала “скорая”. Водитель, чернокожий старик, уже не один десяток лет возивший раненых, больных, умирающих и мертвых, почтительно склонил голову и сказал:

– На мешковину-то его не уложить – руки враскорячку, придется его подымать, а он ох какой тяжелый. Вы, шериф, придержите мистера Чезу голову. Вот так. Ох-ох-ох!

Близился полдень, когда облепленное грязью тело погрузили в “скорую”.

Доктор Мэрфи передал, что известил родителей Чеза о его смерти, и Эд отпустил мальчиков, а сам вместе с Джо полез по лестнице, что вела на самый верх башни, постепенно сужаясь. С каждой ступенькой мир будто раздвигался – внизу раскинулись густые леса и плавни.

Взобравшись на верхнюю ступеньку, Джексон откинул железную решетку, а когда они выбрались на смотровую площадку – опустил, чтобы было на чем стоять. Центр площадки был из занозистых, посеревших от времени досок, но по краям – откидывающиеся квадратные решетки. По запертым на засов можно было передвигаться, но незапертая могла распахнуться под тяжестью тела, и тогда сорвешься с высоты в шестьдесят футов.

– Эй, глянь-ка! – Эд указал на дальний край платформы, где вместо одной из решеток зиял провал.

– Что за чертовщина! – воскликнул Джо, приблизившись.

Ровно под проемом виднелся четкий контур скрюченного тела. Желтоватая жижа и ряска брызгами разлетелись в стороны, точно на картине художника-абстракциониста.

– Странное дело, – заметил Эд. – Можно забыть закрыть решетку, когда спускаешься. Несколько раз так и случалось на моей памяти, вот как раз с этой, остальные всегда были заперты.

– Но с чего бы Чезу ее открывать? А если не Чезу, то кому-то еще.

– Незачем – разве что кто-то хотел кого-то столкнуть, – сказал Эд.

– А почему потом не закрыли?

– Если бы Чез упал случайно, то и закрывать некому. Вот и оставили, чтобы инсценировать несчастный случай.

– Взгляни вон на тот брус, чуть пониже проема. Видишь трещину?

– Вижу. Наверное, Чез головой ударился, падая.

– Слазая туда, поищу кровь и волосы. И образец дерева возьму.

– Спасибо, Джо. Заодноними крупным планом. А я за веревкой спущусь, надо тебя подстраховать, не хватало нам два трупа в этой жиже в один день! Да, и проверь на отпечатки открытую решетку и ту, что над лестницей, ограждения, перила – в общем, чего могли касаться. И надо поискать, нет ли где волос, ниток, волокон одежды.

* * *

Спустя два с лишним часа они разогнули наконец спины.

– Я не говорю, что тут нечисто, – сказал Эд, – пока еще рано. И, между прочим, не припомню никого, кто мог бы желать Чезу смерти.

– Ну а я думаю, целый список наберется, – возразил помощник.

– Да? Ты о ком?

– Не прикидывайся, Эд! Сам знаешь, что за хрен был Чез. Шлялся по бабам, блудил как кот мартовский. И до женитьбы, и после, и с девчонками, и с замужними. Кобели на собачьей свадьбе и то поскромней будут.

– Да ну, не все так плохо было, точно тебе говорю. Ну да, бабник, но не убивать же его за это!

– Я о том толкую, что многим в городе он был поперек горла. Ревнивым мужьям, к примеру. Наверняка это кто-то из его знакомых. И не только его, а и наших тоже. Вряд ли Чез сюда полез бы с чужаком каким, – предположил Джо.

– Разве что здорово задолжал кому-то не из местных. Впутался в историю, а мы ни сном ни духом. Но чтобы отсюда столкнуть Чеза Эндрюса, сила нужна немалая. Непростое дело-то.

– У меня есть кое-кто на примете, – сказал Джо.

6

Лодка и мальчик

1952

Однажды утром в кухню зашел Па, свежевыбритый, в мятой рубашке с воротником на пуговках, и сказал, что едет автобусом в Эшвилл, по армейским делам. Он считал, что пенсию по инвалидности ему недоплачивают, и ехал разбираться, дня на три-четыре. Прежде он никогда не говорил Киа, куда едет, зачем и надолго ли, и она, стоя рядом в куцых штанах на лямках, лишь молча глядела на него.

– Да ты у нас, оказывается, глухонемая, – буркнул он и вышел с веранды, хлопнув дверью.

Киа смотрела, как он хромает по дорожке, загребая левой ногой, и пальцы у нее сжимались в кулаки. Все ее бросают, уходят по дорожке прочь, один за другим. Когда он на повороте вдруг оглянулся, Киа подняла руку и замахала что есть силы. Пусть хоть что-то его да удержит. Па махнул в ответ – коротко, небрежно, и на том спасибо. Ма ведь даже не обернулась.

Киа пошла к лагуне, где, сверкая на солнце крылышками, плясали над водой сотни стрекоз; дубы и густой кустарник окружали лагуну, нависая над ней, будто своды пещеры. Приблизившись, Киа остановилась как вкопанная – у берега на привязи покачивалась лодка Па. Уплыть бы на ней в болото – но отец узнает, отлупит ремнем. Или веслом, что стоит у двери, – Джоди окрестил его “милости просим”.

И все-таки любопытство потянуло ее к лодке – металлической плоскодонке, на которой

отец рыбачил. Киа ходила на ней сколько себя помнила, чаще всего с Джоди. Иногда он ей давал порулить. Она даже знала, как выйти извилистыми ручьями и протоками, сквозь водный лабиринт, к морю. Хотя океан был совсем близко, едва ли не сразу за деревьями, окружавшими хижину, на лодке сначала нужно было плыть в противоположную сторону – вглубь материка, через сплетение проток, тянувшееся много миль, прежде чем выйти к морю.

Но Киа в свои семь лет никогда еще не плавала одна. Лодка покачивалась на воде, привязанная хлипкой веревкой к бревну. На дне мусор, рваные сети, смятые пивные жестянки. Забираясь в лодку, Киа сказала вслух:

– Надо бензин проверить, как Джоди учил, чтобы Па не заподозрил, что лодку брали без спросу. – Она потыкала в отверстие ржавого бака камышинкой. – Наверно, хватит чуть-чуть покататься.

Киа, под стать заправскому угонщику, огляделась, сдернула с бревна веревку и оттолкнулась веслом от берега. Облачко стрекоз бесшумно разлетелось перед ней.

Не в силах устоять, Киа дернула трос и отпустила, когда мотор затарахтел и повалил белый дымок. Она схватилась за румпель, слишком сильно выкрутила ручку газа, и лодку круто развернуло, мотор заскрежетал. Киа убавила газ, и лодка, пофыркивая, выровнялась.

“Если что не так, сбрось газ. На холостой ход”.

Чуть прибавив скорость, Киа обогнула поваленный кипарис – фр-фр-фр! – потом бобровую хатку. И, затаив дыхание, повернула к выходу из лагуны, еле видимому из-за кустов ежевики. Нырять под низко нависающие ветви деревьев-великанов, не спеша проплыла сотню ярдов, вокруг плюхались в воду с коряг черепахи. Киа плыла будто сквозь изумрудный туннель: внизу ковер из ряски, сверху зеленый свод. Деревья наконец расступились, и ее встретило высокое небо, густые травы, птичьи крики. Должно быть, так видит мир цыпленок, когда пробьет скорлупу, подумалось ей.

Киа двинулась дальше – тоненькая девчушка в лодке, – а впереди ветвились, переплетались бесчисленные протоки. “В сторону моря все повороты – левые”, – учил ее Джоди. Киа вела лодку вниз по течению бесшумно, малым ходом. В тростниках белохвостая олениха с олененком-подростком пили из ручья. Оба встрепенулись, подняли морды, с которых капала вода. Киа не остановилась, чтобы не спугнуть их, этот секрет она усвоила, наблюдая за дикими индейками: не веди себя как хищник, и животные не станут вести себя как жертвы. Просто не обращай на них внимания, плыви себе мимо. Киа так и сделала, а олени стояли неподвижно, как две сосенки, пока она не скрылась за островком травы-солянки.

Впереди лежала цепь темных лагун, окруженных дубами, и Киа вспомнила: в дальнем конце есть протока, что ведет в широкое русло. Несколько раз Киа упиралась в тупики и возвращалась, искала другой поворот. Старалась запомнить все приметы, чтобы не заблудиться. Наконец перед ней открылось русло – всюду, куда хватало глаз, синела вода, будто в нее опрокинулось небо с облаками.

Киа заметила, что вода в ручьях убывает, – значит, начался отлив. Когда вода отступит – а это может случиться в любую минуту, – часть проток исчезнет и она застрянет на мели. Придется плыть наперегонки с отливом.

Когда она огибала островок высокой травы, океан – серый, суровый, беспокойный – стал вдруг хмуриться. Волны сталкивались, исходили белой слюной, с ревом бились о берег, будто не знали, куда девать силы. А потом затихали, распластываясь пенными языками, – и так до нового всплеска.

Прибой будто дразнил ее, звал в открытое море, но без Джоди она не отваживалась

выйти на простор, да и назад пора. В небе на западе выросли гигантскими свинцовыми грибами грозные облака, того и гляди лопнут.

До той минуты поблизости не было ни души – ни людей, ни лодок, и Киа удивилась, когда вышла в большое русло, а там, в тростниках, – мальчик, в такой же ветхой лодчонке, удит рыбу. Придется пройти от него совсем близко, футах в двадцати. Волосы у Киа были спутаны, на замурзанных щеках дорожки от слез – настоящее дитя болот.

Ни полупустой бак, ни близкая гроза не пугали ее так, как встреча с человеком, тем более с мальчишкой. Мама учила старших сестер остерегаться мальчишек: если ты беззащитна, мужчины превращаются в хищников. Киа, кусая губы, думала: “Что же мне делать? Мне же его не обогнать”.

Краем глаза она посматривала на мальчишку. Худой, золотистые вихры выбиваются из-под красной кепки; постарше, лет одиннадцати-двенадцати. Киа подплыла к нему с каменным лицом, а он вдруг улыбнулся тепло и открыто и притронулся к кепке – так кавалер приветствует даму. Киа слегка кивнула, поддала газу и прошла мимо, глядя перед собой.

Цель была у нее одна – скорее добраться до знакомых мест, но где-то она, должно быть, свернула не туда и, дойдя до второй цепочки лагун, никак не могла отыскать протоку, что вела домой. Киа кружила и кружила возле корней дубов и зарослей мирта. В душу закрался страх. Все травянистые берега, песчаные косы, излучины казались теперь на одно лицо. Заглушив мотор, Киа поднялась, расставив пошире ноги, чтобы не упасть, вглядывалась в тростники, но ничего не увидела. Опустилась на сиденье. Заблудилась, и бензин вот-вот кончится. Да еще и гроза надвигается.

И отцовскими словами стала она проклинать брата за то, что уехал. “Чтоб тебя, Джоди! Чтоб ты сгорел! Чтоб у тебя дым повалил из задницы!”

Лодку тихонько повлекло по течению, и Киа всхлипнула. Облака, сгущаясь вокруг солнца, неслись над головой – грозно, бесшумно, закрывая небо, отбрасывая тени на прозрачную воду. Того и гляди начнется гроза, но это еще полбеды. Если она припозднится, Па может вернуться и поймет, что она взяла лодку. Киа повернула назад: вдруг тот мальчик еще не ушел?

Несколько минут – и вот он, поворот; впереди широкое русло, а возле дальнего берега – мальчик в лодке. Взлетели спугнутые цапли – цепочка белых флажков на фоне свинцовых туч. Киа впиалась в мальчика взглядом. И подойти к нему страшно, и не подойти тоже. Наконец она пустилась поперек русла.

Мальчик, завидев ее, поднял голову:

– Привет!

– Привет! – Киа смотрела мимо него, в тростники за его плечом.

– Ты куда? – спросил он. – Надеюсь, не в открытое море. Гроза собирается.

– Нет, – отозвалась Киа, глядя в воду.

– Что-нибудь случилось?

У Киа перехватило горло от подступивших рыданий. Она кивнула, но слова не шли с языка.

– Заблудилась?

Киа снова кивнула. Нельзя реветь по-девчоночьи.

– Ничего. Я и сам все время здесь плутаю. – Он улыбнулся. – А я тебя знаю! Ты сестра Джоди Кларка.

– Бывшая. Он уехал.

– Все равно ты как была, так и осталась ему... – Он не договорил.

– А откуда ты его знаешь? – Киа метнула на мальчика быстрый взгляд.

– Мы с Джоди вместе рыбачили иногда. Я тебя видел несколько раз, ты еще маленькая была. Тебя ведь Киа зовут?

Киа опешила: кто-то знает ее по имени! Казалось, она обрела что-то новое, а от чего-то освободилась.

– Да. Знаешь дорогу? До моего дома?

– Кажется, знаю. Поплыли скорей! Вон какие тучи. За мной!

Он вытянул из воды удочку, смотал, завел мотор. На ходу помахал рукой, и Киа двинулась следом. Не спеша зайдя в нужную протоку, он оглянулся и, убедившись, что Киа тоже повернула, поплыл дальше. И так на каждом повороте, до цепочки дубовых лагун. Когда он свернул в темную протоку, что вела к дому, Киа поняла, где ошиблась, уж второй раз не промахнется.

Он вывел ее – хоть она и показала жестом, что дальше дорогу знает, – через ближнюю лагуну к берегу, где ютилась в лесу ее хижина. Киа свернула к поваленной сосне, привязала лодку. Он отплыл назад, встал, покачиваясь на волнах.

– Все хорошо?

– Ага.

– Ну, мне пора, а то гроза начнется.

Киа кивнула, а потом сказала, как учила мама:

– Спасибо.

– Да не за что. Меня зовут Тейт. Наверняка еще встретимся.

Киа не ответила.

– Ну пока!

Когда он повернул назад, на песок упали первые капли, и Киа подумала: “Сейчас польет как из ведра, вымокнет он до костей”.

Потом наклонилась к баку, потыкала камышинкой, прикрыв ладонью горлышко от дождя. Может, она и не умела считать деньги, зато твердо знала: бензин от воды надо беречь.

Бензину на доньшке осталось. Па все поймет. Надо сбегать в “Синг Ойл” за новой канистрой, пока он не вернулся.

Киа знала, что хозяин “Синг Ойл”, мистер Джонни Лейн, называет ее семью “шваль болотная”, но ее не пугали ни он, ни ветер, ни течения. Теперь она только об одном

мечтала – скорей вернуться туда, на простор, где вода, и трава, и небо. Одной ей было там страшно, но сейчас душа пела в радостном ожидании. Притягивало ее и кое-что еще: небывалое спокойствие того мальчика. Уверенность в каждом слове, в каждом движении. Легкость, непринужденность. Когда он был рядом – пусть даже не совсем рядом, а чуть поодаль, – ей легче дышалось. Впервые с тех пор, как ушли Ма с Джоди, она вздохнула свободно, до этого была лишь боль, а теперь вернулись и другие чувства. Ей нужна лодка, нужен тот мальчик.

* * *

В тот же день, ближе к вечеру, Тейт Уокер шагал по городу с велосипедом. Вежливо кивнул мисс Пэнси в окошке “Кресса”, миновал “Вестерн Авто” и дошел до городской пристани. Вгляделся в морскую даль, поискал глазами отцовский креветочный катер “Вишенка” и наконец увидел его вдалеке – вот он, ярко-алый, раскинул широкие сети, словно крылья. Когда катер приблизился в облаке чаек, Тейт махнул и отец – плечистый рыжебородый верзила – поднял руку в ответ. Шкипер, как называли его в городке, бросил Тейту швартов, и Тейт, привязав катер, прыгнул на борт, помочь экипажу выгружать улов.

Шкипер потрепал Тейта по макушке.

– Как дела, сынок? Спасибо, что пришел!

Тейт улыбнулся, кивнул:

– А куда ж я денусь!

И пошла работа – матросы грузили в ящики креветки и таскали на причал, а между делом договаривались пропустить по стаканчику в “Конуре”, расспрашивали Тейта о школе. Шкипер, на голову выше остальных, поднимал три проволочных ящика в один присест, переносил через деревянный настил и отправлялся за новыми. Лапищи были у него медвежьи, костяшки разбиты в кровь. Не прошло и сорока минут – а палуба уже помыта, сети убраны, снасти увязаны.

Матросам Шкипер пообещал выпить с ними в другой раз, а сейчас надо кое-что починить – и домой. В рубке был пристегнут ремнями к стойке проигрыватель, Шкипер поставил пластинку на 78 оборотов, Милицу Корьюс, и прибавил звук. Вдвоем с Тейтом они спустились в тесное машинное отделение, и там при свете тусклой лампочки Тейт подавал отцу инструменты, а Шкипер смазывал детали, подкручивал гайки, а в воздухе плыли нежные, вдохновенные арии.[2]

Прапрадед Шкипера прибыл сюда из Шотландии в 1760-х, потерпел кораблекрушение у берегов Северной Каролины, и из тех, кто был на борту, один остался в живых. Вплавь добрался до Внешних отмелей, осел в здешних местах, женился и произвел на свет тринадцать детей. Многие вели свой род от того самого Уокера, но Шкипер[3] и Тейт с родней виделись редко, лишь когда выбирались на воскресные семейные пикники с куриным салатом и фаршированными яйцами, – совсем не то что при маме и сестре.

Наконец, уже в серых сумерках, Шкипер хлопнул Тейта по плечу:

– Дело сделано. Пора домой, ужинать.

С пристани они вышли на Главную улицу, а оттуда – на извилистую дорожку, что вела к их дому, двухэтажному, обшитому потемневшей кедровой дранкой, построенному еще в

начале прошлого века. Оконные рамы были недавно побелены, а газон – широкий, почти до самого моря – аккуратно подстрижен. Но азалии и розовые кусты рядом с домом утопали в сорняках.

Стаскивая в прихожей желтые резиновые сапоги, Шкипер спросил:

– От бургеров небось уже тошнит?

– Готов их есть хоть каждый день!

Тейт за кухонной стойкой лепил из фарша котлеты и складывал на блюдо. Со снимка у окна улыбались его мать и сестра Кэриэн, обе в кепках. Кэриэн не расставалась с любимой кепкой “Атланта Крекерз”, всюду ходила в ней.

Тейт отвел взгляд от снимка и принялся нарезать кружочками помидоры, помешивать фасоль. Если бы не он, обе были бы рядом. Мама отбивала бы курицу, Кэриэн вырезала бы формочками печенье.

Бургеры у Шкипера, как обычно, слегка подгорели, зато вышли толстые, с телефонную книгу небольшого городка, и сочные внутри. Оба проголодались и вначале ели молча, потом Шкипер стал расспрашивать Тейта о школьных делах.

– С биологией все у меня хорошо, мне нравится, а по английскому изучаем поэзию. Скукотища, стихи учить заставляют. Ты мне читал когда-то вслух, но я все позабывал.

– Есть у меня в запасе стихотворение, сынок, – ответил Шкипер. – Мое любимое – Роберт Сервис, “Кремация Сэма МакГи”. Маме оно нравилось. Когда я читал, она смеялась, и никогда ей не надоедало.

Тейт, вспомнив про маму, опустил голову, стал размазывать по тарелке фасоль.

Шкипер продолжал:

– Ты не думай, что поэзия – это для неженков. Есть, конечно, и слюнявые стишки про любовь, но есть и смешные, и о природе, и про войну. На то и нужна поэзия, душу берeditь.

Отец не раз говорил Тейту, что настоящий мужчина не стыдится слез, всем сердцем чувствует поэзию и оперу и способен защитить женщину. Шкипер скрылся в гостиной, крикнул оттуда:

– Раньше я его наизусть помнил почти целиком, а теперь уже нет. Но вот, нашел, сейчас тебе прочту.

Он вернулся за стол и начал читать. Когда он дошел до строк:

...но в пылающей топке Сэм спокойно сидел внутри.

Улыбаясь слегка, он издали крикнул мне: “Дверь затвори!

Здесь тепло весьма, но кругом – зима, как бы снегу не намело.

Как в минуту сию, лишь в родном краю было мне так же тепло”, –[4]

оба прыснули.

– Мама твоя в этом месте всегда смеялась.

Вспомнив, оба улыбнулись. Посидели, помолчали. Потом Шкипер предложил: я помою посуду, а ты, Тейт, садись за уроки. У себя в комнате, листая сборник в поисках стихотворения, которое можно прочесть в классе, Тейт наткнулся на балладу Томаса Мура:

...к Унылой Топи ушла она

И всю ночь в огнях светляков одна

В каноэ белом гребет.

Я скоро увижу ее светляков,

Услышу всплески весла,

И мы будем вдвоем, а при звуке шагов

Я найду ей в ветвях кипариса кров,

Чтобы смерть ее не нашла.[5]

Ему тотчас вспомнилась Киа, младшая сестра Джоди. Там, среди болот, она казалась такой маленькой, беззащитной. Тейт представил, будто это его сестра заблудилась на болоте. Прав отец – на то и поэзия, чтобы душу беречь.

7

Рыболовный сезон

1952

В тот же вечер, после того как мальчик с удочкой проводил ее через болото домой, Киа сидела, скрестив ноги, в своей постели на веранде. Дождь прекратился, и сквозь залатанную сетку просачивался туман, холодил лицо. Киа думала о мальчике. Он как Джоди, сильный и при этом добрый. Она давно уже ни с кем не разговаривала, кроме отца да иногда миссис Синглтри, кассирши из “Пигли-Вигли”. Та с недавних пор взялась учить ее различать монеты – четвертаки, пятаки, десятицентовики, а пенни Киа и так ни с чем не спутает. Но миссис Синглтри любила совать нос не в свое дело.

– Детка, скажи, как тебя все-таки зовут? А мамы твоей почему не видно? Не встречала ее с тех пор, как репа взошла.

– Ма по дому хлопочет, а меня за покупками посылает.

– Да, детка, но покупок твоих так и так на семью не хватит.

– Мэм, мне пора, маме срочно нужна крупа.

Киа всячески избегала миссис Синглтри и, если могла, подходила к другой кассирше – та ни о чем не расспрашивала, только ворчала: мол, в магазин босиком заходить нельзя. Киа подумывала ответить, что брать виноград ногами не станет. Да и кому он нужен, такой дорогуший?

Время шло, и Киа не с кем было словом перемолвиться, разве что с чайками. Договориться бы как-нибудь с Па, чтобы давал ей лодку. На болоте можно собирать перья, ракушки, а если повезет, и мальчика того встретить. С ним можно было бы плавать по протокам, бродить по торфяникам. Для него она, конечно, еще малявка, зато у него есть чему поучиться, болото он знает вдоль и поперек. Друзей у нее никогда не было, но она понимала, зачем нужны друзья, тянулась к людям.

Машины у Па не было. В лодке он и рыбачил, и в город мотался, и пробирался извилистыми протоками в “Болотные огни”, задрипанный бар и картежный притон в камышах, соединенный с сушей шаткими мостками. Обшитый досками, крытый листами железа, со множеством пристроек, он стоял на сваях, как избушка на курьих ножках, и весь шатался. И туда, и в другие места Па добирался на лодке, лишь изредка ходил пешком – с чего вдруг он даст ей лодку?

Но братьям-то давал, когда та была ему не нужна, – братья ловили на ужин рыбу, вот в чем секрет. Киа рыбалкой не увлекалась, но, может быть, предложить Па взамен что-то другое? Скажем, стряпать, больше помогать по дому, пока Ма не вернется.

Дождь почти перестал, только изредка упадет капля на лист, и тот дрогнет, будто кошка ухом повела. Киа вскочила, вычистила шкафчик-холодильник, отдраила шваброй грязный фанерный пол на кухне, соскребла с замызганной плиты остатки каши. Наутро чуть свет она выстирала отцовское постельное белье, пропахшее потом и виски, и развесила сушить на пальмах. Заглянула в комнату братьев, размером с чулан, вымела пол, вытерла пыль. В тумбочке лежала гора грязных носков, а на полу, на засаленных матрасах, – пожелтевшие комиксы. Киа пыталась вспомнить лица братьев, их ноги в носках, но видела их будто сквозь дымку. Даже Джоди не могла вспомнить, вспыхнут на миг его глаза – и подернутся туманом.

На другое утро, прихватив канистру в один галлон, Киа отправилась песчаными тропами в “Пигли” и там купила спичек, говяжьих костей и соли. Сэкономила двадцать центов. “Обойдусь без молока – бензин нужнее”.

Киа остановилась у заправки “Синг Ойл” на самом краю Баркли-Коув, в сосновой рожице; вокруг заправки громоздились на бетонных блоках ржавые грузовики, валялся железный лом.

Мистер Лейн еще издали приметил Киа.

– А ну кыш, попрошайка! Рвань болотная!

– У меня деньги есть, мистер Лейн. Мне нужен бензин и масло для папиной моторки. – Киа протянула два десятицентовика, два пятака и пять пенни.

– Ради такой мелочи не стоит и напрягаться, ну да ладно, давай сюда свою посудину. – Мистер Лейн взял у нее покоробленную квадратную канистру.

В ответ на ее “спасибо” он что-то буркнул. Путь домой вышел долгим – с каждой милей покупки наливались тяжестью. Наконец, очутившись на берегу лагуны в тени деревьев, Киа вылила в бак бензин и принялась мыть лодку и чистить мокрым песком до блеска.

* * *

Когда пошел четвертый день, а Па все не появлялся, Киа стала его высматривать. Ближе к вечеру в душу закрался леденящий страх, каждый вдох давался с трудом. И снова глядела она на дорогу. Скорей бы Па вернулся, хоть он и злющий. Наконец вечером он показался на разбитой песчаной тропе. Киа бросилась в кухню, положила ему в тарелку гуляш из говяжьих костей с листовой горчицей и кукурузной крупой. Соус она готовить не умела, просто отлила мясного бульону с белыми жиринками в банку из-под варенья. Тарелки были разномастные, щербатые, но Киа накрыла на стол по всем правилам, как Ма учила: вилка слева от тарелки, нож – справа. И стала ждать, прижавшись спиной к холодильнику, будто сбитый аист, распластанный посреди дороги.

Па толкнул дверь, в три широких шага пересек жилую комнату и скрылся в своей спальне, на кухню даже не заглянул и Киа не окликнул. Как обычно. Вот стукнул об пол чемодан, заскрипели ящики комода. Па, конечно, заметит и свежие простыни, и чисто выметенный пол. Не увидит, так унюхает.

Через минуту-другую он сунул голову в кухню – а там накрыт стол, дымятся тарелки. Он посмотрел на Киа, прижавшуюся спиной к холодильнику, и они обменялись взглядами, будто видели друг друга впервые.

– Эй, пташечка ты моя, что это? Ты будто раз – и выросла! Стряпаешь и все такое! – Он не улыбнулся, но лицо было умиротворенное. Он весь оброс, тусклые волосы свисали сосульками. Зато трезвый, Киа сразу поняла.

– Да. Я еще и хлеб кукурузный испекла, да только вышел он невкусный.

– Все равно спасибо. Вот умница! Ох и вымотался я! И жрать охота, целого кабана бы съел!

Он выдвинул стул и сел, а следом Киа. Молча накладывали они в тарелки еду, обгладывали с костей волокнистое мясо. Па принялся высасывать позвонок, небритые щеки жирно лоснились. Кости он обгладывал до блеска.

– Наваристая штука, это вам не лист капустный на хлеб положить! – нахваливал он.

– Жаль, хлеб не удался. Наверно, соды недоложила, а яиц переложила. – Киа отвыкла свободно разговаривать, но и замолчать уже не могла. – У Ма вкусный получался, а я не запоминала, как его печь... – Тут Киа осеклась: не стоит говорить о Ма.

Отец придвинул к ней тарелку:

– Добавка есть?

– Да, сколько хочешь.

– А хлебца брось прямо сюда, сверху. Люблю бульон вымакивать, а хлебец твой, уж как пить дать, будет в самый раз – дырчатый, как оладушки!

Положив ему добавки, Киа улыбнулась про себя. Кто бы мог подумать, что их сблизит кукурузный хлеб!

Но теперь, поразмыслив, она вдруг испугалась: если попросить у Па лодку, он решит, что она только ради этого старалась. Изначально, конечно, так и было, но сейчас все

по-другому. Ей нравилось сидеть с ним за столом по-семейному. И так и тянуло поговорить.

И она не стала выпрашивать лодку, а сказала:

– Возьмешь меня когда-нибудь на рыбалку?

Па расхохотался, грубовато, но по-доброму, – впервые с тех пор, как ушла Ма и остальные.

– На рыбалку хочешь?

– Еще бы!

– Ты же девчонка! – отозвался он, уткнувшись в тарелку и обгладывая кость.

– Да, твоя дочь!

– Ладно уж, возьму как-нибудь.

Наутро Киа неслась сломя голову по песчаной тропе, растопырив руки, пуская пузыри. Взлететь бы над болотом и высматривать птичьи гнезда, а потом взмыть еще выше, парить бок о бок с орлами! У нее не руки, а крылья, – распластать бы их и подниматься, ловить потоки воздуха! Вдруг голос Па вернул ее на землю. Крылья поникли, сердце оборвалось. Видно, Па понял, что она брала лодку! Киа уже представила, как он лупит ее веслом. Надо затаиться, дожидаться, когда он будет пьян, тогда он ее нипочем не найдет. Но Киа стояла посреди тропы, на самом виду, и Па был уже тут как тут, с шестом и удочками, и махал ей: сюда! Киа подошла поникшая, испуганная. На дне лодки валялись снасти, а под сиденьем – мешок с запасом кукурузного виски.

– Залазь, – небрежно бросил Па.

Киа ни обрадоваться не успела, ни поблагодарить – увидев его пустые глаза, она притихла, забралась в лодку и уселась на носу, глядя перед собой. Па завел мотор, и они пустились вдоль протоки, петляя в камышах, и Киа старалась запомнить все приметы – каждую корягу, каждый пенек. В тихой заводи Па приглушил мотор и знаком велел ей перебраться на среднее сиденье.

– Ну-ка выцарапай из банки пару червей, – процедил он, не выпуская изо рта самокрутки. И стал учить Киа, как насадить на крючок червяка, как размотать леску, закинуть удочку. Казалось, он уворачивался как мог, лишь бы не коснуться ее ненароком. Говорили они только о деле, на пустую болтовню не отвлекались, не улыбались, но рыбалка их сплотила. Па отхлебнул виски, но потом за хлопотами позабыл о бутылке.

Киа втайне надеялась, что ничего не поймает, но когда леска у нее натянулась, она дернула удочку, а на крючке бился лещ, сверкая серебристо-голубой чешуей. Па опустил его в сачок и, откинувшись на сиденье, захлопал в ладоши, закричал – никогда прежде Киа не видела, чтобы он так ликовал. Киа просияла, их взгляды встретились, вспыхнули радостью.

Пока лещ бился на дне лодки, Киа разглядывала то облака, то цепочку пеликанов на горизонте, лишь бы не смотреть в глаза умирающей рыбе, не видеть, как та разевает рот. Зато теперь она обрела хотя бы подобие семьи, а ради этого стоило помучиться и ей, и рыбе. Рыбу, конечно, жаль, но все-таки...

Под вечер солнце потускнело до масляного цвета, и они не заметили, как плечи у них сами собой ссутулились, руки ослабли.

На другой день они снова пошли рыбачить, и в сумрачной лагуне Киа заметила на воде мягкие пуховые перья виргинского филина. Концы их были загнуты вверх, перья покачивались на волнах, как крохотные оранжевые лодочки. Киа выловила их и сунула в карман. В тот же день она нашла на ветке брошенное гнездо колибри и припрятала под сиденьем на носу лодки.

Вечером Па приготовил ужин – поджарил рыбу, обваляв в кукурузной муке с черным перцем, и подал с кашей и зеленью. После ужина, когда Киа мыла посуду, Па принес в кухню свой старый армейский рюкзак и прямо с порога небрежно бросил на стул. Рюкзак сполз на пол, Киа вздрогнула, обернулась.

– Это тебе, для твоих перьев, гнезд и прочей ерунды.

– Ой... – удивилась Киа. – Ой, спасибо.

Но Па уже вышел на веранду. Киа взяла потрепанный рюкзак – парусиновый, с потайными кармашками и прочными молниями, сшитый на века, – и уставилась в окно. Па ей никогда ничего не дарил.

* * *

Погожими зимними днями, а весной и вовсе каждый день, Киа с Па выходили на рыбалку, то ближе, то дальше; ловили на блесну, на спиннинг. И в заливе, и по берегам ручьев Киа высматривала того мальчика, Тейта, – вдруг он снова здесь рыбачит? Вспоминала его, мечтала с ним подружиться, но не знала как, не знала даже, где его искать. А однажды они с Па зашли за поворот, а он там, с удочкой, – на том самом месте, где они встретились в прошлый раз. Тейт тут же заулыбался, помахал. Киа недолго думая подняла руку и махнула в ответ – еще немного, и улыбнулась бы. Но тут же опустила руку, встретив непонимающий взгляд Па.

– Это друг Джоди, – объяснила она.

– Ты здесь смотри поосторожней с чужими, – предупредил Па. – В лесу полно всякого сброда. Всюду проходимцы, куда ни плюнь.

Киа кивнула, хотела оглянуться еще раз на мальчика, но так и не решилась. И сразу встревожилась: вдруг он счел ее грубой?

Болото Па знал вдоль и поперек, как ястреб знает родной луг, – где охотиться, где прятаться, как отвадить чужаков. И когда Киа с горящими глазами сыпала вопросами, он рассказывал о гусиных перелетах, о рыбьих повадках, учил предсказывать погоду по облакам и распознавать прибрежные течения.

Иногда Киа набивала рюкзак едой, и на закате они ужинали хрустящим кукурузным хлебом с кольцами лука; хлеб Киа научилась печь весьма недурно. Случалось, Па забывал виски и они пили чай из стеклянных банок.

– Знаешь, наш род не всегда был такой бедный, – заговорил как-то Па, когда они, сидя под дубом, удили рыбу в бурой лагуне; над водой толклась мошкара. – Были у нас земли плодородные, растили и табак, и хлопок, и много чего еще. Близ Эшвилла. Бабушка твоя, моя мать, щеголяла в длинных юбках, а шляпки носила здоровенные, с колесо. Жили мы в двухэтажном особняке, с верандой во всю стену. Одно слово, роскошь!

Бабушка. Киа раскрыла рот. Где-то у нее есть – или была когда-то – бабушка. Где же она сейчас? Так и тянуло спросить, что с ними со всеми случилось, но не хватило духу.

А Па продолжал, будто сам с собой разговаривал:

– А потом все пошло наперекосяк. Я был тогда еще малец, не помню ничего, знаю только, что началась Великая депрессия, хлопок сожрали долгоносики, и все пропало. И остались мы в долгах по самые уши.

Киа пыталась по этим обрывкам воссоздать его прошлое. О маминном прошлом речи не шло – Па приходил в ярость, стоило заговорить о том, как жили они до рождения Киа. Она знала, что мамина семья была откуда-то издалека, там Ма покупала в магазинах платья с перламутровыми пуговками, атласные ленты, кружева. Когда они перебрались в хижину, Ма спрятала платья в сундуки и раз в несколько лет доставала одно и превращала в будничное – новые покупать было не на что. А теперь и наряды, и их история сгинули; все спалил Па после ухода Джоди.

Они порыбачили еще немного, глядя в неподвижную воду, припорошенную нежной желтой пыльцой, и Киа уже и не надеялась на продолжение рассказа, но Па добавил:

– Возьму тебя как-нибудь с собой в Эшвилл, покажу тебе землю, что была когда-то нашей и стала бы твоей.

Вскоре он выдернул из воды удочку:

– Глянь, детка, ну и чудище я выловил – что в твоей Алабаме!

В хижине они нажарили рыбы и кукурузных оладий “с гусиное яйцо”. После ужина Киа разобрала свои сокровища: насекомых пришила на картонки, а перья развесила на стене дальней спальни – красота, да и только! А потом, лежа в постели на веранде, слушала, как шумят сосны. Закрыла глаза и вновь широко открыла. Па назвал ее “детка”!

8

Со знаком минус

1969

Закончив работу на пожарной вышке, шериф Эд Джексон и его помощник Джо Пардью проводили Перл, вдову Чеза, и его родителей, Патти Лав и Сэма, в прохладную больничную лабораторию, служившую заодно и моргом, где на железном столе под простыней лежал Чез. Прощание. Но ни одна жена, ни одна мать не вынесет такого холода и ужаса. Обеих женщин пришлось увести.

В кабинете шерифа Джо сказал:

– Что ж, хуже некуда...

– Еще бы. Не знаю, как люди живут после такого.

– Сэм ни слова не проронил. Он и всегда-то был угрюмый, а уж это его доконает.

Говорят, что прибрежное болото и бетонную плиту сожрет на завтрак – кабинет шерифа, надежный как бункер, и тот не устоял. Внизу на стенах темнели разводы с кристалликами соли, а к потолку, словно сеть сосудов, поднимались черные прожилки плесени. По углам притаились крохотные бурые грибы.

Шериф достал из нижнего ящика стола бутылку виски, плеснул обоим по двойной порции в кружки из-под кофе. Они потягивали не спеша, а солнце, золотисто-медовое, как бурбон, садилось в море.

* * *

Спустя четыре дня к шерифу в кабинет ворвался Джо, размахивая бумагами:

– Пришли первые результаты экспертизы.

– Дай-ка взглянуть.

Они сели друг против друга за рабочий стол и уткнулись в бумаги. Джо то и дело хлопал по столу ладонью, охотясь за мухой.

Эд прочитал вслух:

– “Установлено, что смерть наступила в ночь с 29 на 30 октября 1969 года, между двенадцатью и двумя часами”. Как мы и думали. – Через минуту он оторвался от бумаг: – Все данные у нас со знаком минус.

– Это верно. Не за что уцепиться, шериф.

– Никаких отпечатков пальцев ни на перилах, ни на решетках – только ребячьи, до третьего пролета. Ни Чеза, ни чьих-то еще. – Шериф с утра не побрился, и на румянном лице проступала темная щетина.

– Значит, кто-то их стер. Дочиста. Иначе почему ни на перилах, ни на решетке нет отпечатков Чеза?

– Вот-вот. Сначала следов не нашли – а теперь и отпечатков пальцев. Нет никаких доказательств, что он перешел болото, поднялся по лестнице, открыл наверху две решетки – ту, что над лестницей, и вторую, куда провалился. Или что там был кто-то другой. Но данные со знаком минус тоже о чем-то говорят. Или кто-то все тщательно прибрал, или его убили в другом месте, а тело перевезли к вышке.

– Но если бы перевезли, были бы следы шин.

– Да, надо вернуться, поискать следы. Вдруг мы что-то пропустили? Правда, там сейчас наши и “скорой”. Словом, теперь я уверен, что это не несчастный случай.

Джо закивал:

– Согласен, не всякий способен подчистую уничтожить следы.

– Есть хочется. Может, в закубочную?

– Готовься, нас там караулят. Весь город переполошился. Убийство Чеза Эндрюса – это не шутка, самое громкое дело в здешних краях – может, за всю историю. Слухи расползаются как дым из дымовой шашки.

– Что ж, держи ухо востро. Может, кто и проболтается. У здешних язык что помело.

Фасад закусочной, смотревший на гавань, был почти сплошь стеклянный, с противоураганными ставнями. Здание, построенное в 1889-м, отделял от скользких ступеней пристани лишь узкий проход. Под окнами валялись брошенные корзины для креветок и скомканные рыболовные сети, тротуар был усеян ракушками. И всюду чаячьи крики да чаячий помет. Аромат сосисок, выпечки, зелени и жареных цыплят, к счастью, заглушал неистребимую вонь от рыбных бочек, стоявших рядами вдоль пирса.

Шериф открыл дверь, и навстречу полился гул голосов. Мягкие красные диваны с высокими спинками оказались сплошь заняты, как и почти все столики. Джо указал на два пустых табурета возле лимонадной стойки.

На подходе они услышали, как мистер Лейн из “Синг Ойл” говорит механику-дизелисту:

– Это не иначе как дело рук Ламара Сэндза. Помнится, он как-то застукал свою благоверную с Чезом, прямо на палубе шикарного Чезова катера. Вот вам и мотив, вдобавок Ламар с законом не в ладах.

– То есть как – не в ладах?

– Он был в той шайке, которая шерифу шины проколола.

– Это они по молодости, по глупости.

– Была и еще история, не помню какая.

За стойкой сновал туда-сюда Джим Бо Суини, хозяин, он же повар, – то перевернет на сковороде крабовые котлеты, то помешает в кастрюле кукурузу в сливочном соусе, то заглянет во фритюрницу, проверит, как там куриные бедрышки. А между делом успевал подавать гостям доверху наполненные тарелки. Говорят, он мог одной рукой тесто месить, другой сома потрошить. А несколько раз в год подавал свое знаменитое фирменное блюдо – жаренную на углях камбалу, фаршированную креветками, с острым плавленым сыром. Славился он на всю округу и в рекламе не нуждался.

Пробираясь к стойке, шериф с помощником услышали обрывки разговора мисс Пэнси Прайс, кассирши из “Кресса”, с подругой:

– Это, должно быть, та девица с болота. Чокнутая, дурдом по ней плачет. Она еще не то может сотворить...

– Что ты болтаешь? Она-то тут при чем?

– Говорят, она когда-то путалась с...

Когда шериф с помощником подошли к стойке, Эд сказал:

– По бутерброду на вынос – и скорей отсюда. Нельзя нам в эти сплетни втягиваться.

Скок

1953

Сидя на носу, Киа смотрела, как по поверхности воды подбирается к лодке туман, тянет к ней свои лапы. Сначала над головой плыли рваные облачка, а вскоре ее с Па окутала сизая мгла, только и слышно, как мотор тихонько потрескивает: тик-тик-тик! Спустя несколько минут сквозь дымку запестрело вдруг что-то, завиднелась ветхая пристань с заправкой и показалось, будто это она плывет им навстречу, а лодка стоит неподвижно. Па подрулил к причалу, лодка легонько стукнулась о настил. Киа была здесь второй раз в жизни. Хозяин, черный старик, подскочил и бросился навстречу – за эту привычку его и прозвали Скоком. Белые бачки и волосы с проседью обрамляли его широкое доброе лицо с круглыми, как у совы, глазами. Высокий и сухонький, он болтал без умолку, вечно улыбался или смеялся на свой манер – запрокинув голову, не разжимая губ. Ходил он не в комбинезоне, как все здешние работяги, а в наглаженной голубой рубашке с воротником на пуговках, носил куцые черные брюки и рабочие ботинки, а иногда, в самый зной, – драную соломенную шляпу.

Его заправка с рыболовным магазинчиком ютилась на шатком причале. Через заводь был протянут трос футов в сорок и крепко привязан к ближайшему дубу. И причал, и хибару сколотил из кипарисовых досок еще прадед Скока, в незапамятные времена, до Гражданской войны.

Три поколения прибывали на стены лавчонки яркие металлические таблички – “Виноградный лимонад”, “Кола «Ройял Краун»”, “Сигареты «Кэмел»” – и номерные знаки автомобилей Северной Каролины, и эту пестроту видно было с моря даже сквозь густой туман.

– Здрасьте, мистер Джейк! Как житье-бытье?

– Жив-здоров, пока не подох, – ответил Па.

Скок рассмеялся заезженной фразе, будто слышал ее впервые в жизни.

– И дочурку прихватили! Вот и славно!

Па кивнул. И добавил, чуть с опозданием:

– Да, это дочка моя, мисс Киа Кларк.

– Рад познакомиться, мисс Киа!

Киа, опустив взгляд на свои босые ноги, подыскивала слова, но ничего в голову не приходило.

Скок как ни в чем не бывало продолжал:

– Славная рыбалка нынче! – И спросил у Па: – Вам лодку заправить, мистер Джейк?

– Да, полный бак!

Они говорили о погоде, о рыбалке, снова о погоде, пока бак не наполнился доверху.

– Ну, хорошего дня! – пожелал Скок, помогая Па отвязать лодку.

Па плавно вырулил в яркую синеву – солнце разогнало туман быстрее, чем Скок залил

бензин. Не спеша обогнули поросший сосняком полуостров и, пройдя еще несколько миль, приплыли в Баркли-Коув, где отец пришвартовался к деревянному причалу с глубокими отметинами от тросов. Рядом суетились рыбаки, грузили рыбу, увязывали снасти.

– Ну что ж, отведаем ресторанных харчей, – сказал Па и повел Киа вдоль пирса к городской закуской.

Никогда в жизни Киа не пробовала ресторанной еды, даже не заходила сюда ни разу. С бьющимся сердцем смахнула она засохшую грязь с куцых штанов на лямках, пригладила спутанные волосы. Когда отец открыл дверь, все застыли с набитыми ртами. Кое-кто из мужчин небрежно кивнул, женщины хмурились и отворачивались. Кто-то буркнул: “Читать не умеют – написано же черным по белому: «Вход босиком запрещен»”.

Па поманил Киа за столик у окна с видом на пристань. Прочесть меню Киа не могла, но Па все ей перечислил, и она выбрала жареную курицу, картофельное пюре с подливкой, белую фасоль и печенье – воздушное, как свежесобранный хлопок. Па заказал креветки во фритюре, кукурузную кашу с сыром, окру и жареные зеленые помидоры. Официантка поставила перед ними блюдо с кусочками сливочного масла на колотом льду, корзинку с кукурузным хлебом и печеньем и два больших стакана сладкого чая со льдом. На десерт принесли ежевичный пирог с мороженым. Киа объелась чуть ли не до тошноты, но была довольна.

Пока Па расплачивался у кассы, Киа вышла на тротуар, где с залива несло рыбой. Остатки курицы и печенья она завернула в жирную салфетку и взяла с собой. Карманы штанов были набиты крекерами, что бесплатно положила на столик официантка.

– Привет! – раздался сзади тоненький голосок, Киа обернулась и встретилась глазами с девочкой лет четырех, в льняных кудряшках.

На девочке было голубое платье. Она протянула руку, такую мягкую, нежную – Киа в жизни не видала ничего чище. Эта ладошка наверняка не знает хозяйственного мыла, а грязи под розовыми ноготками отродясь не было. В глазах малышки Киа увидела свое отражение – девочка как девочка.

Киа переложила сверток в левую руку, а правую нерешительно протянула.

– А ну кыш отсюда! – Из дверей обувного магазина “Бастер Браун” вылетела миссис Тереза Уайт, жена священника-методиста.

Религией в Баркли-Коув потчевали исправно. На весь крохотный городишко целых четыре церкви, и это не считая трех для черных.

Пасторов, проповедников и, конечно, их жен здесь уважали, и те одевались и вели себя соответственно. Тереза Уайт носила белые блузки, юбки пастельных тонов, туфли и сумочки той же гаммы.

Она подлетела к дочери, сгребла ее в охапку. И, поставив девочку на тротуар подальше от Киа, присела подле нее на корточки.

– Мэрил Линн, солнышко, не подходи к этой чумичке, слышишь?!

Киа смотрела, как мать перебирает девочке кудри; от нее не укрылось, как долго глядели они друг другу в глаза.

Из “Пигли-Вигли” вышла женщина и поспешила к ним.

– Что такое, Тереза? Что у вас тут случилось? Эта паршивка пристает к Мэрил Линн?

– Вовремя я ее увидела! Спасибо, Дженни. В городе этим оборванцам не место. Взгляни на нее! Неряха! Безобразие форменное! Сейчас ходит кишечный грипп, наверняка это они заразу разносят. Год назад был случай кори, а это не шутки, и все от них. – И Тереза, подхватив девочку на руки, быстро двинулась прочь.

Тут вышел Па с бутылкой пива в буром бумажном пакете, окликнул Киа:

– Чем ты там занята? Отчаливать пора, отлив на носу!

Киа догнала его, и всю дорогу до дома она видела перед собой мать и дочь – девочкины кудряшки, их взгляды.

Па по-прежнему пропадал иногда на несколько дней, но уже реже. А когда возвращался, то не валился мешком на кровать, а садился за стол, разговаривал с Киа. Как-то вечером они играли в джин, и Па хохотал во всю глотку всякий раз, когда она выигрывала, а Киа хихикала, прикрывая ладонью рот, по-девчоночьи.

* * *

Выходя на крыльцо, Киа всегда первым делом смотрела на песчаную дорогу, не покажется ли Ма, хоть весна была уже на исходе и отцветали дикие глицинии, а Ма ушла еще в конце прошлого лета. В туфлях под крокодиловую кожу. Теперь они с Па вместе рыбачат и разговаривают – может, получится снова зажить семьей? Раньше Па их всех поколачивал, обычно спьяну. Но мог держаться несколько дней, и тогда они всей семьей ужинали куриным рагу, а однажды запускали на пляже воздушного змея. А потом он напивался – и крики, драки. Некоторые подробности засели у Киа в памяти. Однажды Па на кухне припер Ма к стене и бил, покуда не повалил на пол. Киа, рыдая, умоляла его перестать, хватала за руки, а он сгрел Киа за плечи, рявкнул: “Снимай штаны!” – и прижал ее к кухонному столу. Рывком вытащил из брюк ремень и выпорол. Киа, конечно, не забыла жгучей боли, но почему-то еще явственней помнила спущенные джинсы, складками собравшиеся вокруг тонких лодыжек. А Ма, скорчившись на полу у печи, рыдала в голос. Из-за чего они тогда разругались, Киа не знала.

Но если Ма вернется сейчас, когда Па присмирел, – вдруг они могли бы начать все заново? Киа никогда не думала, что Ма уйдет, а Па останется, уж скорее, наоборот. Но ведь Ма ее не бросила навсегда, если она жива-здоровая, то, значит, вернется. Киа как сейчас помнила, как Ма подпеваёт певцам по радио, раскрывая пухлые алые губы, слышала как наяву ее слова: “Слушай внимательно мистера Орсона Уэллса, он человек культурный, и речь у него правильная. Никогда не говори «чэ», такого слова нет”.

Ма рисовала маслом и акварелью болотные пейзажи, закаты – сочными красками, будто взятыми у самой земли. Все нужное для рисования она привезла с собой, да кое-что покупала в “Крессе”. Иногда Ма разрешала ей рисовать на бурых бумажных пакетах из “Пигли-Вигли”.

* * *

В тот же рыболовный сезон, душным сентябрьским полднем, Киа подошла к почтовому ящику в конце тропинки. Перебирая рекламные листовки, она остолбенела, увидев

голубой конверт, подписанный опрятным маминым почерком. На платанах уже понемногу желтели листья – как год назад, когда Ма ушла. За весь год ни слуху ни духу, и вдруг – письмо. Киа глянула на конверт, поднесла его к свету, провела пальцем по изящным наклонным буквам. Сердце стучало как молот.

Ма жива. Живет себе где-то далеко. Что ж она не едет домой?

Хотелось распечатать письмо, но прочесть она могла только свое имя, а его на конверте не было.

Киа влетела в хижину, Па не было – уплыл куда-то на лодке. И она поставила конверт на стол, прислонила к солонке, так он точно заметит. Она варила фасоль с луком, то и дело косясь на письмо – вдруг исчезнет?

Каждые несколько секунд Киа подбегала к окну и прислушивалась, не тарахтит ли лодочный мотор. И вдруг, прихрамывая, поднялся на крыльцо Па. Храбрость ее мигом улетучилась, и Киа прошмыгнула мимо него, на бегу крикнув: я в туалет, ужин почти готов! И юркнула в зловонную уборную, сердце ее колотилось как бешеное. Встав на шаткий деревянный помост, Киа смотрела сквозь полукруглую щелку в двери, не зная, чего ждать.

Тут хлопнула дверь веранды, Па быстрым шагом прошел в сторону лагуны. С мешком в руках сел в лодку и уплыл куда-то. Киа припустила обратно к дому, вбежала в кухню, но письма и след простыл. Киа выдвигала ящики отцовского комода, шарила в тумбочке. Ма и мне писала, не тебе одному! Вернувшись на кухню, Киа заглянула в мусорное ведро и увидела клочки сожженного письма, голубые с черной каймой. Выудила ложкой черно-голубые ошметки, ссыпала горкой посреди стола. Перерыла весь мусор – вдруг на дне ведра хоть что-то уцелело? Нет, ничего, кроме луковой шелухи и серой золы.

Сидя за столом и слушая, как весело булькает в чугушке фасоль, Киа смотрела на горку пепла.

Его касались мамыны руки. Может, Па расскажет, что она написала. Нет, глупости. Скорее наше болото снегом занесет.

Даже почтовая марка, и та исчезла. Теперь неоткуда узнать, где сейчас Ма. Киа сложила обрывки в баночку и спрятала в коробку из-под сигар, которую хранила возле постели.

* * *

Па не вернулся ни в ту ночь, ни утром, а когда наконец явился, то пьяный, как в прежние времена. Когда Киа, собравшись с духом, спросила про письмо, он рявкнул:

– Не твое дело! – И добавил: – Да ты чё, не вернется она, и думать забудь. – И, схватив мешок, заковылял к лодке.

– Неправда! – крикнула ему в спину Киа, уперев в бока сжатые кулачки. И, проводив его глазами, бросила вслед, глядя на пустую лагуну: – “Чё” – такого слова нет!

Все-таки зря она не открыла письмо сама, показала Па. Надо было сохранить мамыны слова, чтобы когда-нибудь прочесть, а Па ничего не узнал бы, и это к лучшему.

Больше Па ее на рыбалку не брал. В ту осень выпало лишь несколько теплых деньков,

низкие тучи раздвинулись ненадолго – и вновь наглухо закрыли солнце.

* * *

Киа забыла, как надо молиться. Если сжать руки и зажмурить глаза покрепче, что-нибудь от этого изменится? “Может быть, если я стану молиться, Ма и Джоди вернуться домой. Даже с криками и руганью жилось лучше, чем сейчас, – тошнит уже от этой каши с комками”.

Она напевала перевернутые строчки из гимнов – Он приходит ко мне, когда розы в росе, – только это воспоминание и осталось у нее о белой церквушке, куда ее несколько раз водила Ма. В последний раз они там были на Пасху, в тот год, когда Ма ушла, но запомнился ей не праздник, а крики и кровь – кто-то упал, они с Ма побежали, – лучше и вовсе не вспоминать.

Киа глянула сквозь листву на мамину грядку с репой и кукурузой – все заросло травой. О розах и речи нет.

Забудь. Никакой Бог к нам в сад не заглянет.

10

Былинка на ветру

1969

Песок хранит тайны надежней ила. Шериф бросил свой пикап, не доезжая до пожарной вышки, чтобы не испортить следов, оставшихся с той ночи. Но когда они шагали по песчаной дороге, высматривая следы шин, то вместо отпечатков ног оставляли за собой на песке бесформенные ямки.

А ближе к вышке, на влажном иле, перед ними развернулась целая летопись: вот петляла самка енота, а следом – четверо детенышей; вот кружевной след улитки, смазанный медведем; вот отпечаток, похожий на неглубокую гладкую чашу, – это отдыхала в прохладном иле черепашка.

– Хоть читай как книгу, но ни следа человеческого, кроме наших.

– Ничего не понимаю, – отозвался Джо. – Видишь вон ту полосу, а за ней треугольник? Может, это и есть следы?

– Нет. По-моему, тут индейка шла, а сверху олень наступил, вот и вышло так ровно.

Спустя еще четверть часа шериф сказал:

– Дойдем вон до той бухточки. Может, сюда не на машине добирались, а на лодке. – И, продираясь сквозь заросли пахучего мирта, они устремились к крохотной бухточке.

Мокрый песок хранил следы крабов, цапель, куликов – но ни следа человека.

– Да, но взгляни-ка сюда. – Джо указал на след в форме веера, почти правильный полукруг. – Будто лодку с круглым носом вытаскивали на песок.

– Нет. Глянь, как вон ту сломанную тростинку на ветру мотало, тоже полукруг вышел. Подумаешь, былинка на ветру.

Они стояли, оглядываясь. Небольшой пляж, вогнутый, похожий на полумесяц, был усеян ракушками, осколками крабьих клешней и панцирей. Раковины лучше всех умеют хранить тайны.

11

Мешки под завязку

1956

Зимой 1956-го, когда Киа исполнилось десять, Па появлялся дома все реже и реже. Неделя шла за неделей – бутылки на полу не валялись, никто не храпел на кровати, и денег по понедельникам никто ей не выдавал. Миновало два полнолуния, а Па нет как нет.

Платаны и гикори тянули к стылому небу нагие ветви, а свирепый ветер гасил любые проблески радости. Что проку от суховея в сыром морском краю?

Киа сидела на ступеньках крыльца и думала. Может, избили его дружки-картежники и бросили промозглой ненастной ночью в болото. А может, нализался вдрызг, заплутал в чаще да и ухнул в трясину.

Не вернется он больше.

Киа в кровь искусала губы. Боли, как после разлуки с Ма, не было – напротив, она заставляла себя горевать. Но полное одиночество отзывалось в сердце безбрежной болью, да и власти скоро обо всем прознают, и ее заберут. Надо вести себя так, даже со Скоком, будто Па здесь.

И никаких больше денег по понедельникам. Последние доллары Киа растянула на недели – перебивалась кукурузной кашей, вареными мидиями, да иногда удавалось найти яйцо от одной из блудных кур. Из запасов оставались у нее спички, огрызок мыла да горсть кукурузной крупы. Спички на целую зиму не растянешь, а без них каши не сваришь – ни себе, ни чайкам, ни курам.

Не знаю, как жить без каши.

Зато, сообразила она, Па ушел пешком, а лодка осталась ей.

Придется, конечно, думать, как добывать еду, но пока что Киа задвинула эту мысль в самый дальний уголок сознания. Поев на ужин вареных мидий – она научилась растирать их в кашу и намазывать на крекеры, – Киа принялась листать мамыны любимые книги, разыгрывая сказки в лицах. В свои десять лет читать она не умела.

Тут огонек керосиновой лампы заморгал и потух. Только что она сидела в круге мягкого света – и вдруг темнота. Киа горестно вздохнула. Па всегда заправлял лампу, и она никогда не задумывалась, откуда берется керосин, а теперь очутилась в темноте.

Киа пыталась разжечь лампу с остатками керосина, но ничего не вышло. Тут из мрака проступили контуры холодильника и квадрат окна, и Киа нащупала на кухонной стойке огарок свечи. Без спички его не зажжешь, а спичек осталось всего пять. Но главное сейчас – победить темноту, а там будь что будет.

Вжик! Киа чиркнула спичкой, зажгла свечу, и тьма уползла в дальние углы. Но Киа как человек опытный понимала: без света не продержаться, а керосин стоит денег. С губ ее сорвался тихий вздох.

Пойти в город и сдать в приют? Там хотя бы накормят и в школу отправят.

Но, подумав, Киа продолжила вслух:

– Но как же без меня дом, и цапля, и чайки? Здесь, на болоте, вся моя семья.

И тут, при свете догорающей свечи, ее осенило.

Утром она встала пораньше, в разгар отлива, и, натянув штаны, выскользнула из дома с ведром, кривым ножом и пустыми джутовыми мешками. Села на корточки и стала собирать вдоль илистой отмели мидий, как учила Ма, и за четыре часа набила два мешка под завязку.

Солнце лениво вставало из-за моря, а Киа уже плыла на моторке сквозь густой туман в лавчонку Скока. Тот, завидев ее, вскочил.

– Здравсьте, мисс Киа! Вам лодку заправить?

Киа втянула голову в плечи. С прошлого своего похода в “Пигли” она ни с кем ни словом не перемолвилась и совсем отвыкла разговаривать.

– Может, и заправить. Но посмотрим. Говорят, вы мидий закупаете, я привезла немного. Можно вам часть продать, а на остальное заправиться? – Киа указала на мешки.

– Да, а как же! Свежие?

– До рассвета собирала. Только что.

– Вот и славно. За один мешок пятьдесят центов, за второй – полный бак, идет?

Киа робко улыбнулась. Настоящие деньги, сама заработала!

– Спасибо, – только и могла она сказать.

Пока Скок заливал бензин, Киа зашла в его лавчонку на пристани. Раньше она сюда почти не заглядывала, потому что все нужное покупала в “Пигли”, а оказалось, что кроме рыболовных снастей и табака здесь есть и спички, и сало, и мыло, и сардины, и венские сосиски, и кукурузная крупа, и крекеры, и туалетная бумага, и керосин. Все, что нужно для жизни, – прямо тут, под рукой. На прилавке стояли рядом пять больших банок дешевой карамели трех сортов. Вряд ли где сыщется столько конфет!

На вырученные деньги Киа купила спичек, кукурузной крупы и свечу. Керосин и мыло подождут, на это нужен еще мешок мидий. Ей понадобилась вся воля, чтобы не купить вместо свечи карамельку.

– Сколько вам нужно в неделю мешков? – спросила она.

– Да мы никак заключаем контракт? – Скок засмеялся своим особым смехом – сквозь зубы, запрокинув голову. – Я по сорок фунтов закупаю, раз в два-три дня. Но вот что, мне и другие привозят. Ежели принесете, а я уже купил, не обессудьте. Кто успел, тот и съел, иначе никак.

– Ладно, спасибо, я согласна! До свидания, Скок! – И Киа добавила: – А кстати, привет вам от Па.

– Да, спасибо! И ему от меня привет. До свидания, мисс Киа! – Он широко улыбнулся ей.

Киа и сама с трудом сдержала улыбку. Теперь она зарабатывает на еду и бензин – значит, она уже взрослая! А когда Киа разбирала в хижине свои нехитрые покупки, на дне мешка ее ждал сюрприз в красно-желтом фантике. Скок положил ей карамельку – видно, взрослая, да не совсем!

Чтобы опередить других собирателей, Киа ходила на болото при луне или со свечой и собирала мидий глухой ночью, и тень ее колыбалась на влажном песке. Иногда удавалось наловить и устриц, а порой она ночевала в ложине, под звездами, чтобы успеть к Скоку до рассвета. Заработок оказался надежней отцовских подачек, и обычно ей удавалось обойти остальных.

В “Пигли-Вигли” она ходить перестала – там миссис Синглтри без конца пристаёт: почему ты не в школе? Рано или поздно ее поймут, заберут. Она обходилась продуктами, что покупала у Скока, да и мидий собирала в избытке. Оказалось, их можно бросать в кукурузную кашу, там их даже не почувствуешь. Да и глаз у них нет, не смотрят на тебя, как та рыба.

12

Без гроша и без каши

1956

Еще не одну неделю после исчезновения Па Киа вздрагивала, заслышав карканье воронов, – вдруг они его видели в лесу? При каждом шорохе она вскидывала голову, прислушивалась, не идет ли кто. Хоть кто-нибудь, пусть даже школьная инспекторша: удирать от нее во все лопатки – неплохая разминка!

А главное, она искала того мальчишку с удочкой. За эти годы она несколько раз видела его издали, но не заговаривала с ним с того самого дня, когда он вывел ее, семилетнюю девчущку, по протокам к дому. Больше у нее в целом мире ни одной знакомой души, не считая Скока и продавщиц. Скользя в лодке, она всякий раз высматривала его в плавнях.

Однажды утром, войдя в заросшую спартиной заводь, она увидела в тростниках его лодку. Он за эти годы вытянулся, и кепка уже другая, но золотистые кудри она узнала издали. Киа заглушила мотор, бесшумно свернула в высокую траву и стала за ним наблюдать. Зашептала одними губами, собиралась подплыть, спросить, хорош ли улов.

Па и другие рыбаки всегда при встрече спрашивали: “Ну как, клюет?”

Но Киа только смотрела, не шевелясь. Ее со страшной силой тянуло к нему, но точно так же тянуло прочь, и в итоге она приросла к месту. Наконец с бьющимся сердцем она нехотя повернула в сторону дома.

И при каждой встрече с ним история повторялась: Киа наблюдала за ним издали, как за цаплями.

Она по-прежнему собирала перья и ракушки, но оставляла их на дощатых ступенях крыльца, даже не счистив с них песок и морскую соль. Часть дня она слонялась без дела, бросив в тазике невымытую посуду; да и комбинезон что толку стирать, все равно испачкается. Теперь она донашивала драные комбинезоны братьев и сестер. Рубашки у нее истрепались до дыр, а обуви и вовсе не осталось.

Как-то под вечер Киа сняла с проволочной вешалки летнее платье на бретельках, зеленое в розовый цветочек, – в нем Ма ходила в церковь. Вот уже много лет любовалась она этой красотой – единственным платьем, которое Па не сжег, трогала пальцем крохотные цветки. На груди под бретельками темнело буроватое пятно – может быть, кровь. Оно выцвело – почти исчезло, как другие горькие воспоминания.

Киа натянула через голову платье – и утонула в нем. Юбка почти до пят, так не годится. Киа сбросила платье и повесила обратно – пусть подождет еще несколько лет. Подрезать его жалко, искать в нем мидий – тоже не дело.

Через день-другой Киа отправилась на лодке к Пойнт-Бич, белому песчаному пляжу в нескольких милях к югу от причала Скока. Время, волны и ветра отшлифовали берег, и раковин было здесь больше, чем на других пляжах, попадались самые редкие. Спрятав лодку на южной оконечности мыса, Киа двинулась на север, высматривая под ногами раковины. Вдруг издали донеслись голоса – резкие, возбужденные.

Киа бросилась к краю леса, где рос дуб в три обхвата в окружении густых тропических папоротников по колено. Укрывшись за дубом, она смотрела, как вдоль кромки воды в ее сторону направляется компания ребят, кто-нибудь то и дело забежал на мелководье, поднимая брызги. Один паренек бежал впереди всех, другой подбрасывал футбольный мяч. Их полосатые шорты пестрели на фоне песка, как разноцветные птицы – примета лета. Лето и шагало ей навстречу вдоль пляжа.

Когда они поравнялись с дубом, Киа, прижавшись вплотную к стволу, выглянула. Пять девчонок и трое мальчишек чуть постарше ее, лет двенадцати. Она сразу узнала Чеза Эндрюса и двух его приятелей – те перекидывались мячом.

Девчонки – Белобрысая-долговязая, Конопатая-с-хвостиком, Стриженная-чернявая, Вечно-в-жемчугах и Пухлая-щекастая – держались стайкой чуть позади мальчишек, болтали, смеялись. Голоса их звенели, как колокольчики. Киа была еще слишком мала, и мальчишки ее не интересовали, взгляд ее был прикован к девочкам. Те вдруг присели на корточки – явно наблюдали, как бочком семенит по песку краб. А потом, смеясь, обхватили друг дружку за плечи и повалились на песок.

Киа смотрела, закусив губу. Воображала себя среди них. Видела, как они лучатся радостью. Мама говорила, женщинам без подруг обойтись труднее, чем без мужчин, но никогда не рассказывала, как найти подруг. Легкой тенью Киа скользнула в чащу и, укрывшись за гигантскими папоротниками, смотрела вслед ребятам, пока те не превратились в крохотные пятнышки на фоне песка.

* * *

На рассвете, когда из-за серых туч блеснуло солнце, Киа подплыла к причалу Скока. Тот вышел из лавки, качая головой.

– Вы уж извиняйте, мисс Киа, – вздохнул он, – обошли вас. Мне мидий натащили на неделю вперед, больше не принимаю.

Киа заглушила мотор, и лодка стукнулась о сваю. Вторую неделю подряд ее кто-то опережает. Деньги кончились, теперь ничего не купишь. Нет ни гроша – не будет и каши.

– Надобно придумать, мисс Киа, чем еще вам заработать. Сидя под одним деревом, всех енотов не подстережешь.

Дома Киа опустила на дощатые ступени, задумалась – и нашла выход. Просидев восемь часов кряду с удочкой, наловила два десятка рыбешек и замочила на ночь в рассоле. А на рассвете разложила по полкам в старой отцовской коптильне – будке, смахивавшей на деревянный сортир, – развела на дне ямы костер и подбросила туда зеленых веток, так всегда делал Па. Заклубился сизый дым, повалил из трубы и из всех щелей. Заработала, запыхтела коптильня.

Наутро Киа приплыла к Скоку и, выпрямившись в лодке во весь рост, помахала ведром. И показала свой жалкий улов – сплошь мелочь, карпики да подлещики.

– Вам рыбы копченой надо? Вот, привезла.

– Вижу, вижу, мисс Киа! Стало быть, возьму, но с условием. Ежели продам, выручка ваша, а нет, так заберете обратно. Идет?

– Да, спасибо, Скок.

* * *

Вечером Скок отправился песчаной тропой в Цветной квартал, скопище ветхих лачуг и бараков вокруг болота. Поселок прятался в лесной глуши, в стороне от побережья с его ветрами, “москитов тут, что в твоей Джорджии”.

Пройдя три мили, он уже чуял дымок очага, слышал звонкий щебет внуков. Улиц в Цветном квартале не было, от домика к домику вились сквозь лес тропинки. У Скока была не хибара, а добротный дом из сосновых бревен, с дощатым забором (дом они строили еще с отцом), во дворе было чисто, как в комнатах, его старательно мела Мейбл, дородная жена Скока. Она была и грозой змей – ни одна не могла уберечься от ее мотыги.

Мейбл встретила его на крыльце с улыбкой, как всегда, а Скок протянул ей ведро с копченой рыбой.

– Это еще что? – удивилась Мейбл. – Такой дряни и собаки бы в дом не притащили!

– Опять девчушка эта, мисс Киа, принесла. Иной раз с мидиями не успеваешь, вот и накопила рыбы. Говорит, на продажу.

– Ах ты господи... надо девочке помочь. Рыбу эту никто не купит, ладно, брошу ее в жаркое. Могу из церкви принести и одежды, и всякого другого. Скажем ей, мол, одна семья меняет свитера на окуней. Размер у нее какой?

– Спрашиваешь! Худющая как флагшток – точнее не скажу. Завтра, наверно, придет чуть свет. У нее ни гроша.

* * *

Позавтракав разогретой кашей с мидиями, Киа поплыла к Скоку узнать, выручил ли он денег за рыбу. Все эти годы она заставляла его на причале одного или с покупателями, а в этот раз подплыла – а там грузная негритянка метет причал, будто пол на кухне. Скок сидел на стуле у стены лавки и что-то писал в бухгалтерской книге. Увидев ее, он вскочил, помахал.

– Доброе утро, – тихонько сказала Киа и умело пришвартовалась.

– Эй, мисс Киа! Вот, знакомьтесь, женушка моя, Мейбл.

Та встала с ним рядом, взяла Киа за руку и ласково пожала.

– Очень рада познакомиться, мисс Киа! Скок мне рассказывал, какая ты славная девочка, мидий лучше всех собираешь.

Рука была у нее мягкая, не загрубевшая от работы, хоть Мейбл и в огороде возилась, и стряпала полдня, да еще убирала и чинила белье у белых. Киа задержала ладонь в ее руке, будто в бархатной перчатке, но что сказать, не знала, просто стояла молча.

– Вот что, мисс Киа, одна семья рыбу твою возьмет, а взамен принесут одежду и кой-чего еще.

Киа кивнула, едва сдержав улыбку. И спросила:

– А бензин для моей лодки?

Мейбл вопросительно глянула на Скока.

– Стало быть, так, – ответил он. – Сегодня я вам налью бензину – знаю, у вас кончается. Но мидий и другое вы как приносили, так и приносите.

Мейбл сказала зычным голосом:

– Бог с тобой, детка, пусть у тебя о мелочах головушка не болит. Дай-ка взгляну на тебя. Прикину, какой у тебя размер, и передам им. – Она повела Киа в лавку. – Присядь-ка, расскажи, что тебе нужно из одежды и прочего.

Когда список был готов, Мейбл велела Киа поставить ногу на коричневый бумажный пакет и обвела ее ступню.

– Ну, приходи завтра, все для тебя приготовим.

– Спасибо большое, Мейбл. – И Киа добавила вполголоса: – И еще кое-что. Вот, я нашла старые пакетики с семенами, а как огород завести, не знаю.

– Это что! – У Мейбл от смеха грудь заходила ходуном. – Я-то знаю, как с огородом сладить! – Она объяснила в подробностях, что и как делать, потом отсыпала из банок на полке семена кабачков, помидоров, тыквы, каждый вид семян завернула в бумажку, а снаружи нарисовала контуры овощей. То ли Мейбл не умела писать, то ли догадалась, что Киа не умеет читать, но рисунки оказались сподручны обеим.

Садясь в лодку, Киа поблагодарила Скока и Мейбл.

– Рада помочь, мисс Киа! Завтра приходи за вещами, – отозвалась Мейбл.

В тот же день Киа взялась перекапывать бывший огород Ма. Тяпка лязгала при каждом ударе, пахло сырой землей, выползали на свет розоватые дождевые черви. Вдруг тяпка лязгнула по-особенному, и Киа, нагнувшись, достала из земли старенькую мамину заколку из металла и пластмассы. Бережно протерла ее о комбинезон, убирая налипшую грязь. И в простенькой вещице будто отразились мамыны алые губы, темные глаза – Киа увидела их как наяву. Она оглянулась – сейчас на тропинке покажется Ма, подоспеет на помощь. Вернется наконец домой. Тишина стояла необычайная, вороны и те замолчали, и Киа слышала лишь свое дыхание.

Киа собрала растрепанные волосы и прицепила заколку над левым ухом. Может быть, Ма никогда уже не вернется. Есть, наверно, мечты, которые лучше забыть. Киа замахнулась тяпкой и начала разбивать ком тяжелой глины.

* * *

Наутро, когда Киа причалила к пристани Скока, он сидел там один. Не иначе как примерещились ей и его толстуха-жена, и ее обещания. Но Скок с улыбкой указал на две коробки, стоявшие подле его ног.

– С добрым утречком, мисс Киа! Это вам.

Киа, спрыгнув на причал, оглядела доверху набитые коробки.

– Забирайте, – сказал Скок. – Все ваше.

Киа принялась бережно доставать комбинезоны, джинсы, блузки – настоящие, не футболки. Темно-синие кеды на шнурках, двухцветные туфли “Бастер Браун”, начищенные до блеска. Белую блузку с кружевным воротником и голубым атласным бантом. Губы у нее приоткрылись от изумления.

В другой коробке оказались спички, кукурузная крупа, баночка маргарина, фасоль и целый литр домашнего топленого сала. А сверху, в газетном свертке, – свежие овощи: репа, зелень, брюква, окра.

– Скок, – начала Киа несмело, – моя рыба дешевле стоит. Мне и за месяц столько не наловить.

– Ну а что делать, коли людям старье некуда девать? Им это барахло не нужно, зато нужна рыба, а вам – одежда, стало быть, все по-честному. Забирайте, не держать же мне на причале хлам.

Киа все поняла. Места у Скока нет – значит, надо сделать доброе дело, забрать с причала старье.

– Тогда заберу. Ну а вы им от меня передайте спасибо, хорошо? А я еще рыбы накопчу и привезу поскорей.

– Ладно, мисс Киа. Вот и столкнувались. Как сможете, привозите.

Киа завела мотор и поплыла назад. Обогнув полуостров и зная, что Скок ее уже не видит, заглушила двигатель, полезла в коробку, выудила блузку с кружевным воротником. Натянула ее прямо поверх грубого комбинезона с заплатами на коленках, завязала на шее атласный бант. И, держа одну руку на румпеле, а другой трогая кружево, поплыла протоками домой.

13

Перья

1960

Худенькая, но крепкая для своих четырнадцати лет, Киа стояла на берегу под полуденным солнцем и кидала крошки чайкам. Она до сих пор не знала, как их сосчитать, и читать так и не научилась. Она уже не мечтала полетать с орлами; наверно, если добываешь свой ужин голыми руками прямо из земли, то воображение скудеет, как у взрослого. Летнее платье Ма наконец стало ей впору – обрисовывало грудь и было чуть ниже колен. Сбежав в хижину за шестом и удочкой, Киа отправилась рыбачить на дальний берег лагуны, в тростники.

Едва она закинула удочку, позади хрустнула ветка. Киа вздрогнула, огляделась. Кто-то бродит в кустах, твердая поступь, треск ежевичника. Не медведь – у того лапы большие, шаги тяжелые. И тут подняли крик вороны. Хранить секреты они не умеют, как увидят что-то интересное, так и разнесут на весь лес. Прислушаешься к ним и узнаешь, где добыть еду, или спасешься от хищника. Киа поняла: что-то случилось.

Она вытащила из воды леску, смотала и нырнула в кустарник, плечом раздвигая ветки. Остановилась, прислушалась.

Тенистая прогалина – одно из ее любимых мест – пещерой лежала под кронами пяти дубов, свет сочился сквозь густую листву мутными струями, выхватывая из сумрака пышные куртинки триллиума и белых фиалок. Киа окинула прогалину взглядом – никого.

Вдруг чья-то тень метнулась сквозь кусты, Киа обернулась. Тень замерла. У Киа зашлось сердце. Согнувшись, она бесшумно скользнула в подлесок. Оглянулась – сквозь чащу, озираясь, спешил парень чуть постарше нее. Заметив Киа, он снова замер.

Она нырнула за куст боярышника, протиснулась в кроличий лаз, что вился сквозь плотную стену ежевичника. Пробиралась на четвереньках, царапая руки о колючки. Остановилась, прислушалась. Солнце палило нещадно, в горле пересохло от жажды. Прошло минут десять, но никто не появлялся, и Киа выбралась к роднику среди мха, припала к воде, точно олененок. Интересно, кто этот парень и что ему здесь надо? Вот почему опасно бывать у Скока – там ее кто только не видит. Она беззащитна, как дикобраз, когда у того брюшко на виду.

Наконец, уже в сумерках, в час дрожащих теней, Киа по пути домой вышла на поляну возле дубов.

Ходят тут, рыбалку портят.

Посреди поляны темнел трухлявый пенек, замшелый, похожий на старичка в плаще. Киа приблизилась к нему и замерла. Из пня торчало перо – тонкое, изящное, дюймов пять-шесть в длину. Мало кто обратил бы на него внимание, приняли бы за воронье. Но Киа знала, это не простое перо, а бровь большой голубой цапли, что изящно изгибается над глазом, – украшение. Редчайшее чудо прибрежных болот – прямо перед ней! Ни разу Киа не довелось найти такое, но она его сразу узнала, как-никак всю жизнь наблюдала за цаплями, сидя в камышах.

Большая голубая цапля того же оттенка, что и серый туман, отраженный в синей воде. И, как туман, умеет она сливаться с фоном, так что видны только круглые внимательные глаза с черными точками зрачков. Это терпеливый одинокий охотник, может часами караулить добычу. А заметив жертву, подкрадывается не спеша, шаг за шагом. И лишь изредка охотится с воздуха – приметит добычу и камнем падает в воду, выставив клюв, как копье.

– Откуда оно тут взялось? – прошептала Киа, озираясь. – Наверно, тот мальчишка подбросил. А вдруг он и сейчас за мной следит?

Киа замерла, сердце учащенно забилось. Она попятилась, так и не коснувшись пера, а оказавшись в хижине, заперла засов, хоть проволочная дверь и плохая защита.

Но лишь сквозь листву забрезжил рассвет, ее так и потянуло к перу – хотя бы просто взглянуть на него. Когда совсем рассвело, она выскочила на поляну, огляделась и, подкравшись к пню, взяла перо в руки. Мягкое, точно бархат. Вернувшись в дом, Киа пристроила перо на почетном месте в своей коллекции, занимавшей уже целую стену, – каких только перьев здесь не было, от крохотных перышек колибри до рулевых орлиных. Интересно, зачем тот парень его принес?

* * *

На следующее утро Киа опять потянуло к пню, посмотреть, не появилось ли нового пера, – но нет, лучше подождать, а то еще столкнется с мальчишкой. Но ближе к полудню она все же двинулась к поляне, медленно, прислушиваясь. Убедившись, что никого поблизости нет, подобралась к пню, и улыбка осветила ее обычно сумрачное лицо – из щели торчало тонкое белое перо. Длинное, с ее предплечье, а на конце изящный завиток. Киа взяла его и звонко рассмеялась. Великолепное хвостовое перо фазтона! Этих морских птиц она не встречала ни разу, – в здешних краях они не водятся, но перья иногда приносит ураганом.

Киа переполняло изумление: надо же, у кого-то такая большая коллекция редких перьев, что ему не жалко поделиться!

Старый мамин справочник она читать не могла, а потому не знала названий большинства птиц и насекомых, вот и называла их по-своему. И, не умея писать, Киа придумала способ помечать образцы в своей коллекции. Ее художественный талант окреп, теперь она могла нарисовать все что угодно, карандашом или красками. Цветными мелками и акварелью из “Кресса” рисовала она птиц, насекомых и раковины на бумажных пакетах и к каждому экземпляру коллекции прилагала рисунок.

В тот вечер она не поскупилась, зажгла сразу две свечи и поставила в блюдца на кухонном столе, чтобы получше разглядеть перо фазтона, передать на бумаге все

оттенки белого.

* * *

Больше недели не появлялось на пне новых перышек. Несколько раз на дню приходила Киа на поляну, с опаской глядела, прячась в папоротниках, – и ничего. И однажды, против обыкновения, она весь день просидела в хижине.

Все собиралась фасоль к ужину замочить, но так до самого вечера и не собралась.

Киа прошла по кухне, порылась в буфете, побарабанила пальцами по столу. Хотела сесть рисовать, но передумала. И опять пошла к пню.

Еще издали разглядела она длинное полосатое рулевое перо дикой индейки. И сразу повеселела. Индейки – ее любимицы. Однажды она видела, как целая дюжина птенцов на ходу забились к матери под крылья, потом несколько индюшат вывалились и припустили вдогонку.

А около года назад, гуляя в сосновой рощице, Киа услышала гвалт. Дикие индейки – штук пятнадцать, в основном самки – сбились кучей и что-то клевали; Киа показалось – замызганную тряпку. Они топтались, поднимая пыль, и пыльные облачка затянули птиц до самых макушек. Киа подкралась поближе. На земле лежала самка, а собратья по стае клевали и царапали ей шею и голову. Крылья были у нее в колючках, перья торчали в стороны, и взлететь она больше не могла. Джоди когда-то рассказывал, что птица, не похожая на других – обезображенная, раненая, – становится приманкой для хищников, и своя же стая ее убивает: уж лучше так, чем если прилетит орел и кого-то из них утащит.

Крупная самка трепала калеку большими когтистыми лапами, потом пригвоздила к земле, а другая принялась клевать ее в голую шею и голову. Та верещала, глядя дикими глазами на товарок, терзавших ее.

Киа, размахивая руками, выскочила на поляну.

– Эй, вы что? А ну пошли! Кыш!

Индейки разбежались по кустам, хлопая крыльями, а две вспорхнули на дуб. Но Киа опоздала. Индейка неподвижно лежала с открытыми глазами. Из свернутой дряблой шеи текла на землю кровь.

– Кыш, пошли вон! – Киа разогнала последних птиц, те упорхнули прочь – дело сделано. Киа склонилась над мертвой птицей, прикрыла ей глаза листом платана.

В тот вечер, после встречи с индейками, поужинав горбушкой кукурузного хлеба с фасолью, Киа легла в постель на веранде и стала ждать, когда луна посеребрит лагуну. Вдруг из леса донеслись голоса, все ближе и ближе. Возбужденные, писклявые. Не мужские, мальчишеские. Киа вскочила. Дверь в доме всего одна. Скорей отсюда – или они застанут ее здесь, в постели. Бесшумно, точно мышь, шмыгнула она к двери, но тут замерцали свечи, заметались по стенам тени. Поздно.

Все громче голоса:

– Вот и мы, Болотная Девчонка!

– Эй, ты здесь? Мисс Человекообезьяна!

– Покажи зубы! Покажи нам свой кустик!

Раскаты смеха.

Киа нырнула за выступ стены на веранде, а шаги все приближались. Зловеще мерцали огоньки свечей и вдруг погасли, и пятеро мальчишек, лет тринадцати-четырнадцати, бросились через двор к хижине. Молча взбежали на крыльцо, забарабанили в дверь.

Каждый стук как удар в сердце индейки.

Киа, вжавшись в стену, едва не заплакала, но сдержалась, затаила дыхание. Выломать дверь им ничего не стоит, поднажмут – и готово.

Но они соскочили с крыльца и унеслись обратно в чащу, визжа и улюлюкая от радости – мол, не испугались Волчьего племени, Болотной Девчонки, которая не знает, как пишется “кот”! Они скрылись во тьме, спеша в знакомые безопасные места, и долго еще долетали из леса их голоса и смех, мерцали в чаще огоньки свечей. А Киа сидела в мертвой тишине, глядя в темноту. И сгорала от стыда.

С тех пор при каждой встрече с дикими индейками Киа вспоминала тот день, но перу на пне все равно обрадовалась. Значит, игра продолжается.

14

Красные волокна

1969

Душным утром в воздухе висела дымка – ни неба, ни моря не видать. На выходе из полицейского участка Джо столкнулся с Эдом, тот только что вылез из патрульного пикапа.

– Сюда, шериф! Готовы результаты экспертизы по делу Чеза Эндрюса. Ну и жаррища внутри, будто кабан надыхал! – И устремился к огромному дубу, чьи узловатые корни буравили землю, словно гигантские кулачищи.

Шериф последовал за ним, с хрустом давя желуди; оба укрылись в тени, подставив лица морскому бризу.

Джо принялся читать вслух:

– “Гематомы на теле, обширные внутренние повреждения от падения с высоты”. – Он поглядел на шерифа: – Чез и вправду ударился затылком о брус, волосы и кровь принадлежат ему. Травма черепа серьезная, но не смертельная. Получается, умер на месте, тело не перемещали. Доказательства – кровь и волосы на бруске. “Причина смерти: удар по голове, повреждение теменной и затылочной доли головного мозга, перелом позвоночника”. Это от падения с высоты.

– Значит, кто-то в самом деле и следы уничтожил, и отпечатки пальцев. Что-нибудь еще?

– Да. На его куртке обнаружены посторонние волокна. Красная шерсть, не с его одежды. Вот образец. – Шериф показал небольшой пластиковый пакетик.

Оба разглядывали мягкие красные ворсинки, примятые пакетом, похожие на паутину.

– Значит, шерсть. Может быть, свитер, шарф или шапка, – предположил Джо.

– Рубашка, юбка, носки, кепка. Да черт его знает, что угодно. Наше дело – найти.

15

Игра

1960

На другой день, ближе к полудню, Киа приблизилась к пню – осторожно, молитвенно сложив ладони. Никаких перьев на пне не было. Киа закусил губу. Ну конечно! Надо и мне что-нибудь для него оставить.

Она достала из кармана утреннюю находку – рулевое перо молодого белоголового орлана. Только настоящий знаток птиц признает в этом невзрачном пегом пере орлиное. Трехлетка, еще не сменил оперение на взрослое. Не такая редкость, как перо фазана, но тоже ценная находка. Киа бережно положила перо на пень, придавила камнем, чтобы не унесло ветром.

В ту ночь она лежала в своей постели на веранде, сунув руку под щеку, и робко улыбалась. Родные ее бросили одну на болоте, а кто-то чужой приходит, оставляет ей подарки. Ее снедала тревога, но чем больше она думала, тем больше убеждалась, что вряд ли у парня худое на уме. Если человек любит птиц, наверняка он добрый.

Утром, вскочив с постели, Киа взялась за “генеральную уборку”, как говорила Ма. Открыв ящик маминой тумбочки, она хотела всего лишь выбросить лишнее, но, взяв в руки маникюрные ножницы Ма – стальные с латуной, на ручках затейливый узор из лилий, – она вдруг тряхнула волосами, не стриженными семь с лишним лет, с тех пор как ушла Ма, и обрезала их на восемь дюймов. Теперь волосы спускались чуть ниже плеч. Киа глянула на себя в зеркало, мотнула головой, улыбнулась. Почистила ногти, расчесала волосы до блеска.

Вернув на место расческу и ножницы, Киа достала старую косметику Ма. Жидкий тональный крем и румяна давно засохли и растрескались, а с губной помадой и за десяток лет ничего не случилось, на вид совсем свежая. Киа, не зная в детстве игр с переодеванием, впервые в жизни подкрасила губы. Причмокнула, снова глянула в зеркало, улыбнулась. Почти хорошенькая. Не красавица, как Ма, но тоже ничего! Киа хихикнула и стерла помаду. И, уже закрывая ящик, вдруг увидела флакончик лака для ногтей – “Ревлон”, “телесный розовый”.

Взяв в руки склянку, Киа вспомнила, как Ма однажды принесла лак из города вместе с другими покупками. Сказала, к их оливковой коже подойдет. Усадила Киа с двумя старшими сестрами рядом на потертый диван, велела всем троим вытянуть босые ноги и покрасила им ногти на ногах, а потом и на руках. Сделала маникюр и себе, и они смеясь прохаживались по двору, выставляя напоказ розовые ноготки. Па где-то

пропадал, лодка стояла на берегу лагуны. Ма пришло в голову прокатиться с девочками – в первый раз одним, без мужчин.

Кривляясь, точно пьяные, забрались они в старенькую плоскодонку. Подвесной мотор хоть и не сразу, но завелся, и они тронулись. Ма направила лодку к другому берегу лагуны, а оттуда – в узкую протоку, что вела в плавни. Они скользили вдоль русел, но рулевой из Ма был неважнецкий, и, зайдя в мелководную лагуну, они застряли в липкой черной тине, густой, как деготь. Вовсю орудовали шестом, а лодка ни туда ни сюда. Ничего лучше не придумав, они, задрав юбки, перемахнули через борт – и увязли по колено в болотной жиже.

Под мамины вопли: “Тише, девочки, не переверните!” – они, чумазые, с хохотом тянули лодку и все-таки вытащили. Забраться назад оказалось не так-то просто; наконец влезли, перевалившись через борт, как мешки с рыбой. И, вместо того чтобы сесть на скамьи, повалились на дно, задрав ноги и шевеля пальцами, а сквозь грязь поблескивал розовый педикюр.

Лежа с ними рядом, Ма сказала: “А теперь слушайте все: вот вам хороший жизненный урок. Застрять-то мы застряли, ну и что с того? Обратили все в шутку, нашли повод для смеха. На то и нужны сестры и подруги, чтоб друг за дружку держаться, даже в болоте – в болоте тем более!”

Ацетона Ма в тот раз не купила, лак начал слезать, и облупленные ногти напоминали им про тот веселый день и про жизненный урок.

Глядя на старый флакончик, Киа пыталась припомнить лица сестер. Спросила вслух:

– Где же ты, мама? Почему за нас не держалась?

* * *

На другой день, выйдя на поляну, Киа увидела на фоне темной зелени яркое пятно. На пне лежала красно-белая картонка из-под молока, а рядом – перо. На сей раз мальчишка превзошел себя. Киа первым делом взяла перо.

Мягкое, серебристое, с хохолка кваквы – одной из самых нарядных болотных птиц. Киа заглянула в картонку и нашла там туго скрученные пакетики семян репы, моркови, спаржевой фасоли, а на самом дне, в свертке из коричневой бумаги, – свечу зажигания для лодочного мотора. Киа улыбнулась и закружилась на месте. За эти годы она научилась обходиться без многого, но свечу зажигания время от времени нужно менять. Скок научил ее делать несложный ремонт, но за каждой запчастью надо идти в город, за каждую платить.

А тут еще одна свеча, про запас. На черный день. Радость переполнила сердце. Это все равно что залить полный бак или увидеть перламутровый закат в полнеба. Киа застыла, гадая, что все это значит. Она видела, как у птиц самцы обхаживают самочек, приносят им подарки. Но ей-то пока рано вить гнездо.

На дне картонки лежала записка. Киа развернула ее – почерк четкий, даже ребенок разберет. Киа умела предсказывать приливы и отливы, могла найти путь домой по звездам, знала наперечет все перья у орла, но читать в свои четырнадцать не умела.

На этот раз она пришла с пустыми руками. В карманах нашлись только обычные неприметные перышки, ракушки да стручки, и Киа побежала в хижину и долго простояла

у стены с коллекцией, присматривая подходящее перышко. Роскошней всех были рулевые перья тундрового лебедя. Киа сняла со стены одно – в следующий раз надо оставить на пне.

В сумерках Киа взяла одеяло и ушла ночевать на болото, поближе к освещенной луной заводи, где было много мидий, и к рассвету насобирала два мешка. Значит, будут деньги на бензин. Взвалить их на плечи не хватило сил, и она потащила один волоком к лагуне. Назад она возвращалась через поляну у дубов, чтобы оставить на пне перо, хоть и пришлось ради этого сделать крюк. Не осторожничая, она вышла из чащи, а на поляне, облокотившись о пень, стоял мальчик с перьями. Тот самый Тейт, что провожал ее когда-то через болото домой. Тейт, которым она все эти годы любовалась издали, не смея подойти. Он, конечно, вытянулся и возмужал – ему сейчас, должно быть, лет восемнадцать. Золотистые кудри выбиваются из-под кепки, лицо загорелое, доброе. Держался он уверенно, улыбнулся широко, весь так и просиял. Но больше всего Киа поразили глаза, золотисто-карие, с зелеными крапинками, и смотрел он на нее пристально, как цапля на рыбешку.

Киа остолбенела: неписанные правила игры нарушены. Тем и хороша была игра, что не надо ни разговаривать, ни даже показываться друг другу на глаза. Кровь бросилась ей в лицо.

– Эй, Киа! Прошу, не убегай. Это... всего лишь я, Тейт, – сказал он тихо, по слогам, будто она дурочка. Видно, такие слухи о ней ходят в городе – дескать, она и двух слов связать не может.

Тейт любовался ею. Сколько лет ей сейчас – тринадцать? четырнадцать? Настоящая красавица, хоть и мала еще. Глаза огромные, почти черные, точеный нос, красиво очерченные губы; есть в ней что-то нездешнее. Высокая, легкая, гибкая, как ива на ветру. Но и хрупкой ее не назовешь, вся так и дышит молодой силой.

Киа с трудом удержалась, чтобы не сбежать. Остановило ее странное чувство – наполненность счастьем, какой она не знала много-много лет. В сердце будто плеснули тепла. Ей вспомнились перья, свеча, семена. Если сейчас удрать, то всему конец. Ни слова не говоря, протянула она ему лебединое перо. Осторожно, чтобы не спугнуть, как если бы она была олененком, Тейт приблизился, посмотрел на перо у нее в руке. Киа стояла молча, не смея поднять на него глаза.

– Тундровый лебедь, да? Просто чудо, Киа! Спасибо.

Высокий, выше нее, он наклонился и взял перо. Тут бы и поблагодарить его за подарки, но Киа молчала, мечтая, чтобы он поскорее ушел и игра вернулась бы в прежнее русло.

Молчание нарушил Тейт:

– Отец научил меня разбираться в птицах.

Наконец Киа взглянула на него.

– Я не могу прочесть твою записку.

– Ах да, ты же в школу не ходишь. Я и забыл. А написал я, что видел тебя пару раз, когда рыбачил, вот и подумал, что семена и свеча могут тебе пригодиться. У меня много в запасе, а тебе не придется лишний раз плыть за ними в город. И думал, тебе понравятся перья.

Киа отвела глаза.

– Спасибо, ты такой добрый!

Тейт отметил, что в ее лице и фигуре уже проступила женственность, а речь и повадки совсем детские, у городских девчонок все наоборот: с виду пигалицы, а корчат из себя взрослых – красятся, ругаются, курят.

– Не за что. Ну, мне пора, время позднее. Буду заходить иногда, если ты не против.

Киа не ответила. Похоже, игре конец. Поняв, что ни слова от нее больше не добиться, он кивнул, приподнял кепку и двинулся прочь. Но прежде чем нырнуть в ежевичник, оглянулся.

– Вот что, я могу научить тебя читать.

16

Чтение

1960

Шли дни, а Тейт все не приходил учить ее читать. До игры в перышки Киа свыклась с одиночеством, оно было ее частью, будто приросло к ней. Теперь же одиночество разрасталось в сердце, теснило грудь.

Однажды под вечер Киа села в лодку. Не ждать же мне тут до бесконечности.

К причалу Скока подплывать она не стала, из страха, что ее увидят, а, спрятав лодку в бухточке чуть к югу, взяла джутовый мешок и пустилась по тенистой тропке к Цветному кварталу. Почти весь день сеял мелкий дождь, и сейчас, на закате, над лесом поднимался туман, лентами сползал в зеленые долины. В Цветном квартале Киа не была ни разу, но знала, где он, и была уверена, что стоит ей там очутиться, без труда отыщет дом Скока и Мейбл.

Она была в джинсах и розовой блузке от Мейбл. В мешке она несла две пол-литровые банки ежевичного варенья – сама сварила, хотела отблагодарить Скока и его жену за доброту. Жажда быть с кем-то рядом, поговорить со старшей подругой тянула ее к ним. Если Скока нет дома, может, удастся посидеть с Мейбл, поболтать.

Из-за поворота донеслись голоса, все ближе и ближе. Киа остановилась, прислушалась. Сошла с тропинки, укрылась в чаще, затаилась в кустах мирта. Минутой позже показались двое белых мальчишек в драных комбинезонах, с удочками, один нес связку сомов в руку длиной. Киа замерла.

Один указал на дорогу:

– Эй, глянь-ка!

– Вот повезло-то! Вон черномазый, топает в свою Черномазовку!

Киа повернула голову. По дороге, в направлении дома, шагал Скок. Он был уже довольно близко и наверняка все слышал, но смолчал и, не поднимая головы, свернул на обочину.

Что это с ним, почему он не постоял за себя? – возмутилась про себя Киа. Ведь “черномазый” – очень обидное слово, в устах Па это было ругательство. Скок мог бы их проучить – стукнул бы их лбами друг о дружку, и дело с концом! А он свернул с дороги, да еще шаг ускорил.

– Черномазый, черномазый, где ты морду так измазал? – заорали мальчишки вслед Скоку, тот не обернулся.

Один из мальчишек подобрал камень и швырнул в Скока. Камень угодил тому под лопатку. Скок пошатнулся, но продолжал идти. Мальчишки с хохотом кинулись следом, у поворота они подобрали еще камней.

Киа, пробираясь подлеском, срезала путь и обогнала их, она видела, как поверх кустов мелькают их кепки. Там, где густые заросли подбирались к самой дороге, она присела на корточки – вот-вот появятся! Скок уже скрылся из виду. Киа скрутила потуже мешок с банками варенья. Едва мальчишки поравнялись с зарослями, она запустила в них тяжелым мешком, попав ближайшему по затылку. Мальчишка плашмя упал в грязь. С визгом Киа выскочила из кустов, налетела на второго, готовая и его огреть по макушке, но тот уже во весь опор мчался прочь. Киа снова нырнула в заросли и оттуда наблюдала, как первый мальчишка с руганью поднимается с земли, потирая затылок.

Подобрав мешок, Киа вернулась к лодке и поплыла домой. Больше никаких гостей, решила она.

* * *

На другой день, услышав, как тарахтит моторка Тейта, Киа бросилась к лагуне и, притаившись в кустах, смотрела, как он с рюкзаком в руках выходит на берег. Он огляделся, кликнул ее, и Киа, в тугих джинсах и белой блузке с разномастными пуговицами, несмело вышла навстречу.

– Привет, Киа! Прости, что так долго. Папе помогал, зато теперь мы тебя в два счета читать научим!

– Привет, Тейт.

– Давай сядем здесь. – Он указал на корень дуба в густой тени у самого берега лагуны, достал из рюкзака тоненький потрепанный букварь и линованный блокнот. Не спеша, аккуратно выводил он буквы – А, а, Б, б, – просил Киа за ним повторять и ждал терпеливо, пока она трудилась, высунув от усердия язык. Киа писала, а он называл буквы вслух, медленно, вполголоса.

От мамы и Джоди Киа знала несколько букв, но складывать их в слова не умела.

Уже через несколько минут Тейт сказал:

– Вот видишь, ты можешь написать слово.

– Как это?

– Б-а-о-б-а-б. Ты можешь написать слово “баобаб”.

– А что такое баобаб? – растерянно спросила Киа.

У него хватило такта не рассмеяться.

– Не знаешь – ничего страшного. Поехали дальше. Скоро сможешь написать слово, которое знаешь. – Потом он сказал: – С алфавитом тебе придется еще повозиться. Чтобы его выучить, нужно время, но ведь ты уже немного умеешь читать. Вот, смотри.

Хрестоматии у него не было, и первой книгой для Киа стал потрепанный “Календарь песчаного графства” Олдо Леопольда из библиотеки отца Тейта. Тейт ткнул[6] пальцем в первое предложение и попросил Киа прочесть его вслух. Предложение начиналось со слова “Есть”, и пришлось ей вернуться к алфавиту, вспомнить, какой звук обозначает каждая буква, но Тейту терпения было не занимать, и когда у Киа наконец получилось, она всплеснула руками и засмеялась. А Тейт, глядя на нее, так и сиял.

Не спеша, слово за словом, Киа разбирала: “Есть люди, которые могут жить без дикой природы, и есть люди, которые не могут жить без дикой природы”.[7]

– Ох... – вздохнула она. – Ох...

– Теперь ты умеешь читать, Киа. И никогда уже не разучишься.

– Я о другом. – Киа почти перешла на шепот. – Я не знала, что в словах может столько уместиться. Не знала, что одним предложением можно сказать так много.

Тейт улыбнулся.

– Хорошее предложение попало. Не всегда в словах столько уместается.

* * *

День за днем, сидя рядом с Киа в тени дуба или у берега на солнышке, Тейт учил ее читать, а слова складывались в песнь о гусях и журавлях, обо всем живом. “Что, если больше не зазвучит гусиная музыка?”

Тейт помогал отцу, играл с друзьями в бейсбол, а между делом успевал раз в два-три дня заглянуть к Киа, и теперь она, что бы ни делала – полола ли грядки, кормила кур или искала раковины, – всегда прислушивалась, не гудит ли поблизости его мотор.

Однажды на берегу, читая о том, чем питаются синицы-гаички, Киа спросила:

– Ты живешь с семьей в Баркли-Коув?

– С отцом. Да, в Баркли.

Киа не спрашивала, куда делись его родные. Наверно, его тоже бросила мать. Почему-то хотелось коснуться его руки, но пальцы не смели, и она лишь всматривалась в голубоватый узор вен на его запястье, тонкий, как переплетение жилок на осином крыле.

* * *

По вечерам Киа занималась за кухонным столом при свете керосиновой лампы, и мягкие лучи лились сквозь окна хижины, подсвечивая нижние ветви дубов. Единственный огонек среди мрака на многие мили кругом, не считая тусклого мерцания светлячков.

Старательно выписывала она каждое слово, много-много раз. Тейт говорил, что длинные слова – это просто цепочки коротких, и Киа их не боялась, вместе со словом “кот” она учила и слово “плейстоцен”. Не было в ее жизни занятия увлекательней, чем учиться читать. Только она не понимала, почему Тейт вызвался учить грамоте ее, девочку из низов, зачем он приходит сюда, дарит редкие перья. Но Киа не спрашивала – вдруг он засомневается, перестанет приходить?

Теперь наконец Киа могла подписать все драгоценные экземпляры в своей коллекции. Она справлялась в маминых энциклопедиях, кому принадлежит каждое перо, как называется каждое насекомое, моллюск или цветок, и старательно подписывала свои рисунки на бурой бумаге.

* * *

– Какое число идет за двадцатью девятью? – спросила однажды она у Тейта.

Тейт удивился. Надо же, она столько знает о приливах и белых гусях, об орлах и звездах, сколько многим не узнать за всю жизнь, а до тридцати считать не умеет. Он постарался скрыть удивление, чтобы ее не обидеть – читать по глазам она мастер.

– Тридцать, – сказал он как ни в чем не бывало. – Давай покажу тебе числа, и займемся основами арифметики. Ничего сложного, я тебе принесу учебники.

Киа читала все без разбору – рецепты на пачках кукурузной крупы, записки Тейта, сказки из книг, что с детства помнила наизусть, а делала вид, будто читает вслух. Как-то под вечер, тихонько вздохнув, взяла она с полки старую Библию, села за стол и принялась бережно перелистывать ветхие страницы; добралась и до той, где были записаны их имена. Вот и ее имя, в самом низу. А рядом – день ее рождения. Мисс Кэтрин Даниэла Кларк, 10 октября 1945. И, вернувшись в начало страницы, она прочла настоящие имена братьев и сестер:

Мастер Джереми Эндрю Кларк, 2 января 1939.

– Джереми, – произнесла она вслух. – Джоди, ни за что бы не подумала, что ты мастер Джереми!

Мисс Аманда Маргарет Кларк, 17 мая 1937.

Киа пробежала пальцами по строке, повторила имя вслух несколько раз.

Мастер Нейпир Мэрфи Кларк, 4 апреля 1936.

Киа шепнула:

– Мэрф, тебя, оказывается, звали Нейпир.

Наверху – самая старшая:

Мисс Мэри Элен Кларк, 19 сентября 1934.

Киа вновь провела пальцем по списку, и ей вспомнились лица. Возникла смутная картина: все собрались за столом, едят жаркое, передают друг другу кукурузный хлеб, пересмеиваются. Стыдно было забыть их имена, но теперь-то она их нашла и никогда уже не забудет.

Над списком детей она прочитала: Мистер Джексон Генри Кларк и мисс Жюльенна Мария Жакэ поженились 12 июня 1933 года. До сих пор Киа не знала полных имен родителей.

Она долго сидела за столом с раскрытой Библией. Вот она, ее семья.

Время скрывает от детей юность родителей. Киа никогда бы не увидела, как в начале 1930-го красавец Джейк зашел вразвалку в кафе-мороженое в Эшвилле и там приметил Марию Жакэ, гостью из Нового Орлеана, – хорошенькую, чернокудрую, с алыми губами. За молочным коктейлем он рассказал ей, что он из семьи плантаторов, после школы выучится на адвоката, а жить будет в особняке с колоннами.

Но во время Великой депрессии земля Кларков пошла с молотка, и отец забрал Джейка из школы. Семья перебралась в тесную сосновую хижину, где когда-то – на самом деле не так давно – жили рабы. Джейк работал на табачной плантации, собирал листья бок о бок с черными – мужчинами, женщинами, носившими младенцев в пестрых перевязях за спиной.

Два года спустя Джейк улизнул на рассвете из дома, ни с кем не простившись, прихватив с собой парадную одежду и фамильные драгоценности, сколько смог унести, в том числе прадедовы карманные золотые часы и бабушкино кольцо с бриллиантом. Добрался на попутках до Нового Орлеана, разыскал Марию Жакэ – она жила с семьей в роскошном доме с видом на море. Потомки коммерсанта-француза, они владели обувной фабрикой.

Джейк заложил фамильные драгоценности, стал водить ее по шикарным ресторанам со шторами красного бархата, обещал купить ей особняк с колоннами. Встав перед ней на одно колено под магнолией, он сделал ей предложение, и в 1933-м они поженились. Свадьба была скромная, все ее родные стояли рядом и угрюмо молчали.

Промотав к тому времени все деньги, Джейк согласился работать у тестя на обувной фабрике. Джейк был уверен, что тот сделает его сразу управляющим, но господин Жакэ был не так прост и настоял, чтобы Джейк начал карьеру с самого низа, рядовым рабочим. И Джейк стал вырезать подметки.

Жили они с Марией в квартирке над гаражом, обставив ее дорогой мебелью из приданого вперемешку со столами и стульями с барахолки. Джейк записался в вечернюю школу, чтобы получить аттестат, но занятия частенько прогуливал – играл в покер, а когда возвращался поздно вечером к молодой жене, от него разило виски. Спустя всего три недели учитель выгнал его из школы.

Мария умоляла его бросить пить, приналечь на работу, добиваться повышения. Но вскоре пошли дети, а Джейк пил не просыхая. С 1934-го по 1940-й у них родилось четверо, а повышение Джейк получил всего раз.

Война с Германией всех уравнила. Одетый в хаки, как все, он мог спрятать стыд, снова смотреть гордо. Но однажды ночью во Франции, в грязном окопе, кто-то крикнул, что их сержант ранен и истекает кровью в двадцати ярдах отсюда. Солдатам, еще мальчишкам, полагалось сидеть в окопе, скрываться от шальных пуль, но все мигом вскочили и кинулись на выручку раненому. Все, кроме одного.

Джейк скорчился в углу, не в силах шевельнуться от страха, но тут над самым окопом взорвался бело-желтой вспышкой снаряд, и ему раздробило осколком левую ногу. Когда

вернулись солдаты с сержантом на руках, то решили, что Джейк был ранен, вместе со всеми спасая товарища. Его объявили героем. Правды никто не знал. Кроме Джейка.

Его комиссовали и с медалью отправили домой. Решив не возвращаться на обувную фабрику, в Новом Орлеане он задержался всего на несколько дней. Распродал всю дорогую мебель и столовое серебро Марии – та ни слова не сказала, – а затем посадил семью в поезд и перевез в Северную Каролину. От старого друга он узнал, что его отец и мать умерли, так что теперь руки у него были развязаны.

Он убедил Марию начать новую жизнь – поселиться с ним на побережье Северной Каролины, в рыбацкой хижине, что построил когда-то его отец. За жилье платить не надо, и Джейк мог бы окончить школу. В Баркли-Коув он купил рыбацкую лодку, погрузил туда семью со всеми пожитками – гору скарба венчали несколько дорогих шляпных коробок – и повез их, миля за милей, сквозь плавни. Когда вошли наконец в лагуну, где под прибрежными дубами ютилась развалюха с ржавыми проволочными дверьми, Мария, прижав к себе младшего, Джоди, чуть не расплакалась.

Джейк успокоил ее:

– Не грусти, я быстро все тут починю.

Но Джейк ни хижину не отремонтировал, ни школу так и не окончил. С первых же дней он зачастил в “Болотные огни” – играл в покер и топил в стакане воспоминания о том окопе.

Мария как умела вила гнездо. На дешевой распродаже она купила простыни, чтобы застелить матрасы на полу, и жестяную ванну; белье она стирала под краном во дворе и, сама освоив все премудрости, разбила огород, завела кур.

Вскоре после приезда она принарядила детей, повела в Баркли-Коув и записала в школу. Однако Джейк, презиравший учебу, заставлял Мэрфа с Джоди прогуливать школу, мол, пусть лучше ужин добывают – рыбачат или стреляют белок.

Всего лишь раз Джейк взял Марию прокатиться на лодке под луной – так была зачата их младшая дочь, Кэтрин Даниэла. Когда девочку кто-то спросил, как ее зовут, она ответила, что Киа, и это прозвище прицепилось к ней.

В редкие трезвые дни Джейк вновь мечтал, что окончит школу и заживут они по-новому, счастливо, – но тут же тенью надвигалось воспоминание про тот окоп. В прошлом гордец и упрямец, силач и красавец, он сделался сам себе противен и топил презрение к себе в бутылке. Скоро он влился в круг здешних выпивох, забияк и сквернословов – ничто в жизни не давалось ему так легко.

17

Переступая порог

1960

Однажды тем летом Киа приплыла на своей моторке к Скоку.

– И вот что еще, – сказал Скок, – мисс Киа, тут люди какие-то шляются, спрашивают

про вас.

Киа, против обыкновения, не отвела взгляд, посмотрела на него в упор.

– Какие такие люди, что им надо?

– Наверное, из социальной службы. Все-то им надо знать: здесь ли папаша ваш, да где ваша мама, да пойдете ли вы нынче осенью в школу. И в котором часу вы появляетесь тут – вот что они выведать хотели.

– Ну а вы?

– Уж я-то старался их сбить со следу. Говорю, мол, папаша ваш жив-здоров, рыбачит и все такое. – Он рассмеялся, запрокинув голову. – Говорю, не знаю наперед, когда она в следующий раз приплывет. Вы не бойтесь, мисс Киа. Пусть еще хоть раз сунутся – Скок их пошлет искать ветра в поле!

– Спасибо. – Киа заправила плечи и поплыла напрямик домой. Теперь надо быть начеку – может, присмотреть местечко на болоте, чтобы прятаться, покуда им не надоест ее искать.

В тот же день, под вечер, когда причалил к берегу Тейт и с шорохом ткнулась в песок его лодка, Киа спросила:

– Можем с тобой видеться где-нить еще, не здесь?

– Привет, Киа, рад тебя видеть! – сказал Тейт, не успев выйти из лодки.

– Как думаешь?

– Во-первых, не “где-нить”, а “где-нибудь”, а во-вторых, воспитанные люди сначала здороваются, а потом уж просят о чем-то.

– Ты сам иногда говоришь “где-нить”, – отозвалась Киа, сдерживая улыбку.

– Да, у всех у нас тут южный говор, Северную Каролину из нас не вытравишь, но надо стараться.

– Доброго вам дня, мистер Тейт! – Киа сделала шуточный книксен, и Тейт понял, что в этой скромнице притаился бесенок. – Можем мы встречаться не здесь, а где-нибудь еще? Ну пожалуйста!

– Да, конечно, но почему?

– Скок сказал, меня социальные службы ищут. Боюсь, поймут меня, как рыбешку в сеть, отдадут в приемную семью или куда-нибудь еще.

– Что ж, затаимся где-нибудь подальше – там, где раки поют. Не завидую твоим приемным родителям. – Каждая черточка его лица смеялась.

– Что значит “там, где раки поют”? Моя Ма так говорила. – Киа вспомнила, как Ма приучала ее не бояться болота: “Забредай подальше – в самую глушь, туда, где раки поют”.

– Это значит в лесу дремучем, где звери дикие и повадки у них звериные. Ну что, придумала, где нам встречаться?

– Есть тут одна лачуга. Если знать нужный поворот, можно туда на лодке доплыть, ну а я отсюда пешком дойду.

– Тогда садись ко мне в лодку. Покажешь мне, и в следующий раз встретимся там.

– Если у бревна, где мы лодки привязываем, я оставлю кучку камней – значит, ушла туда. – Киа указала на берег лагуны. – Ну а если нет, значит, я где-то здесь и выйду, как услышу твой мотор.

Не спеша пересекли они болото, затем повернули на юг, в открытое море, прочь от Баркли-Коув. Киа потряхивало на носу, ветер выдувал из глаз слезы, свистел в ушах. Когда впереди показалась бухта, Киа направила Тейта в узкий ручей, прятанный в ежевичнике. Несколько раз ручей сужался, но Киа жестом показывала: вперед – и они продирались дальше сквозь колючки.

Наконец впереди завиднелся широкий луг, на берегу ручья стояла покосившаяся бревенчатая лачуга. Бревна прогнулись, некоторые валялись в траве, как бамбуковые палочки, крыша смахивала на кривобою шляпу. Тейт выволок лодку на илистый берег, и они молча прошли в зияющий дверной проем.

Их встретили тьма и крысиный душок.

– Надеюсь, ты здесь жить не собираешься, как бы потолок не обвалился. – Тейт толкнул стену: вроде прочная.

– Но спрятаться можно. Припасу еды, вдруг придется скрываться.

Когда глаза привыкли к темноте, Тейт посмотрел на Киа.

– Киа, а в школу вернуться ты не думала? От этого не умирают, но если вернешься, тебя оставят в покое.

– Они, наверно, поняли, что я тут одна, и если пойду в школу, сцапают меня, упекут в приют. Да и поздновато мне в школу-то. Куда меня посадят, в первый класс?

У Киа от ужаса даже дыхание сбилось, стоило ей представить, как она сидит на низеньком стульчике, а кругом малышня, и все, кроме нее, правильно говорят, с легкостью считают до пятидесяти.

– Так ты решила всю жизнь на болоте в одиночку проторчать?

– Уж лучше здесь, чем в приюте. Па грозился нас туда сплавить, если будем плохо себя вести. Говорил, там все злые.

– Нет, не злые. Не все. В основном добрые люди, детей любят, – возразил Тейт.

– Так, по-твоему, лучше в приют, чем жить на болоте? – спросила Киа, выпятив подбородок.

Тейт призадумался.

– Ладно, притащи сюда одеяло и спички на случай холода. Может, несколько жестянок сардин. Они хранятся хоть вечно. А свежие продукты здесь не держи, медведи учуют.

– Медведями мя не испугаешь.

– Медведями меня не испугаешь.

* * *

Остаток лета Киа и Тейт занимались в хижине-развалюхе. К середине августа дочитали "Календарь песчаного графства", и незнакомые слова теперь попадались Киа все реже и реже. Из книги Олдо Леопольда она узнала, что пойма – живое продолжение реки и река может вернуть ее себе когда угодно. Жить в пойме все равно что на пороховой бочке. Киа узнала, куда улетают на зиму гуси и что означают их крики. Негромкими, похожими на стихи словами он рассказывал, что почва – одно из главных земных богатств и что она полна жизни; что осушение болот губит землю на многие мили вокруг, и вместе с водой исчезают растения и животные. Часть семян остается ждать своего часа в иссушенной земле, и когда наконец возвращается вода, ростки пробиваются сквозь почву, тянутся к солнцу. Об этих простых и удивительных истинах в школе никогда не расскажут. Их должен знать каждый, но почему-то, хоть их вроде бы никто и не прячет, они недоступны – покоятся где-то глубоко, как семена.

В бревенчатой хибаре они встречались несколько раз в неделю, а ночевала Киа у себя в хижине или на берегу с чайками. На зиму нужно было запастись топливом, и Киа подошла к делу серьезно – отовсюду притаскивала охапки и складывала кучу за кучей меж двух сосен. Репу на грядке совсем забил золотарник, и все равно овощей уродилось столько, что не съесть ни ей, ни оленям. В конце лета Киа сняла последний урожай кабачков и свеклы и спрятала в прохладной тени под дощатым крыльцом.

И за всеми делами она прислушивалась, не тарыхтит ли поблизости автомобиль, не едут ли за ней. Иногда, устав прислушиваться и бояться, Киа уходила в бревенчатую лачугу и спала на земляном полу, завернувшись в запасное одеяло. Мидий она собирала, подстраиваясь под Тейта, – он отвозил их Скоку, а ей привозил продукты. Дикобраз спрятал брюшко.

* * *

– Помнишь, когда ты прочла свое первое предложение, то сказала, что иногда в словах очень много умещается? – спросил однажды Тейт, сидя с ней у ручья.

– Да, помню, а что?

– Это верно, особенно в стихах. Слова в стихах – больше чем просто слова. Они берегут душу. А могут и рассмешить.

– Мама читала мне вслух стихи, но я не помню ни строчки.

– Вот, послушай, это Эдвард Лир. – Тейт достал сложенный листок и прочел:

И мистер Карамора встал тотчас,

А с ним – мистер Муха-Вжик,

И ринулись в пенящийся прибой,

Издав отчаленный крик.

Тут в серых и розовых парусах

Кораблик явился им,
И сели они, и помчались вдаль,
Скользя по волнам седым. [8]

Киа улыбнулась:

– Будто волны бьются о берег.

С тех пор Киа начала рифмовать. Сидя в лодке или ища раковины, сочиняла стишки – простенькие, монотонные, дурацкие.

Вот слетела с ветки сойка –

Сойка, сойка, ты постой-ка!

Я ведь, если захочу,

Тоже в небо улечу.

И громко смеялась. Стихи скрашивали ей жизнь, позволяли хоть ненадолго забыть о ее горьком одиночестве.

Как-то под вечер, сидя с книгой за кухонным столом, Киа вспомнила про мамин сборник стихов, принялась его искать и наконец нашла. Растрепанный томик, давным-давно без обложки, стянутый двумя потертыми резинками, чтоб не рассыпался. Бережно сняв резинки, Киа начала листать страницы, читать заметки Ма на полях. В конце были выписаны номера страниц с ее любимыми стихами.

Киа нашла стихотворение Джеймса Райта:

И вышел я в тоске

На опустелый двор,

Мечтая сей же час

Обнять, к себе прижать

Дитя, мое дитя,

Услышать звонкий смех...

Ни леса не видать,

Ни солнца не видать –

Остались только мы.
И пела в доме мать,
И ужин грела нам,
Любя нас всей душой.
И вот спустилась ночь...

И еще одно, Голуэя Киннелла:

Да, я любил...
И все сказал, что мог,
И подобрал слова, которые не ранят. А теперь...
Я счастлив, что всему конец:
Осталось у меня лишь сожаленье,
Что я так страстно жить хотел.
...Прощай.

Киа провела пальцем по строкам, будто это послание от Ма, будто мама нарочно их подчеркнула, зная, что дочь однажды их прочтет при тусклом свете керосинки и все поймет. Вроде бы мелочь, даже не записка в ящичке комода, но все же... Киа чужая в этих строках глубокий смысл, но не могла расшифровать. Если она станет когда-нибудь поэтом, то будет писать яснее.

* * *

В сентябре, когда Тейт перешел в выпускной класс, он уже не мог навещать Киа так часто, а когда приезжал, то привозил ей старые школьные учебники. Он не предупредил, что книги по биологии ей пока что не по зубам, и Киа продиралась сквозь темы, до которых в школе дошла бы года через четыре. "Не волнуйся, – успокаивал ее Тейт, – с каждым разом ты будешь понимать чуть больше". И был прав.

Когда дни сделались короче, они снова стали встречаться возле хижины Киа – в лачуге-читальне не хватало света. Занимались они всегда на воздухе, но однажды с утра разбушевался ветер, и Киа затопила в доме печь. Никто не переступал порога хижины уже четыре года, с тех пор как исчез Па, и звать кого-то в дом казалось ей невыносимым. Но Тейт – другое дело.

– Хочешь, посидим на кухне у печки? – спросила она, когда Тейт вытащил лодку на берег лагуны.

– Конечно, – отозвался он, сделав вид, будто ничего не происходит.

Он зашел на веранду и минут двадцать восхищался перьями, раковинами, скелетами, гнездами. Когда наконец сели за стол, Киа пододвинула стул к нему поближе, так что они почти касались друг друга плечами. Ей просто хотелось чувствовать, что он рядом.

Тейт был очень занят, помогал отцу, и дни без него не шли, а ползли. Однажды ближе к ночи Киа взяла с маминной книжной полки “Ребекку” Дафны Дюморье, первый в своей жизни роман, и стала читать о любви. А закрыв книгу, подошла к платяному шкафу, надела мамино летнее платье и закружилась по комнате, завертелась перед зеркалом, потряхивая волосами, покачивая бедрами. Представила, будто Тейт пригласил ее на танец, обнимает за талию. Вообразила себя миссис де Винтер.

Вдруг она замерла на месте и, согнувшись, зашлась хохотом. И застыла, притихла.

* * *

– Поди-ка сюда, детка, – проворковала Мейбл. – Я подарки тебе припасла.

Обычно все необходимое приносил ей Скок, а жена его приходила только по особым случаям.

– Ну же, вперед, а я пока лодку заправлю, – сказал Скок, и Киа спрыгнула на причал.

– Вот, мисс Киа. – И Мейбл расправила перед ней персиковое платье с цветастой юбкой, отделанной шифоном, – ничего красивее Киа в жизни не видела, даже мамино летнее платье не шло ни в какое сравнение. – Ты же у нас принцесса, тебе и наряд нужен подходящий! – Она протянула Киа платье, та дотронулась до него и просияла.

Не глядя на Скока, Мейбл не без труда нагнулась и выудила из коробки белый лифчик.

Киа бросило в жар.

– Ну же, мисс Киа, не стесняйся, дружок. Пришло время тебе это носить. И вот что, детка, ежели что непонятно, спрашивай у старушки Мейбл. Поняла?

– Да. Спасибо, Мейбл! – Киа спрятала лифчик на самое дно коробки, под ворох джинсов и футболок, под пакет фасоли и банку персиков.

Спустя несколько недель, когда Киа, качаясь в лодке на волнах, смотрела, как кормятся в море пеликаны, у нее вдруг свело живот. Морской болезнью она никогда не страдала, да и боль была новая, ни на что не похожая. Киа причалила к мысу Пойнт-Бич и опустилась на песок, поджав под себя ноги, будто птица с перебитым крылом. Боль нарастала, и Киа скривилась, застонала тихонько. Наверно, расстройство желудка.

Вдруг раздался гул мотора, показалась меж курчавых волн лодка Тейта. Заметив Киа, он тут же повернул к берегу. Киа выругалась под нос, совсем как Па. Тейту она всегда рада, но только не сейчас – как бы не пришлось ей бежать в дубняк. Подтащив свою лодку вплотную к ее, Тейт плюхнулся с ней рядом на песок.

- Привет, Киа! Ты что тут делаешь? Я как раз к тебе плыл.
- Привет, Тейт! Рада тебя видеть. – Она старалась говорить обычным голосом, но внутри будто завязался тугой узел.
- Что с тобой? – встревожился Тейт.
- А почему ты спрашиваешь?
- Вид у тебя неважный. Что стряслось?
- Кажется, заболела. Что-то живот крутит, сил нет.
- Ох. – Тейт посмотрел вдаль, на море, зарывшись босыми ногами в песок.
- Тебе, наверно, лучше уйти, – сказала Киа, не поднимая глаз.
- Я, пожалуй, останусь, пока тебе не полегчает. Тебе ведь одной и до дома не добраться?
- Видно, придется мне в лес бежать. Меня, похоже, сейчас прохватит.
- Может быть. Но вряд ли в этом дело, – сказал тихо Тейт.
- То есть как? Ты же не знаешь, что у меня болит.
- Болит живот, но не так, как обычно?
- Да.
- И тебе скоро пятнадцать, так?
- Да. А при чем тут это?

С минуту Тейт собирался с мыслями. Перебирал ногами, и пальцы все глубже утопали в песке. Не глядя на нее, он начал:

- Такое бывает у девочек в твоем возрасте. Помнишь, несколько месяцев назад я тебе брошюру приносил? Вместе с учебниками по биологии. – Тейт, вспыхнув, метнул на нее взгляд и опять отвернулся.

Киа бросило в жар. Да, Ма рядом нет, никто ей не расскажет, но та брошюра для школьниц и вправду кое-что объясняла. Пришел и ее черед, и вот она, сидя на песке, на глазах у мальчишки превращается из девочки в женщину. Стыд и ужас переполнили ее. Что теперь делать? Что с ней будет? Много ли вытечет крови? Киа представила, как кровь капает на песок. Она сидела молча, и боль разрывала ее изнутри.

- До дома сможешь добраться? – спросил Тейт, по-прежнему глядя в сторону.
- Думаю, да.
- Все будет хорошо, Киа. С каждой девочкой это случается, и ничего. А сейчас отправляйся домой, а я следом, покараулю тебя.
- Не надо.

- Обо мне не беспокойся. Ну, вперед. – Он выпрямился и, не оглядываясь, зашагал к своей лодке. Отплыл подальше от берега и провожал ее взглядом, пока впереди не

показалась протока. И, превратившись в крохотную точку, следовал за ней до самой лагуны. Стоя на берегу, Киа робко махнула ему, стараясь на него не глядеть.

Почти всему в жизни она научилась сама – разберется и на этот раз. Но на другое утро, едва рассвело, она отправилась на лодке к Скоку. Бледное солнце будто зависло в густом тумане. Киа подплыла к причалу и стала искать глазами Мейбл, почти не надеясь ее застать. Так и есть, навстречу вышел один Скок.

– Доброго вам утречка, мисс Киа! Уже бензин кончается?

Киа, по-прежнему сидя в лодке, робко сказала:

– Мне нужно повидать Мейбл.

– Жалость-то какая, детка, Мейбл сегодня здесь нет. Может, я чем помогу?

Не поднимая головы, Киа ответила:

– Мне очень нужна Мейбл. Срочно.

– Ну ладно.

Скок окинул взглядом бухту, посмотрел вдаль, на море – ни одной лодки. Те, кому нужно заправиться, могли рассчитывать на Скока в любой день и час, даже на Рождество, за полвека он ни дня не пропустил, не считая того дня, когда умерла Дэзи, их маленький ангел. Нельзя было ему покидать свой пост.

– Обождите тут, мисс Киа, а я летаю, скажу ребятам, пускай кликнут Мейбл. Ежели причалит сюда лодка, передайте, мол, я сейчас буду.

– Хорошо. Спасибо.

Скок поспешил прочь с причала, а Киа ждала, то и дело поглядывая, нет ли поблизости лодок. Но вскоре он вернулся и сказал, что ребятки побежали за Мейбл, а Киа нужно “обождать чуток”.

Скок хлопотал в лавке, раскладывал по полкам пачки жевательного табака. Киа ждала в лодке. Наконец прибежала Мейбл, доски под ней прогибались, будто вдоль причала толкали небольшое пианино. Она несла бумажный пакет и вместо обычного громкого “здрасьте” наклонилась к Киа с края причала и зашептала ей в самое ухо:

– С добрым утречком, мисс Киа, что случилось, детка? Что с тобой, милая?

Киа еще ниже опустила голову и что-то пробормотала, Мейбл не разобрала.

– Можешь выйти из лодки? Или я к тебе сяду?

Киа не ответила, и Мейбл, почти двести фунтов чистого веса, шагнула в лодку одной ногой, потом другой, и лодка, жалобно скрипнув, ткнулась в сваю. Мейбл устроилась на средней скамье, лицом к Киа, сидевшей на корме.

– Ну, рассказывай, детка, что за беда у тебя.

Они сдвинули головы, Киа шептала, а Мейбл, притянув девочку к своей пышной груди, обнимала ее, баюкала. Киа, непривычная к объятиям, сперва сжалась в комок, но Мейбл это не смутило, и наконец Киа обмякла и уткнулась ей в грудь, будто в мягкие подушки. Вскоре Мейбл открыла коричневый бумажный пакет.

– Я чуяла, что стряслось, и принесла тебе кой-чего.

И, сидя в лодке у причала, растолковала Кию, что к чему.

– Ну, мисс Кия, стыдиться тут нечего. Греха тут нет, как говорится, это источник всякой жизни, и только женщина способна давать жизнь. Вот ты, детка, и стала женщиной.

* * *

Назавтра, заслышав, как приближается на лодке Тейт, Кия забила в густой ежевичник и оттуда следила за ним. То, что кто-то с ней знаком, само по себе удивительно, а он не просто с ней знаком, он знает о ней самое сокровенное. При одной мысли об этом у нее вспыхнули щеки. Лучше пересидеть здесь, пока он не уйдет.

Тейт причалил к берегу лагуны, выбрался из лодки, Кия увидела у него в руках белую коробку, перевязанную лентой.

– Эй! Кия, ты где? – крикнул он. – Я пирожных принес, от Паркера.

Пирожных Кия не пробовала уже много лет. Тейт достал из лодки стопку книг, и Кия вылезла из кустов за его спиной.

– Ах вот ты где! Ну-ка, смотри! – Он открыл коробку, а там лежали в ряд маленькие, не больше дюйма, пирожные в ванильной глазури, с крохотными розочками наверху. – Ну, налетай!

Кия взяла пирожное и, по-прежнему не глядя на Тейта, откусила кусочек, а потом затолкала в рот остальное, облизала пальцы.

– Вот. – Тейт поставил коробку под дубом. – Бери еще, не стесняйся. И давай заниматься. Я тебе книжку новую привез.

Они взялись за уроки, ни словом не обмолвившись о том, другом.

* * *

Близились осень, вечнозеленые деревья остались прежними, платаны же принарядились, засверкали тысячами золотых листьев на фоне слюдяно-серых небес. Как-то под вечер после урока Кия и Тейт сидели на бревне; Тейту пора было домой, но он все медлил. И Кия наконец задала вопрос, мучивший ее в последние месяцы.

– Спасибо, Тейт, что учишь меня читать, спасибо за все. Но зачем тебе это? Разве нет у тебя девушки, подруги?

– Не-а. То есть бывают иногда. Была одна, но давно уже. Мне здесь нравится, здесь так тихо, а еще нравится, что ты знаешь болота. Обычно людям ничего здесь не нужно, кроме рыбы. Думают, эта земля ни на что не годна – осушить, застроить, и дело с концом. Не понимают, что большинству морских животных – в том числе промысловым – без болота не прожить.

Тейт не сказал, что жалеет ее, ведь она тут совсем одна, что знает, как ребята все эти годы над ней издевались, а местные окрестили Болотной Девчонкой, выдумывают про нее всякий вздор. Прокрасться в темноте к ее хижине и стукнуть в дверь стало традицией, обрядом посвящения мальчиков в мужчины. Хороши же мужчины, нечего сказать! Некоторые уже делают ставки, кто будет у нее первым. Все это тревожило и злило его.

Но не только поэтому оставлял он для Киа в лесу перья, не поэтому искал с ней встреч. Тейт умолчал про свои чувства, вобравшие в себя и нежную братскую любовь, и юношеское влечение. Он и сам не мог разобраться в себе, но ничего подобного не знал до сих пор – его будто волной сбило с ног. Было и больно, и радостно.

Наконец Киа спросила, тыча стебельком в муравьиный ход:

– Где твоя мама?

Легкий ветерок прошелестел в кронах, чуть дрогнули ветки. Тейт молчал.

– Не хочешь говорить – ничо страшного, – сказала Киа.

– Ничего.

– Ничего страшного.

– Моя мама и младшая сестренка разбились на машине в Эшвилле. Сестру звали Кэриэн.

– Ох... Прости, Тейт. Наверняка мама твоя была красивая и добрая.

– Да. Обе были красивые и добрые. – Он продолжал, глядя в землю: – Я никогда ни с кем об этом не говорил. Ни с кем.

Я тоже, подумала Киа. А вслух сказала:

– А моя Ма ушла однажды и не вернулась. Мама-олениха никогда не бросит оленят.

– Что ж, у тебя хотя бы есть надежда, что она вернется. А моя не вернется, это уж точно. – Чуть выждав, Тейт заговорил: – По-моему... – Но тут же умолк, отвернулся.

Киа подняла на него взгляд, но он смотрел в землю. Молчал.

Киа спросила:

– Что? Что – по-твоему? Мне ты можешь сказать.

Но Тейт молчал. Киа терпеливо ждала – она-то все понимала.

Наконец он произнес еле слышно:

– По-моему, они ехали в Эшвилл за подарком мне ко дню рождения. Я хотел велосипед одной модели, прямо-таки помешался на нем. В “Вестерн Авто” таких не было, и они поехали в Эшвилл за этим великом.

– Это не значит, что ты виноват, – сказала Киа.

– Знаю, но все равно чувствую вину. Я даже не помню, что это был за велик.

Киа придвинулась к нему. Ей показалось, будто их плечи сами собой стали ближе. Интересно, Тейт тоже заметил? Придвинуться бы еще чуть-чуть, плечом коснуться его

плеча. Почувствовать его. Заметит ли он тогда?

Тут поднялся ветер, сорвались с веток тысячи желтых платановых листьев, закружились в воздухе. Осенние листья не падают, они летят. И никуда не торопятся, им лишь бы побыть в воздухе подольше, хоть на миг, – другого случая им не представится. Искрясь на солнце, они кружились, парили, порхали, подхваченные крошечными вихрями.

Тейт соскочил с бревна и крикнул:

– Посмотрим, кто больше листьев поймает!

Киа востропнулась, и вдвоем они прыгали и носились, раздвигая завесу листопада, протягивая руки. Смеясь, Тейт нагнулся, поймал лист почти у самой земли и повалился на лесной ковер, помахивая в воздухе своим трофеем. Киа всплеснула руками, пустив по ветру свою добычу. И побежала, и листья застревали золотыми блестками у нее в волосах.

Киа закружилась и столкнулась с Тейтом, стоявшим на месте, и оба застыли, глаза в глаза. Смех оборвался. Тейт взял Киа за плечи и, чуть помедлив, поцеловал в губы, а листья падали и кружились тихо, как снежинки.

Целоваться Киа не умела и застыла, не раскрывая губ. Они разжали объятия и посмотрели друг на друга, не понимая, что это на них нашло и что делать дальше. Тейт бережно вынул из волос Киа желтый листок, уронил на землю. Сердце у Киа стучало как бешеное. Если это и есть любовь, то совсем не такая, как в ее непутевой семейке.

– Теперь я твоя девушка? – спросила она.

Тейт улыбнулся:

– А ты не против?

– Нет.

– Ты же еще маленькая!

– Зато в перьях разбираюсь! Спорим, другие девчонки ничего в них не смыслят.

– Ну ладно. – И Тейт снова поцеловал ее.

На этот раз Киа склонила набок голову, подставив мягкие губы. И впервые в жизни сердце у нее переполнилось до краев.

18

Белое каноэ

1960

В тот раз говорили они на бегу, сквозь смех. Тейт гонялся за Киа, и они катались по красному ковру осеннего щавеля – дети, но уже не совсем.

– Угомонись хоть на секунду, – попросил Тейт. – Единственный способ усвоить таблицу умножения – зазубрить ее.

Он написал на песке: “ $12 \times 12 = 144$ ”, но Киа пронеслась мимо, бросилась в набежавший прибой и устремилась туда, где вода была спокойной, и вдвоем они доплыли до места, где серо-голубые косые лучи пронзали неподвижную воду, подсвечивая контуры их тел, ладных, как у дельфинов. А потом, в песке и морской соли, они катались по пляжу, крепко сплетаясь в объятиях, будто слившись в одно целое.

На другой день Тейт приплыл в лагуну, но из лодки выходить не стал. У ног его стояла большая корзина, прикрытая красной клетчатой скатертью.

– Что это? Что ты привез? – спросила Киа.

– Сюрприз. Ну же, залезай!

Медленными протоками вышли они в море и двинулись на юг, к небольшой бухточке в форме полумесяца. Бросив на песок одеяло, Тейт поставил на него укрытую скатертью корзину и, когда они сели, сдернул скатерть.

– С днем рождения, Киа, – сказал он. – Тебе сегодня пятнадцать.

Из корзины выглядывал двухъярусный торт из кондитерской, высотой со шляпную коробку, украшенный ракушками из розовой глазури. А на торте – ее имя. А рядом – подарки в разноцветных обертках, перевязанных лентами.

Киа потрясенно застыла, раскрыв рот. С тех пор как ушла Ма, никто ее не поздравлял с днем рождения. Ни разу не дарили торт с ее именем. Никогда не получала она подарков в нарядной упаковке, с лентами.

– Откуда ты узнал про мой день рождения? – Без календаря Киа потеряла счет дням.

– В Библии у тебя прочел.

Пока Киа умоляла: “Не разрезай мое имя!” – Тейт откромсал им по громадному ломтю и выложил на бумажные тарелки. Глядя друг другу в глаза, отрывали они куски и запихивали в рот. Громко причмокивали, обсасывали пальцы, улыбались перепачканными в глазури губами. Вот как надо есть торт, так мечтает его есть каждый!

– Развернем подарки? – Тейт улыбнулся.

Первый – небольшая лупа, “разглядывать крылышки насекомых”. Второй – серебристая пластмассовая заколка с выложенной стразами чайкой, “для волос”. Тейт неуклюже заправил ей за ухо прядь и прицепил заколку. Киа провела по ней пальцами. Еще красивее, чем мамина!

Третий подарок был в самой большой коробке. Киа открыла, а там десять баночек масляных красок, акварель, кисти всех размеров – “рисуй на здоровье”.

Киа брала в руки каждую баночку с краской, каждую кисть.

– Я тебе еще привезу, если надо. Даже холст, из Си-Окс.

Киа кивнула:

– Спасибо, Тейт.

* * *

– Полегоньку, не спеши, – крикнул Шкипер, когда Тейт, путаясь в сетях и промасленной ветоши, орудовал лебедкой.

Рядом пеликаны чистили перья. Нос “Вишенки”, покачиваясь как в люльке, скользнул на подводные рельсы верфи Пита, единственной в Баркли-Коув, с кривым пирсом и ржавым навесом для лодок.

– Хорошо пошла! Заводи!

Тейт крутанул рычаг лебедки, и катер зашел по рельсам в сухой док. Подвесив его на тросах, они принялись соскребать с корпуса ракушки под хрустальный голос Милицы Корьюс с пластинки. Надо грунтовать, а потом, как положено раз в год, нанести новый слой красной краски. Цвет подбирала еще мать Тейта, и Шкипер ни за что не променял бы его на другой. Он то и дело отрывался от работы и дирижировал могучими ручищами, в такт плавной музыке.

С начала зимы Шкипер стал платить Тейту, как взрослому, за помощь после школы и в выходные, зато Тейт не мог уже так часто наведываться к Киа. С отцом он об этом не говорил; при нем он и вовсе ни разу не упомянул о Киа.

До темноты отскребали они от катера ракушки, пока даже у Шкипера руки не заныли.

– Нет у меня сегодня сил стряпать, да и у тебя, думаю, тоже. Поедим в закусочной по пути домой.

Кивая направо и налево – ведь были здесь только знакомые лица, – они сели за столик в углу. Оба заказали блюдо дня – отбивные в панировке, а на гарнир пюре с подливкой, репу и капустный салат. На десерт – печенье и ореховый пирог с шариком мороженого. За соседним столиком, взявшись за руки и склонив головы, сидела семья, отец читал вслух молитву. При слове “аминь” все четверо крепче сжали друг другу руки, а потом стали передавать по кругу кукурузный хлеб.

Шкипер начал:

– Вот что, сынок, понимаю, тебе с этой работой не продохнуть. Ничего не попишешь, но ты нынче осенью никуда не ходил, даже на бал выпускников, а я не хочу, чтобы ты все пропустил, ведь ты в школе последний год. Скоро в танцзале большой бал. Ты уже пригласил девушку?

– Не-а. Я еще не решил, идти или нет. Но если пойду, то без пары.

– Так и не присмотрел никого в школе?

– Не-а.

– Ну ладно. – Шкипер откинулся в кресле, тем временем официантка поставила перед ним тарелку. – Спасибо, Бетти, от души положила!

Бетти поставила порцию для Тейта, еще больше.

– Чтоб все доели, – сказала она. – Добавку вам уже не осилить.

Она улыбнулась Тейту и пошла на кухню, кокетливо виляя бедрами.

Тейт сказал:

– Девчонки в школе глупые, одни прически да каблуки на уме.

– Ну на то они и девчонки. Иногда нужно смириться.

– Может быть.

– Знаешь, сынок, сплетни я никогда не слушал и не слушаю, но ходит молва, будто ты повадился к той девочке с болота. (Тейт замахал руками.) Ну-ну, – продолжал Шкипер, – слухам о ней я не верю, наверняка девочка она хорошая. Но ты осторожней, сынок. Ни к чему слишком рано детей заводить. Ты меня понял?

Тейт ответил, понизив голос до шепота:

– Сначала ты говоришь, что не веришь сплетням, потом просишь слишком рано детей не заводить. Решил, значит, что она из таких. И вот что я тебе скажу – она не такая. Она чище и невинней любой из тех, с кем ты меня спокойно отпустил бы на танцы. Да ради бога... многие из здешних девиц... скажем так, охотятся стаями и пленных не берут. Да, я вижу иногда с Киа. И знаешь для чего? Учю ее читать, потому что люди у нас в городе злые, из школы ее выжили.

– Ясно, Тейт, ты молодчина. Но прошу, пойми, на то я и отец, чтоб ворчать. Понимаю, разговор не из приятных, но я же отец как-никак, должен тебя предостеречь. Это моя забота, так что не злись.

– Понял, – буркнул Тейт, намазывая масло на хлебец. И, ясное дело, злился.

– Ну-ну, успокойся. Возьмем-ка добавки, а потом орехового пирога.

Когда принесли пирог, Шкипер снова заговорил:

– Раз уж пошел у нас разговор по душам, вот что я еще скажу.

Тейт устался в тарелку с пирогом.

– Хочу, чтобы ты знал, сынок, как я тобой горжусь. Все-то ты делаешь сам – и болото изучаешь, и в школе учишься отлично, и выбрал куда поступать, на биологический. И поступил. Вслух я о таком говорить не привык, но я очень тобой горжусь, сынок. Понял?

– Да, понял.

Вечером у себя в комнате Тейт читал вслух строки любимого стихотворения:

О, скоро ли в белом каноэ ее

На озере встречу я?

* * *

Тейт между делом старался почаще навещать Киа, но оставаться надолго никогда не получалось. Бывало, плыл минут сорок на лодке, чтобы десять минут пройтись с ней по

пляжу, за руку ее поддержать. И целоваться всю дорогу. Не терять ни минуты. И уплыть обратно. Он мечтал коснуться ее груди, все бы отдал, только бы одним глазком взглянуть на ее грудь. Бессонными ночами он представлял ее бедра, такие мягкие, шелковистые и при этом налитые силой. А дальше... он и думать спокойно не мог, ворочался на постели, сбивая простыни. Но она еще такая юная, пугливая. Один его неверный шаг может ей повредить – ну и чем он тогда лучше тех мальчишек, лишь на словах готовых ее соблазнить? Желание ее защитить боролось в нем с другим желанием. С переменным успехом.

* * *

Каждый раз Тейт привозил Киа учебники или библиотечные книги, в основном по биологии, о животном мире болот. Вперед она продвигалась семимильными шагами, читала уже совсем бегло, а если все можешь прочесть, говорил Тейт, значит, чему угодно можешь научиться. Выбор за тобой. “Память сколько ни загружай, а место новому всегда найдется, – повторял он. – Мы как жирафы: тянемся вверх за листьями, и всегда есть еще куда тянуться”.

Долгими одинокими часами при свете керосинки Киа читала о том, как животные и растения приспосабливаются к изменчивому миру; как делятся клетки и из одних получают ткани сердца или легких, а другие, ствольные, остаются до поры до времени неспециализированными – так сказать, про запас. Птицы обычно поют на рассвете, потому что в прохладном и влажном утреннем воздухе песни разносятся дальше. С детства все эти чудеса были у нее под носом, и наука о природе давалась ей легко.

В неисчерпаемом мире биологии искала она ответ на свой вопрос: почему мать может бросить детенышей?

* * *

Однажды промозглым днем, когда платаны давно уже сбросили листья, Тейт вылез из лодки с подарком, завернутым в красную бумагу с зеленым рисунком.

– А я с пустыми руками, – призналась Киа, когда Тейт протянул ей сверток. – Не знала, что сегодня Рождество.

– А вот и нет. – Тейт улыбнулся. – До Рождества еще далеко, – соврал он. – Да и подарок совсем небольшой.

Киа бережно развернула бумагу, внутри был подержанный словарь Вебстера.

– Ах, спасибо, Тейт!

– Загляни внутрь, – сказал он. В разделе “П” лежало перо пеликана, между страниц на “Н” – цветок незабудки, на “Г” – засушенный гриб. Столько сокровищ, что книга не закрывается! – Если смогу, приду сразу после Рождества. Постараюсь принести праздничный ужин с индейкой.

Тейт поцеловал ее на прощанье. Проводив его, Киа громко выругалась. Впервые после ухода Ма ей выпал случай сделать подарок близкому человеку – и она его упустила.

Через несколько дней, дрожа от холода в персиковом шифоновом платье без рукавов, ждала она Тейта на берегу лагуны, шагая взад-вперед и сжимая в руке подарок – перо с хохолка самца кардинала, завернутое в обрывок той самой бумаги, в которой Тейт принес ей словарь. Когда Тейт спрыгнул на берег, Киа вложила ему в руку подарок, и Тейт, по ее просьбе, сразу развернул.

– Спасибо, Киа, мне его как раз не хватало.

Рождественская миссия выполнена.

– Пойдем же в дом, ты ведь продрогла в этом платье!

Кухня была жарко натоплена, но Тейт все равно предложил Киа переодеться в джинсы и свитер.

Вместе разогрели они угощение, принесенное Тейтом: индейку, пудинг из кукурузного хлеба, клюквенный соус, запеканку из сладкого картофеля и тыквенный пирог – остатки рождественского ужина, что ели они с отцом в закускойной. Киа напекла к празднику печенья, а стол украсила остролистом и морскими раковинами.

– Я помою посуду, – сказала Киа после еды и налила в тазик воды, нагретой на печи.

– Я помогу.

Тейт подошел к Киа сзади, обнял. Она откинула голову, прижалась затылком к его груди, прикрыла глаза. Его ладони нырнули ей под свитер, пробежали по гладкому животу, подбираясь к груди. Она, как всегда, была без лифчика, пальцы его скользнули вокруг сосков. Он задержал руки, и Киа бросило в жар, будто он залез ей в джинсы. Внутри словно разверзлась пустота, требующая немедленно ее заполнить. Но Киа не знала, что делать, что говорить; она отстранилась.

– Ничего, – сказал Тейт. И просто обнял ее.

Оба тяжело дышали.

* * *

Среди жестоких ветров и обложных дождей изредка выглядывало солнце, пока еще по-зимнему несмело. И однажды весна водворилась бесповоротно. Воздух потеплел, небо сияло будто отполированное. Киа и Тейт шли вдоль травянистого берега глубокого ручья, под пологом амбровых деревьев, Киа что-то вполголоса рассказывала. Внезапно Тейт стиснул ее руку: тише! Киа посмотрела в ту же сторону, что и он, – у самой кромки воды среди листвы притаилась шестидюймовая лягушка-бык. Такие здесь не редкость, вот только эта была жемчужно-белой.

Тейт и Киа с улыбкой переглянулись и наблюдали за лягушкой, пока та не удалилась – бесшумно, одним прыжком. Они тихо отступили в кусты, ярдов на пять. Киа рассмеялась, прикрыв ладонями рот. Отскочила в сторону, по-детски шаловливо, но с девичьей грацией.

Тейт залюбовался ею, тут же позабыв про лягушку, он решительно шагнул к ней,

взглядом будто пригвоздил к старому дубу. Взял за плечи и крепко прижал к дереву, руки ее безвольно упали вдоль тела. И, прижавшись бедрами, принялся целовать. После Рождества они целовались и ласкали друг друга, но осторожно, не так, как сейчас. Тейт всегда был ведущим, но чутко прислушивался к ней, готовый в любую минуту прекратить; на этот раз было иначе.

Он отстранился, пристально глядя на нее глубокими золотисто-кариими глазами. Не спеша расстегнул ее блузку, спустил с плеч, обнажив груди. Дал себе время полюбоваться, потрогать, провел пальцами вокруг сосков. Расстегнул молнию на ее шортах, и они сползли на землю. Впервые в жизни он видел ее почти обнаженной; Киа, задыхаясь, прикрыла грудь. Тейт ласково отвел в сторону ее руки, наслаждаясь видом ее тела. Низ живота у нее пульсировал, будто туда прилила вся кровь. Одним движением он сбросил шорты и, не спуская с нее глаз, крепко прижался к ней бедрами.

Киа стыдливо отвернулась, но Тейт взял ее за подбородок.

– Посмотри на меня. Смотри мне в глаза, Киа.

– Тейт, Тейт.

Киа потянулась к нему, к его губам, но Тейт удержал ее. Она не подозревала, что нагота способна пробудить столь мощное желание. Он нежно пробежал пальцами по внутренней стороне ее бедер, и Киа невольно раздвинула их чуть шире. Его пальцы скользнули меж ее ног, лаская самые потаенные уголки, – Киа и не догадывалась, что они существуют. Она откинула голову и тихо застонала.

Тейт резко отстранился, попятился.

– Господи, Киа, прости меня! Прости.

– Тейт, еще, пожалуйста!

– Не сейчас, Киа.

– Почему? Почему не сейчас? – Киа обняла его за плечи, притянула к себе. – Почему не сейчас? – повторила она.

Тейт подобрал с земли ее одежду, одел девушку, избегая касаться ее там, где ей хотелось, где все еще пульсировала кровь. И, взяв ее на руки, отнес на берег ручья, посадил на землю, а сам опустил рядом.

– Киа, я хочу тебя больше всего на свете. Навсегда. Но ты слишком юная, тебе всего пятнадцать.

– Ну и что? Подумаешь, ты старше всего на четыре года! Тоже мне премудрый взрослый!

– Да, но я-то не забеременею. И мне не так легко разрушить жизнь. Я не стану, Киа, потому что люблю тебя.

Люблю. Это слово казалось ей темным и непонятным.

– Думаешь, я еще ребенок?!

– Вот сейчас, Киа, ты рассуждаешь как ребенок, и чем дальше, тем хуже. – Но сказал он это с улыбкой, притиснув ее к себе.

– Если не сейчас, то когда же? Когда?

– Чуть позже.

С минуту оба молчали, потом Киа спросила:

- Откуда ты знал, как это делается? – И, вдруг смутившись, отвернулась.
- Понял, так же как и ты.

* * *

Однажды майским днем, когда они шли к океану, Тейт сказал:

- Знаешь, я скоро уеду. Учиться.

Он уже говорил, что едет в Чапел-Хилл, но Киа не желала об этом думать – по крайней мере, до осени.

- Когда? Ведь не сейчас.
- Скоро уже, через пару недель.
- Но почему? Я думала, занятия осенью начинаются.

- Мне предложили работу в университетской лаборатории. Нельзя упускать случай. Приступаю в летнем семестре.

До сих пор все ее бросали без слов, один только Джоди с ней попрощался. Остальные молча уходили навсегда, но и от прощальных слов нисколько не легче. В груди будто обожгло огнем.

- Постараюсь приезжать почаще. Это недалеко, правда. Несколько часов автобусом.

Киа молчала. И наконец сказала:

- Зачем тебе уезжать, Тейт? Взял бы и остался. Ловил бы креветок, как твой отец.
- Киа, ты сама все понимаешь. Не могу я остаться, и точка. Я хочу быть ученым, биологом, изучать болота.

Они добрались до пляжа, сели на песок.

- А дальше что? Работы для тебя здесь нет. Домой ты уже не вернешься.
- Вернусь. Я тебя не брошу, Киа. Обещаю. Я к тебе вернусь.

Киа вскочила, спугнув пискливых зуйков, и кинулась в лес. Тейт бросился следом, но у кромки леса замер, огляделся. Для Киа он был уже потерян.

Но на случай, если вдруг она где-то рядом, крикнул:

- Киа, нельзя убегать, чуть что не так. Бывает, нужно поговорить. Не прятаться от правды. – И добавил яростно: – Черт, Киа! Фу ты черт!

* * *

Спустя неделю, услышав, как к берегу лагуны приближается лодка Тейта, Киа юркнула за куст. Тейт свернул в протоку, взлетела спугнутая цапля, взмахивая широкими серебристыми крыльями. Киа хотела убежать, но все-таки вышла на берег и стала ждать.

– Эй! – окликнул Тейт.

На этот раз он был без кепки, ветер трепал его светлые кудри, обдувал загорелое лицо. Казалось, за пару месяцев он раздался в плечах – не мальчик уже, мужчина.

– Привет.

Тейт вылез из лодки, взял Киа за руку и повел к бревну, где они всегда читали.

– Оказалось, мне придется уехать раньше. На выпускной не пойду, а сразу за работу. Киа, я пришел попрощаться. – Даже голос стал у него мужественней, под стать большому миру.

Киа молчала, отсела от него подальше. К горлу подступил ком. Тейт поставил у ее ног две сумки списанных библиотечных книг, в основном по естественным наукам.

Киа не знала, сумеет ли заговорить. Ей хотелось, чтобы он снова отвел ее туда, на поляну белой лягушки. Если он здесь в последний раз, то пусть возьмет ее, на том же месте, прямо сейчас.

– Буду по тебе скучать, Киа. Каждый день, каждую минуту.

– А вдруг ты меня забудешь? Ведь там студенческая жизнь, красивые девушки.

– Я тебя никогда не забуду. Никогда. А ты тут без меня приглядывай за болотом, слышишь? И будь осторожна.

– Хорошо.

– Я серьезно, Киа. Людей остерегайся, чужих близко не подпускай.

– Я от кого угодно убегу, спрячусь.

– Верно, прятаться ты мастер! Домой я вернусь примерно через месяц, обещаю. На Четвертое июля. И оглянуться не успеешь, а я тут как тут.

Киа не отвечала, и Тейт встал с бревна, сунул руки в карманы джинсов. Киа встала рядом, но друг на друга они не смотрели, оба глядели на лес.

Тейт взял Киа за плечи, поцеловал долгим поцелуем.

– До свидания, Киа.

Она посмотрела куда-то за его плечо, потом – ему в глаза. Между ними уже пролегла пропасть, так хорошо знакомая ей.

– До свидания, Тейт.

Ни слова больше не говоря, он сел в лодку и пустился через лагуну. У входа в

протоку, утопавшую в ежевичнике, он обернулся и помахал. Киа подняла руку над головой, потом прижала к сердцу.

19

Тайные делишки

1969

С того дня, когда в болоте нашли тело Чеза Эндрюса, прошла неделя. Помощник шерифа Пардью, прочитав второе заключение экспертов, ввалился в кабинет шефа, толкнув дверь ногой. Руки у него были заняты – он нес два бумажных стаканчика с кофе и пакет пончиков, с пылу с жару.

– Ох, чую кондитерскую Паркера! – сказал Эд, когда Джо водрузил покупки на стол.

Они взяли из промасленного бумажного пакета по исполинскому пончику и, причмокивая, то и дело слизывая с пальцев сахарную пудру, принялись есть.

Покончив с едой, сказали хором:

– Есть новости.

– Выкладывай, – велел Эд.

– Я узнал из нескольких источников, что у Чеза имелись тайные делишки на болоте.

– Делишки? Что еще за делишки?

– Не знаю, но ребята в “Конуре” говорят, года четыре назад он зачастил на болото, один, никому ничего не рассказывал. С друзьями он там рыбачил, на лодке катался, но частенько ездил и один. Я думал, может, он с наркоманами связался или, того хуже, задолжал какому-нибудь наркодилеру-поганцу. Ляжешь с собаками – встанешь с блохами. А он и вовсе не встал.

– Это вряд ли. Он же был спортсмен, не представляю его наркоманом, – возразил шериф.

– Бывший спортсмен. Сам посуди, видали мы таких. Как только золотые денечки позади, ищут острых ощущений. А может, он там женщину завел.

– Только вот не знаю, кто мог ему там приглынуться. Он со здешней золотой молодежью знался, а не с отбросами.

– Что ж, коль он считал себя выше ее, значит, недаром скрытничал.

– Верно, – кивнул шериф. – И во что бы он там ни ввязался, об этой стороне его жизни мы не знаем, не ведаем. Надо разнюхать, что у него были там за дела.

– Говоришь, у тебя тоже новости есть?

– Не совсем так. Звонила мать Чеза, у нее кое-что важное. Насчет подвески с

ракушкой, что он всегда носил на шее. Она уверена, тут-то и собака зарыта. Обещала зайти рассказать.

– Когда?

– Скоро уж, после обеда.

– Неплохо бы настоящую зацепку найти. Это лучше, чем ходить вокруг да около, разыскивать субъекта в красном шерстяном свитере и с мотивом в придачу. Если это все-таки убийство, то хорошо продуманное. Все улики, если они и были, засосало болото. Успеем пообедать до прихода Патти Лав?

– А как же! Блюдо дня сегодня – свиные отбивные. И пирог с ежевикой.

20

Четвертое июля

1961

Четвертого июля Киа босиком, в шифоновом платье, из которого успела вырасти, вышла к лагуне и села на бревно, где они с Тейтом читали. Безжалостный зной разогнал последние клочки тумана, и кругом разлилась влажная духота. Киа то и дело наклонялась, брызгала прохладной водой на шею, без конца прислушиваясь, не приближается ли лодка Тейта. Ожидание ее не тяготило – она коротала время за одной из книг, что он ей привез.

Минуты едва ползли, солнце будто застряло в зените. Сидеть на бревне было неудобно, и Киа сползла на землю, облокотилась о дерево. Наконец, проголодавшись, она вернулась в хижину, чтобы соорудить сэндвич из крекеров и остатков колбасы. Перекусила наспех: вдруг Тейт появится, а она его не встречает?

В жарком влажном воздухе вились москиты. Ни лодки, ни Тейта. В сумерках Киа подошла к кромке воды, стояла неподвижно, словно цапля, смотрела на пустую, тихую гладь протоки. Дышать было больно. Сбросив платье, Киа ступила в темную прохладную воду; волны ласкали кожу, охладили, будто вбирая в себя весь жар. Киа вылезла на берег и голышом уселась на мягкий мшистый взгорок, чтобы обсохнуть, так и сидела, пока не показалась луна. А затем сгребла в охапку одежду и вернулась в дом.

Прождала она и весь следующий день. С каждым часом день разгорался, до вечера сиял, после заката мерк. Взошла луна, вспыхнула на воде дорожка, а с нею новая надежда, но и та потухла. Еще один рассвет, еще один раскаленный добела полдень. И снова закат. Остаток веры угас, чувства притупились. Взгляд Киа блуждал равнодушно; она по-прежнему прислушивалась, не плывет ли Тейт, но уже без замиранья сердца.

Лагуна пахла жизнью и смертью, надеждой и тленом. Квакали лягушки. Киа смотрела безучастно, как чиркают в темноте светлячки. Светлячков она никогда не ловила в банки – о живом можно узнать намного больше, если оно на воле, а не за стеклом. Джоди ей объяснял, зачем самка светлячка мигает огоньком на брюшке, – это сигнал к спариванию. Каждый вид светлячков сигналист по-своему. Киа заметила, что одни самки мигают “точка-точка-точка-тире” и танцуют зигзагами, а другие сигналият “тире-тире-точка” и узор в воздухе чертят иной. Самцы, конечно, знают сигналы своего вида и

подлетают только к “своим” самкам. А потом, как говорил Джоди, “трутся брюшками”, чтобы вывести детей, как большинство животных.

Вдруг Киа встрепенулась, пригляделась: одна из самок сменила код. Сперва просигналила как надо, подлетел самец того же вида, и они спарились. А потом замигала по-другому, и подлетел самец чужого вида. Прочитав ее послание, решил, что рядом “своя” самка, готовая спариться. А самка вдруг схватила его челюстями и сожрала целиком, не оставив ни лапки, ни крылышка!

Киа присмотрелась к другим светлячкам. Самки получали нужное – сначала самца, потом корм, – всего лишь сменив сигнал.

Киа понимала: судить их не за что. Добро и зло тут ни при чем, просто жизнь идет своим чередом, и часть игроков выбывает. Биология не знает ни добра ни зла, там своя система координат.

Прождав Тейта еще час, Киа вернулась наконец в хижину.

* * *

Наутро, когда от надежды остались клочки, она, ругаясь, снова пошла к лагуне. Села у кромки воды, прислушалась, не тарыхтит ли лодка в протоке или в дальнем русле.

В полдень она вскочила, заорала: “ТЕЙТ, ТЕЙТ, НЕТ, НЕТ!” И рухнула на колени, упала лицом в ил. Ее будто сносило приливом. Такое знакомое чувство.

21

Куп

1961

Листья пальм сухо постукивали на знойном ветру, будто костяшки. Отчаявшись дожждаться Тейта, Киа уже три дня не вылезала из постели. Ошалев от жары и безысходности, металась она, вся липкая, на мокрой от пота простыне. Иногда высовывала ногу в поисках местечка попрохладней, но впустую.

Она не замечала ни восхода луны, ни дневной охоты филина на голубую сойку. Свист крыльев черных дроздов манил ее на болото, но Киа не шла. Сердце сжималось от криков чаек над пляжем, от их жалобного призыва. Но впервые за всю жизнь Киа не откликнулась на их зов. Она надеялась, что жалость к ним вытеснит из сердца ту, другую боль. Но напрасно.

Ко всему безучастная, терялась она в догадках, чем же оттолкнула от себя близких, почему все ее бросили. Ма. Сестры. Все родные. Джоди. А теперь Тейт. Самые горькие дни в ее жизни (точных дат она не знала) – когда уходили по тропинке прочь от дома ее родные. Белая косынка в гуще листвы. Груда носков на матрасе.

Где Тейт – там для нее и жизнь, и любовь. А теперь он исчез.

– Почему, Тейт, ну почему? – бормотала она в подушку. – Ты же был не такой! Должен был остаться! Говорил, что любишь меня, но нет на свете никакой любви. Ни на кого в целом мире нельзя положиться.

Она поклялась больше никогда никого не любить, никому не доверять.

До сих пор у нее хватало сил и духу выбраться из любой трясины, сделать шаг вперед, какой бы зыбкой ни была почва. Ну и куда привела ее выдержка? Она то проваливалась в беспокойный сон, то пробуждалась.

Вдруг солнце – яркое, разбухшее, злое – обожгло ей лицо. Впервые в жизни она проспала до полудня. За окном что-то прошелестело, и, приподнявшись на локте, она увидела: ястреб Купера, размером с ворона, заглядывает на веранду сквозь проволочную сетку. Впервые за эти дни в ней шевельнулось любопытство. Она встала, и в тот же миг ястреб взлетел.

Киа приготовила болтанку из кукурузной крупы на кипятке, вышла на берег покормить чаек. Те закружились вокруг нее вихрем, и Киа, встав на колени, принялась кидать корм на песок. Чайки облепили ее, щекоча ей руки и колени, и Киа, задрвав голову, улыбалась, по щекам катились слезы.

* * *

Целый месяц Киа не удалялась от дома – не ходила на болото, не плавала к Скоку за продуктами и бензином. Перебивалась сушеной рыбой, мидиями, устрицами, кукурузной кашей и зеленью.

Когда опустели все полки, Киа выбралась наконец к Скоку пополнить запасы, но болтать с ним, как обычно, не стала. Сделала дело – и уплыла, Скок стоял на причале, растерянно глядя ей вслед. Не привязывайся к людям – или будешь страдать.

Прошло несколько дней, и снова прилетел ястреб Купера, уставился на нее сквозь сетку. Странно, удивилась Киа, косясь на него.

– Привет, Куп!

Ястреб подпрыгнул, взмахнул крыльями и, описав дугу, взмыл ввысь. Любуясь им, Киа решила наконец, что пора проведать болото. Отправилась к лагуне, отвязала лодку и заскользила протоками и ручьями, высматривая птичьи гнезда, перья, раковины – впервые с тех пор, как Тейт ее покинул. И все равно мысли о нем так и лезли в голову. Должно быть, в Чапел-Хилл его увлекли красотки и умные разговоры. Киа не представляла, как выглядят студентки, но куда до них патлатой босоногой девчонке с мидиями!

К концу августа Киа зажила по-прежнему – ходила на лодке, рисовала, искала трофеи. Шли месяцы. Поездки к Скоку она откладывала до последнего и разговаривала с ним скупно, по делу.

Коллекция пополнялась, методично классифицировалась по отрядам, родам и видам, по возрасту согласно состоянию костей, по длине перьев вплоть до миллиметра, по тончайшим оттенкам зелени. И возник чудный сплав науки и искусства, бравших друг у

друга лучшее – краски, свет, разнообразие, саму жизнь; крупницы знаний и красоты сливались воедино, превращая хижину в шедевр. Здесь ее мир. Все это – ее спутники с рождения, а она – плодоносящее дерево, хранительница чудес.

Коллекция росла, но вместе с нею росло и одиночество Киа. Сердце превратилось в сгусток боли, и никому, ничему не под силу эту боль облегчить – ни чайкам, ни роскошному закату, ни редчайшим из раковин.

Месяцы слились в год.

Такого одиночества ей было не вынести. Она стосковалась по живой душе рядом, по человеческому голосу, теплу, но еще сильнее была потребность защититься.

Месяц за месяцем прошел еще год. Потом другой.

Часть II

Трясина

22

Снова прилив

1965

Киа – девятнадцать лет, длинные ноги, огромные глаза – сидела на пляже Пойнт-Бич, глядя, как пятятся крабы, зарываются во влажный песок. Услышав с южной стороны голоса, она мгновенно вскочила. К ней приближалась, подбрасывая мяч, та самая компания, давно знакомая ей издали, – теперь им уже по двадцать с небольшим. В страхе, что ее увидят, Киа устремилась к деревьям, поднимая клубы песка, и притаилась за толстым стволом дуба, сознавая, что выглядит по меньшей мере странно.

Опять та же история, думала Киа, они смеются, а я прячусь в норку, как песчаный краб. Дитя природы стыдится собственных повадок.

Белобрысая-долговязая, Конопатая-с-хвостиком, Вечно-в-жемчугах и Пухлая-щекастая резвились, хохотали, шагали в обнимку. В свои редкие вылазки в город Киа не раз слышала их насмешки: “Болотная Девчонка донашивает обноски черномазых, меняет мидий на кукурузную крупу, чтоб с голоду не подохнуть”.

Надо отдать им должное, их дружба за эти годы не разрушилась. Достоинство уважения. Смеются, дурачатся, но, как говорит Мейбл, друг за дружку горой. “Без подруг, деточка, нельзя, подружки – это навсегда. И никаких клятв тут не нужно. Нет в мире места теплей и надежней стайки подруг”.

Хохоча, они брызгались водой, и, наблюдая за ними, невольно рассмеялась и Киа. С визгом девушки бросились в набежавшую волну, а выйдя на берег, снова обнялись, и улыбка слиняла с лица Киа.

Их смех подчеркивал тишину, в которой она жила. Их сплоченность оттеняла ее одиночество, но о том, чтобы выйти из-за дерева, не могло быть и речи, ведь для них она голь болотная.

Киа невольно залюбовалась самым рослым из ребят. В шортах защитного цвета, без рубашки, он чеканил мяч. Киа смотрела, как играют мускулы под его загорелой кожей. Она знала его имя, Чез Эндриус, и с тех пор, как он чуть не сбил ее на велосипеде, она не раз видела его с друзьями – то на пляже, то в кафе за молочными коктейлями, то на заправке у Скока.

Когда они поравнялись с ней, Киа уже смотрела только на него. Если кто-то подавал мяч, он бросался за ним, взметая босыми ногами раскаленный песок, так он и оказался совсем рядом с дубом. Занеся руку с мячом, он вдруг оглянулся и встретился глазами с Киа. Подав мяч, снова повернул голову, задержал на Киа взгляд. Волосы у него были черные, как у нее, а глаза светло-голубые, лицо чеканное, очень красивое. По губам скользнула легкая улыбка, он отвернулся и направился к друзьям – уверенный шаг, развернутые плечи.

Но он ее видел. Глядел ей в глаза. Киа бросило в жар, дыхание перехватило.

Компания удалялась вдоль берега, а Киа смотрела на них – точнее, на него. Желание боролось с рассудком. Она следила за Чезом Эндриусом, и к нему ее влекло тело, но не сердце.

Назавтра она вернулась – опять во время прилива, только в другой час, – но пляж был пуст, лишь кулики попискивали да семенили по мелководью крабы.

Киа решила обходить пляж стороной, держаться ближе к болоту, искать птичьи гнезда и перья. Жизнь научила ее гасить любые чувства, не давать им разгореться всерьез.

Но у одиночества свой компас. И на другой день она вернулась на пляж, надеясь увидеть Чеза. И на третий тоже.

* * *

Как-то под вечер, так и не дождавшись Чеза Эндриуса, Киа выходит из хижины, ложится на узкой песчаной косе, омытой волной. Устраивается на мокром песке, раскидывает руки и ноги. Закрыв глаза, перекачивается на бок, к морю поближе. На влажном песке остаются вмятины от ее рук и бедер, поблескивают и тускнеют. Подкатившись к самой кромке воды, она чувствует кожей, как рядом бурлит океан, и внутри возникает вопрос: когда коснется меня волна? Где она меня коснется?

Набегают на песок пенные волны, будто тянутся к ней. Трепеща в ожидании, она дышит всей грудью. И не спеша подбирается к воде. Едва не ткнувшись лицом в песок, приподнимает голову, вдыхает соленый, прогретый солнцем воздух. Я близко, совсем близко. Волна уже здесь. Когда же мы встретимся?

Жар нарастает внутри. Песок под ней влажный, все слышней рокот прибоя. Киа замедляет движение, ждет, когда ее лизнет океан. Скоро, скоро. Она заранее предвкушает.

Так и тянет приоткрыть глаза, посмотреть, долго ли еще. Но Киа терпит, жмурится крепче и сквозь полуприкрытые веки видит лишь кусочек солнца.

Вдруг она ахает – волна подталкивает ее, лижет ноги, омывает спину, затекает под голову, и волосы полощутся в воде чернильными струйками. Киа бросается навстречу волне, несущей осколки раковин, и океан заключает ее в объятия, прижимает к могучей груди. Не одна.

Сев на песок, Киа открывает глаза – вокруг пенится океан, плетет мягкую белую вязь, всегда изменчивую.

* * *

С того дня как Чез встретился с ней взглядом, прошла неделя, Киа успела побывать у Скока дважды, втайне от себя самой надеясь встретить там Чеза. Ее заметили – и упрочилась связь между нею и людьми. И вот она спрашивает Скока: “Как там Мейбл? А внучата ваши дома?” – как в старые добрые дни. Скок заметил в ней перемену, но из деликатности ничего не сказал. “Да, четверо у нас гостят. Верещат на весь дом, сладу с ними нету”.

Но несколько дней спустя, когда Киа поутру причалила к заправке, Скока она не застала. Бурые пеликаны, сидевшие на сваях, будто охраняли причал. Киа улыбнулась, глядя на них.

Чья-то рука опустилась ей на плечо, и Киа вздрогнула.

– Привет!

Она оглянулась – за ее спиной стоял Чез. Улыбка сбежала с ее лица.

– Я Чез Эндрюс. – Глаза его, льдисто-голубые, смотрели в упор. Он бесцеремонно ее разглядывал.

Киа молчала, переминалась с ноги на ногу.

– Я тебя вижу иногда. То тут, то там, на болоте. Тебя как зовут? – Он и не надеялся на ответ, ходили слухи, будто она немая или изъясняется по-звериному. Будь он робкого десятка, просто взял бы и ушел.

– Киа. – Видно, он забыл тот случай с велосипедом, для него она всего лишь Болотная Девчонка, у которой нет имени.

– Киа... редкое имя. Зато красивое. Хочешь, съездим на пикник? В воскресенье, на моем катере?

Киа глядела в сторону, гадая, что стоит за его словами, но так и не поняла, к чему он клонит. Главное, вот случай с кем-то сблизиться.

Наконец она ответила:

– Хорошо.

Он назначил ей встречу в полдень, на дубовом мысу к северу от Пойнт-Бич. А потом вернулся на свой катер, сине-белый, блестящий, и умчался прочь.

Киа оглянулась на звук шагов. К причалу спешил Скок.

– С добрым утром, мисс Киа! Вы уж простите, я тут ящики таскал. Лодку заправить?

Киа кивнула.

На полпути до дома она заглушила мотор и качалась в лодке на волнах, не теряя из виду берег. Подложив под спину старый рюкзак и глядя в небо, она по давней привычке читала вслух стихи. Одно из ее любимых – “Морская лихорадка” Джона Мейсфилда:

Мне нужен только ветренный день, в седых облаках небосклон,
Летающие брызги, и пены клочки, и чайки тревожный стон.[9]

Вспомнились ей и строки другого поэта, менее известного, Аманды Гамильтон, – ее стихи она прочла в местной газете, купленной в “Пигли-Вигли”:

Неизреченная любовь –
Как зверь в неволе,
Вгрызается в свою же плоть.
Любовь должна парить,
Где хочет приземляться,
Дышать...

Эти строки напомнили ей о Тейте, и она задохнулась от обиды. Присмотрел кого-то получше – и только его и видели. Даже попрощаться не пришел.

* * *

Киа не знала, что Тейт приходил ее повидать.

За день до его отъезда домой на Четвертое июля доктор Блум, профессор, предложивший ему работу, зашел в лабораторию протозоологии и пригласил его на выходные в экспедицию с группой известных орнитологов.

– Вижу, вы интересуетесь орнитологией, вот и спрашиваю, хотели бы вы поехать? Я могу взять только одного студента и подумал о вас.

– Да, конечно, я поеду.

Оставшись один среди лабораторных столов и микроскопов, Тейт думал под гул автоклава, почему сразу уступил, почему так старался произвести на профессора впечатление. Из гордости, что его заметили, выбрали из всех студентов?

Новая возможность съездить домой, всего на одну ночь, представилась лишь через пятнадцать дней. Он рвался извиниться перед Киа, но когда она узнает о приглашении доктора Блума, то все поймет.

Он сбавил газ и свернул в протоку, где на бревнах, поблескивая панцирями, грелись на солнце черепахи. Почти на полпути он заметил ее лодку, спрятанную в зарослях высокой спартины. Тейт замедлил ход и впереди, на широкой песчаной косе, увидел Киа – стоя на коленях, она завороченно следила за маленьким крабом.

Припав к земле, она не видела Тейта, не слышала гула мотора. Бесшумно направил он лодку в тростники, подальше от ее глаз. Он давно знал, что Киа подглядывает иногда за ним, – теперь и он будет подглядывать.

Босая, в обрезанных джинсах и белой футболке, Киа выпрямилась, потянулась, выставив обнаженную полоску живота. Затем снова опустилась на колени, зачерпнула пригоршню песка, пропустила сквозь пальцы и засмотрелась на живность, что осталась в ладони. Тейт улыбнулся: юный биолог – сосредоточилась, забыв обо всем! Он представил Киа в экспедиции, среди ученых, – наверняка держалась бы особняком, зато первой замечала бы и определяла птиц. Робко, вполголоса перечислила бы все виды растений, из которых сплетено каждое гнездо, определила бы по цвету концевых перьев, сколько дней самочке-слетку. Жемчужины, которых не встретишь ни в одном справочнике, неизвестные даже маститым экологам. Мелочи, что составляют основу жизни. Самое главное.

Тейт вздрогнул от неожиданности – Киа вскочила, подняв облако песка, и устремила взгляд вверх по течению. Тейт расслышал едва различимый гул подвесного мотора – должно быть, рыбак или болотный житель направляется в город. Знакомый мирный звук, будто голуби воркуют. Но Киа схватила рюкзак, в несколько прыжков пересекла песчаную косу и забилась в высокую траву, опустилась на корточки. Поглядывая, не видать ли лодки, заковыляла к своей моторке по-утиному, задирая колени чуть ли не к подбородку. Когда она поравнялась с Тейтом, он увидел ее глаза, дикие, безумные. Добравшись до своей лодки, Киа притаилась у борта, пригнув голову.

Рыбак – добродушного вида старик в шляпе – проплыл мимо и, не заметив ни Киа, ни Тейта, скрылся за поворотом. Но Киа все прислушивалась, не шевелясь, пока не стих рокот мотора, и только потом выпрямилась, вытерла лоб. И долго еще глядела в том направлении, где скрылась лодка, – так лань вглядывается в чашу, где исчезла пантера.

Тейт догадывался, что она живет в страхе, но впервые со времен игры в перья он увидел ее страх воочию. Это было странно, дико, мучительно.

В университете он провел меньше двух месяцев, но уже с головой окунулся в мир, о котором мечтал, – изучает совершенную структуру двойной спирали ДНК, будто взбирается по винтовой лестнице, виток за витком, под сияющие своды собора. Теперь он понимал, что жизнь держится на тончайшем замысловатом коде, впечатанном в хрупкие органические элементы, – среде достаточно лишь чуточку измениться, стать немного теплее или холоднее, и они погибнут. Он вплотную приблизился к миру великих вопросов, его окружают люди, жаждущие, как и он, найти ответы, он на пути к осуществлению мечты – стать биологом, основать свою лабораторию, работать с другими учеными.

Дух Киа вполне мог бы обрести себя в этой среде, но сама она – нет. Стоя в зарослях спартины, Тейт размышлял над выбором: Киа или остальной мир.

– Киа, Киа, не могу, я просто не могу, – прошептал он. – Прости.

Когда Киа скрылась, он сел в лодку и повернул назад, в открытое море, кляня себя за

трусость: он даже не попрощался.

23

Ракушка

1965

Вечером после встречи с Чезом Эндрюсом на причале у Скока Киа сидела за кухонным столом, при уютном мерцании керосинки. С недавних пор она вновь начала стряпать и на этот раз ужинала печеньем на кислом молоке, репой и фасолью пинто, а за едой читала, но с каждой строкой все глубже погружалась в мысли о завтрашнем пикнике с Чезом.

Киа встала из-за стола и вышла в ночь, под бледный свет убывающей луны. Болотный воздух, мягкий и шелковистый, ласкал голые плечи. Лунный свет причудливо пробивался сквозь ветви сосен, и тени ложились на землю правильным узором. Киа двигалась словно во сне; из воды вынырнула яркая луна, она поднималась все выше и выше, будто взбиралась по ветвям дубов. Илистый берег лагуны заливало сияние, лес мерцал тысячами светлячков. Киа в белом струящемся платье с чужого плеча вальсировала под стрекот кузнечиков и леопардовых лягушек. Ладони ее скользили вдоль шеи, ласкали тело, спустились к бедрам. Она видела Чеза Эндрюса. Представляла, что это он касается ее. Грудь ее вздымалась. Никто еще не смотрел на нее так, как он. Даже Тейт.

Киа танцевала, а вокруг, над посеребренным луною илом, кружились поденки, трепеща бледными крыльями.

* * *

Утром, обогнув полуостров, Киа увидела катер Чеза у самого берега. В горле у нее тотчас пересохло – вот он, живой, настоящий, ждет ее. Она причалила, вытащила лодку на берег, днище прошуршало по песку.

Чез подплыл к ней:

– Привет!

Киа оглянулась через плечо, кивнула. Чез выпрыгнул на берег, подал ей руку – длинные загорелые пальцы, раскрытая ладонь. Киа растерялась: коснуться кого-то значит отдать часть себя, безвозвратно.

И все же она вложила руку в его ладонь. Опираясь на него, шагнула на корму, села на мягкую скамью. День выдался погожий, и Киа в наряде, подсмотренном у других, – в белой блузке и обрезанных джинсах – выглядела в этой лодке вполне уместно. Чез сел рядом, слегка задев ее рукавом.

Лодка повернула в океан. На большой воде качало сильнее, чем в плавнях, и Киа знала: стоит катеру чуть накрениться, и они заденут друг друга плечами. В ожидании прикосновения Киа избегала смотреть на Чеза, но не отодвигалась.

Но вот катер подкинуло на большой волне, и рука Чеза, теплая, мускулистая, встретилась с ее рукой. Отодвинулась, снова встретилась, и так с каждой набегавшей волной. А когда под самым днищем катера взбух гребень, они соприкоснулись и бедрами. Киа перестала дышать.

Они шли вдоль берега на юг, одни в пустынном море, и Чез прибавил скорость. Десять минут спустя показался белый песчаный пляж, растянувшийся на несколько миль, закрытый от остального мира стеною леса. Где-то далеко впереди белоснежным веером вдавался в море мыс Пойнт-Бич.

Чез, кроме “привет”, еще ни слова ей не сказал, молчала и Киа. Он причалил, достал корзину для пикника, пристроил на песке, в тени борта.

– Пройдемся?

– Да.

Они шли вдоль кромки воды, ноги вязли в мокром песке, вода у щиколоток завивалась крохотными воронками.

Чез не пытался взять ее за руку, но их пальцы то и дело встречались. Иногда оба опускались на колени полюбоваться раковинной или причудливо извитой морской травой. Чез был улыбчив, с озорными голубыми глазами, дочерна загорелый, как Киа. Они были красивой парой, оба высокие, статные.

Киа знала, что Чез в университет не пошел, остался работать у отца. В городке он звезда, местная знаменитость. Киа тревожилась: вдруг и она для него очередной пляжный трофей, как ракушка, – повертел в руках да и швырнул на песок? Но продолжала идти с ним рядом как ни в чем не бывало. Хватит с нее любви, ей нужно лишь заполнить пустоту внутри, покончить с одиночеством. Но сердце она никому больше не откроет.

Примерно через полмили Чез с шутливым поклоном предложил сесть на песок. Они устроились, привалившись спинами к коряге, зарыли ноги в белоснежные кристаллики песка.

Чез выудил из кармана губную гармошку.

– Ой, – удивилась Киа, – ты умеешь играть?

Язык во рту ворочался с трудом – она отвыкла говорить.

– Да я не особый мастак. Но если есть слушатель и сидит рядом, на песке возле коряги...

Прикрыв глаза, он заиграл “Шенандо”, пальцы его[10] трепетали, точно билась о стекло птица. Мелодия была нежная, печальная, как воспоминание о далеком доме. Вдруг Чез прекратил играть, подобрал ракушку чуть побольше монеты, кремового цвета, в красно-лиловую крапинку:

– Смотри!

– А-а, это морской гребешок, *Pecten ornatus*, – объяснила Киа. – Мне такие попадались считанные разы. Представителей рода здесь много, но этот вид водится южнее, в наших водах для него слишком холодно.

У Чеза глаза на лоб полезли. Каких только слухов о ней не ходило, но никто не говорил, что Болотная Девчонка, не способная правильно написать даже слово “кот”, знает латинские названия моллюсков и где они обитают, – ну и дела!

– В этом я ни бум-бум, – сказал он, – но смотри, какие у нее завитушки. – Крохотные “крылышки” по бокам раковины изящно закручивались. Чез положил ракушку на ладонь, перевернул. – Вот, держи. Это ты у нас любительница раковин.

– Спасибо. – Киа спрятала ракушку в карман.

Чез сыграл еще пару-тройку песен, закончив исковерканной “Дикси”, а потом они вернулись к лодке и корзине[11] с припасами, устроились на клетчатом пледе и принялись за еду – холодную жареную курицу, соленую ветчину, печенье, картофельный салат, маринованные огурцы с укропом и слоеный торт с толстой карамельной глазурью, все домашнее, завернутое в вощеную бумагу. Чез откупорил бутылку с колой, разлил в картонные стаканчики. Ни разу в жизни Киа не пробовала газировку, она дивилась и роскошному угощению, и аккуратно сложенным полотняным салфеткам, и пластиковой посуде. Были даже крохотные оловянные солонка и перечница. Еду ему, скорее всего, мама собирала, подумала Киа, наверняка не знала, что у него свидание с Болотной Девчонкой.

Они негромко беседовали о морских птицах – о пеликанах, о песочниках, – не касались друг друга, почти не смеялись. Киа указала на пеликанов, летевших неровной цепочкой, Чез кивнул и придвинулся ближе, слегка задев ее плечом. Когда Киа подняла на него взгляд, он взял ее за подбородок и поцеловал. Нежно коснулся шеи, пальцы легко, точно перья, соскользнули к груди. Обнимая и целуя ее все настойчивей, он откинулся на плед, увлек за собой и Киа. И, подмяв ее под себя, коленом раздвинул ей ноги, одним движением задрал блузку. Киа мотнула головой, вывернулась, черные, полуночные глаза яростно сверкнули. Она одернула блузку.

– Тише, тише. Успокойся.

Волосы разметались по песку, лицо разругалось, алые губы приоткрыты – одно слово, красotka. Чез осторожно потянулся к ее лицу, но Киа вскочила, как дикая кошка, выпрямилась.

Она задыхалась. Накануне вечером, вальсируя в лунном свете на берегу лагуны, среди роя поденок, она воображала, будто готова. Думала, что в деталях изучила процесс размножения, насмотревшись на голубей. Никто никогда не говорил с ней о сексе, весь ее опыт сводился к ласкам Тейта. Но подробности она знала из учебников биологии, а спаривающихся животных перевидала столько, сколько большинству из нас за всю жизнь не увидеть, – и они не просто “терлись брюшками”, как говорил Джоди.

Но Чез слишком торопился – пригласил Болотную Девчонку на пикник и тут же на нее набросился. Даже у птиц самцы ухаживают за самками – распускают яркие перья, строят шалашики, исполняют затейливые танцы и серенады. Верно, Чез прихватил отменное угощение, но за жареную курицу ее не купишь, да и “Дикси” на серенаду не тянет. Ей следовало предвидеть, что этим кончится. Самцы млекопитающих обхаживают самок только во время гона.

Молча смотрели они друг на друга, тишину нарушал лишь рокот волн. Чез сел, потянулся к ней, но Киа отдернула руку.

– Прости меня. Не обижайся. – Он встал.

Разумеется, он все это затеял, чтобы заполучить ее, стать у нее первым, но ярость в ее глазах заворожила его. И он снова попытался уболтать ее:

– Да успокойся же, Киа! Говорю же, прости меня. Давай просто забудем. Я отвезу тебя к твоей лодке.

Вместо ответа Киа развернулась и двинулась по песку в сторону леса, покачивая стройными бедрами.

– Ты куда? Пешком отсюда не дойти, это же много миль.

Но Киа уже скрылась за деревьями, она бежала к своей лодке коротким путем – сначала в сторону от моря, потом через полуостров. Места были ей незнакомы, но, следуя за черными дроздами, она нашла дорогу через болото. Пробиралась через торфяники и промоины, преодолевала вброд ручьи, поднимая фонтаны брызг, перелезала через поваленные стволы.

Обессиленная, она остановилась, отдышалась и рухнула на колени, извергая давно забытые ругательства. И пока она сыпала бранными словами, заплакать не получалось. Но от жгучего стыда и острой, болезненной тоски никуда было не деться. Привела ее сюда лишь надежда на близость, на ласку, на чье-то прикосновение. Но Чез не касался, он лапал; эти руки ничего не давали, они норовили заграбастать.

Киа прислушалась, не бежит ли он следом, она не знала, хочет ли, чтобы он пробрался сквозь чащу, обнял ее, молил о прощении. Ее переполняла злость. А потом, измотанная, она встала и поплелась к своей лодке.

24

Пожарная вышка

1965

Киа вышла в море уже за полдень, на горизонте теснились грозовые тучи. С Чезом она не виделась уже десять дней, с самого пикника, но отчетливо помнила, как он обнимал ее, как повалил на песок.

Не заметив поблизости ни одной лодки, Киа взяла курс на бухту к югу от Пойнт-Бич, где встретила однажды диковинных бабочек – белоснежных, наверняка альбиносов. Но, пройдя ярдов сорок, она резко сбавила газ, увидев, как на берегу компания Чеза собирается после пикника – укладывают в лодки корзины, сворачивают пестрые полотенца. Киа схватилась за румпель, готовая развернуться и умчаться, но внезапно, повинаясь порыву, повернула назад, высматривая Чеза. Она и сама понимала, до чего это глупо. Нелепые выходки не помогут заполнить пустоту. Чем готова она поступиться, чтобы покончить с одиночеством?

Вот и он, на том самом месте, где они целовались, – идет к катеру с удочками, а следом Вечно-в-жемчугах несет сумку-холодильник.

Неожиданно Чез обернулся и в упор посмотрел на Киа. Она не отвернулась, хотела выдержать его взгляд. Но, как обычно, возобладала робость, и она отвела глаза, повернула лодку в тенистую бухточку. Решила дожидаться, когда уплывет их маленькая флотилия, а потом выйти на пляж.

Вернувшись через десять минут на большую воду, Киа увидела катер Чеза – в

одиночестве он покачивался на волнах. Ждал.

Ее обожгло желание. Значит, он все еще думает о ней! Да, в тот раз на пикнике он поторопился, но отступил, встретив отпор. Извинился. Может, стоит дать ему шанс.

Он поманил ее, крикнул:

– Привет, Киа!

Она не устремилась к нему, но и прочь не повернула. Он подплыл ближе.

– Киа, прости, я был тогда не прав. Ладно? Хочешь, покажу тебе пожарную вышку?

Киа не ответила, лишь молча двинулась ему навстречу, кляня себя за слабость.

– Вот что, ты, наверное, на вышке не была ни разу, а оттуда все болото как на ладони. Плыви за мной.

Киа прибавила ходу и устремилась за ним, без конца озираясь, нет ли поблизости его друзей.

Чез вел ее на север, мимо Баркли-Коув, – с моря городок выглядел мирным и живописным. Причалили они в бухточке, затерявшейся среди зарослей. Привязали лодки и двинулись по тропе, заросшей восковником и колючим падубом. В этом влажном, изобилующем корнями лесу Киа не была ни разу – он лежал с другой стороны от городка, слишком близко к людям. В кустах журчала вода, напоминая, что земля эта принадлежит морю.

Вскоре они достигли настоящего болота, сгустилась духота, пахло влажной землей. Болото сливалось с сумрачным редколесьем – царство тьмы, тишины и тайны.

Над куполом леса темнела заброшенная пожарная вышка со смотровой площадкой, еще несколько минут – и вот они у основания, сколоченного из грубо обтесанных бревен. Сваи уходили в черную жижу, поперечные балки изъела гниль. Наверх вела лестница, сужаясь с каждым пролетом.

Несколько шагов по грязи – и они возле лестницы. Первым поднимался Чез. Добравшись до пятого пролета, остановились. На западе всюду, куда хватало глаз, раскинулись дубовые леса, а с трех сторон – изумрудная трава, и сквозь нее выются к морю речушки, протоки, рукава, ручьи. Впервые Киа увидела плавни с такой высоты. Будто сложилась мозаика – вот оно, болото, ее лучший друг!

Последняя ступенька, и Чез откинул железную решетку над лестницей, они выбрались на площадку, и он опустил решетку. Киа, прежде чем ступить на решетку, потопала по ней, пробуя на прочность. Чез усмехнулся: “Не бойся, не провалится”. Он подвел Киа к ограждению. Внизу расстилалось болото, вровень с ними парили два краснохвостых сарыча, слышно было, как свистят крылья; птицы забеспокоились, не ждали они в своем воздушном мире никаких юных парочек.

Чез обернулся:

– Спасибо, что пошла со мной, Киа. Спасибо за возможность попросить прощения. Слишком много я себе позволил, больше это не повторится.

Киа молчала. Ей почему-то хотелось его поцеловать, почувствовать, какой он сильный.

Она сунула руку в карман джинсов.

– Ту ракушку, что ты нашел, я надела на шнурок. Не хочешь – не носи.

Накануне вечером она повесила ракушку на шнурок из сыромятной кожи – хотела носить сама, но все-таки надеялась увидеть Чеза и подарить ему при случае. Но даже в самых смелых мечтах не могла она представить, что будет стоять с ним рядом на башне и смотреть на мир с высоты. Выше некуда.

– Спасибо, Киа. – Чез взял подвеску, надел на шею, тронул пальцем ракушку. – Буду носить, куда я денусь.

Он обошелся без избитых фраз – “буду носить всю жизнь” и тому подобной ерунды.

– Покажи мне свой дом, – попросил Чез.

Киа представила кривоугольную хижину в тени дубов, серый дощатый пол в кровавых разводах ржавчины, дырявую москитную сетку. Не дом, а заплатка на заплате.

– Это далеко, – только и смогла она сказать.

– Киа, мне все равно, далеко или нет и как там, внутри. Ну же, пойдем.

Если она сейчас ответит “нет”, то снова останется одна.

– Ладно.

Они спустились с вышки, вернулись к заливу, и Чез сделал ей знак: вперед. Киа двинулась в своей лодке на юг, к лабиринту ручьев, свернула в родную протоку, где зеленые ветви нависали над самой водой, пригнулась пониже. Катер Чеза, синий с белым, неуместно яркий, с трудом протиснулся в заросшую протоку, ветки скребли о борта.

Когда впереди блеснула лагуна, в темном зеркале воды отразилась каждая замшелая ветка, каждый изумрудный листок. Взлетали стрекозы и снежные цапли, спугнутые незнакомой лодкой, и бесшумно, грациозно садились чуть поодаль. Когда Чез достиг берега, Киа уже привязывала лодку. В нескольких шагах от нее застыла голубая цапля, давно привыкшая к человеку.

На веревке сушилась одежда – линялые комбинезоны, футболки, а репа так разрослась, что и не разберешь, где кончается огород и начинается лес.

Оглядев веранду с залатанной москитной сеткой, Чез спросил:

– И давно ты здесь живешь одна?

– Не помню точно, когда ушел Па. Наверно, лет десять уже.

– Вот классно! Сама себе хозяйка, без родителей, никто над душой не стоит!

Киа в ответ лишь сказала:

– Внутри смотреть не на что.

Но Чез уже взбежал на крыльцо по дощатым ступенькам. И первое, что он увидел за сетчатой дверью, были ее коллекции на грубо сколоченных полках – разноцветье трепетной жизни.

– Это ты все сама? – спросил Чез.

– Да.

Он мельком взглянул на бабочек и тут же утратил интерес. Подумал: для чего тащить это в дом, если их тут, за дверью, полно?

Убогий матрас на веранде был застелен покрывалом, потертым, как старый халат, зато без единой складки. Чез за пару шагов пересек крохотную гостиную с продавленным диваном, заглянул в дальнюю спальню, увешанную перьями всех форм, размеров и оттенков.

Киа поманила его на кухню, ломая голову, чем бы его угостить. Ни кока-колы, ни чая со льдом, ни сладостей у нее, ясное дело, не водится, даже печенья вчерашнего не заваялось. На дровяной плите остатки кукурузного хлеба, а рядом – горшок лущеной фасоли, что она собиралась сварить на ужин. Ни крошки для гостя.

Киа по привычке подбросила в печь пару поленьев, поворошила кочергой, и дрова тут же занялись.

– Вот так, – сказала она, стоя к Чезу спиной, и, подергав ручку насоса, налила воды в щербатый чайник – картинка из двадцатых годов, а на дворе шестидесятые! Ни водопровода, ни электричества, ни туалета. В углу кухни – жестяная ванна с погнутыми ржавыми краями, в одиноком шкафчике – остатки еды, прикрытые посудным полотенцем, дверца холодильника подперта мухобойкой. Чез в жизни не видел ничего подобного.

Он дернул ручку насоса, посмотрел, как льется вода в эмалированный тазик, служивший раковиной, потрогал аккуратную поленицу возле печки. Никакого электричества, только закопченные керосинки.

Чез был у нее первым гостем после Тейта, но тот вписывался в здешнюю обстановку естественно, как болотный зверь, и ничему не удивлялся. А с Чезом она вся на виду, будто выпотрошенная рыба. Киа готова была провалиться со стыда. Стоя к Чезу спиной, она по скрипу половиц понимала, где он. Он подкрался сзади, осторожно развернул ее к себе, приобнял. Поцеловал в волосы, уткнулся губами в ухо.

– Киа, никто из моих знакомых ребят не выжил бы вот так, в одиночку. Любой на твоём месте, даже парень, со страху бы помер!

Киа ждала: сейчас он меня поцелует, но Чез опустил руки, отошел к столу.

– Чего ты от меня хочешь? – спросила она. – Скажи честно.

– Вот что, врать я тебе не стану. Ты красивая и вольная как ветер. В тот раз я хотел стать тебе как можно ближе – ну а кто бы не хотел? Но так нельзя. Я был не прав. Я просто хочу быть рядом, понимаешь? Узнать тебя как следует.

– А дальше что?

– Там поглядим. Я тебя не трону, если сама не захочешь. Согласна?

– Да.

– Ты говорила, у тебя тут свой пляж. Покажешь?

Киа нарезала остатки кукурузного хлеба для чаек и повела Чеза по тропе к морю, на ярко-белый песок. Негромко кликнула птиц, и чайки тут же слетелись, закружили над головой. Самый крупный самец, Рыжик, приземлился с ней рядом, прошелся по ее ногам.

Чез, стоя в стороне, смотрел на Киа в вихре птиц. Поначалу он и не думал влюбляться в эту босую дикарку, но сейчас, глядя, как она кружит по песку, а птицы готовы опуститься ей на руки, он был заворожен ее свободой и красотой. Подобных ей он

прежде не встречал, его снедали жгучий интерес и желание. Когда она подошла к нему, он спросил, можно ли прийти завтра, сказал, что пальцем ее не тронет, даже за руку не возьмет, просто хочет быть рядом. Киа молча кивнула. Впервые после того, как исчез Тейт, в ней затеплилась надежда.

25

Визит Патти Лав

1969

В дверь кабинета шерифа негромко постучали. Джо и Эд подняли головы – сквозь матовое стекло виднелся смутный силуэт Патти Лав Эндрюс, матери Чеза, в траурном платье и шляпке. Даже сквозь стекло ее ни с кем было не спутать: каштановые с проседью волосы уложены в элегантный узел, помада неяркая, как подобает случаю.

Оба встали, Эд открыл дверь.

– Здравствуйте, Патти Лав. Проходите, присаживайтесь. Кофе будете?

Патти Лав глянула на кружки с жирными следами губ на ободках.

– Нет, спасибо, Эд. – Джо пододвинул ей стул, и она села. – Есть зацепки? Что-нибудь новое, не считая экспертизы?

– Нет. Ничего нового. Мы все изучаем вдоль и поперек, и если будут новости, вам с Сэмом сообщим в первую очередь.

– Но это не несчастный случай, Эд. Правда? Несчастливым случаем тут и не пахнет. Чез ни за что не сорвался бы с вышки. Вы же знаете, он был спортсмен. И с головой на плечах.

– Мы согласны, здесь что-то нечисто. Но следствие идет, и пока ничего определенного. Вы говорили, вам есть что рассказать?

– Да, и считаю это важным. – Патти Лав перевела взгляд с Эда на Джо, снова на Эда. – Была у Чеза подвеска с ракушкой, он ее носил не снимая. Много лет. Была она на нем и в ту ночь, когда он ходил на вышку, могу подтвердить. Помните, я говорила, он в тот вечер ужинал у нас – Перл не смогла прийти, играла в бридж, – а от нас он сразу пошел на вышку, и когда уходил, то подвеска была на нем. А потом... ну, когда мы его видели в клинике, ее не было. Я решила, что ее снял коронер, и не стала ничего говорить, а потом, с похоронами и всем прочим, у меня вылетело из головы. А на другой день я ездила в Си-Окс и спросила коронера, можно ли взглянуть на вещи Чеза. Их забрали на экспертизу, но мне хотелось их в руках подержать, ведь он их носил в ту, последнюю ночь. И меня усадили за стол, разрешили их перебрать, и знаете что, шериф, той подвески с ракушкой там не оказалось. Я спросила коронера – нет, не снимал. Сказал, что никакой подвески не видел.

– Весьма любопытно, – заметил Эд. – На что была надета ракушка? Может, подвеска слетела, когда он падал?

– Одна-единственная ракушка, на шнурке из сыромятной кожи, совсем коротеньком,

голова еле-еле проходит. Завязан шнурок был на узел и слететь точно не мог.

– Согласен, сыромятные шнурки прочные, и узел просто так не развяжешь, – подтвердил Эд. – А почему он с ней не расставался? Это подарок важного для него человека?

Патти Лав сидела молча, глядя куда-то на угол стола. Она боялась лишних вопросов и ни за что бы не призналась, что ее сын водился с рванью болотной. Конечно, в городке ходили слухи, что Чез и Болотная Девчонка встречались больше года, еще до его женитьбы. А может, и после, подозревала Патти Лав, но в ответ на расспросы друзей всегда отмалчивалась. Но сейчас другое дело. Придется говорить начистоту, ведь эта девка наверняка тут замешана.

– Да, я знаю, кто сделал для Чеза подвеску. Та девица, что вечно плавает в своей посудине. Это она сделала и подарила ему, когда они встречались.

– Вы про Болотную Девчонку? – спросил шериф.

Подал голос и Джо:

– А вы давно ее видели? Никакая она уже не девчонка – ей, пожалуй, за двадцать, и красotka, глаз не отвести!

– Эта, как ее, Кларк? Я на всякий случай, уточнить. – Эд нахмурился.

Патти Лав ответила:

– Как зовут ее, не знаю. Не знаю даже, есть ли у нее имя. Все ее называют Болотной Девчонкой. Знаете, она много лет продавала Скоку мидии.

– Верно, она самая. Дальше.

– Я была в ужасе, когда узнала от коронера, что подвески на Чезе не было. А потом меня осенило: подвеска эта, кроме нее, никому не нужна. Чез ведь ее бросил и женился на Перл. Ей он не достался – так, может, она его и убила, а подвеску забрала.

Патти Лав вздрогнула, перевела дыхание.

– Ясно. Да, это очень важно, Патти Лав, и надо разобраться. Но вперед забегать не стоит, – сказал Эд. – Вы уверены, что это ее подарок?

– Да, уверена. Чез долго не хотел мне говорить, но в конце концов рассказал.

– Что-нибудь еще вам известно о подвеске или об их отношениях?

– Почти ничего. Даже не знаю точно, сколько они встречались. Да и никто, наверно, не знает. Он это скрывал. Я же говорила, месяцами от меня таился. А после того как рассказал, я всякий раз гадала, с кем он на катере выходит – с друзьями или с ней.

– Да, разберемся, обещаю.

– Спасибо. Наверняка это зацепка.

Патти Лав собралась уходить, Эд вскочил, распахнул перед нею дверь.

– Если вам нужно поговорить, Патти Лав, приходите когда угодно.

– До свидания!

* * *

Закрыв за ней дверь, Эд вернулся за стол, и Джо спросил:

– Ну, что скажешь?

– Если подвеску с Чеза сняли на вышке, тогда хотя бы вырисовывается круг подозреваемых, наверняка кто-то с болота тут замешан. У них там свои законы. Только не знаю, хватило бы у девушки сил столкнуть такого здоровяка, как Чез, в эту дыру.

– Может, она его заманила на вышку, заранее открыла решетку да и столкнула его в темноте, а он даже не увидел, что решетка распахнута, – предположил Джо.

– Возможно. Неочевидно, но возможно. Несерьезная какая-то улика. Подвеска, которой нет.

– Пока что это единственная наша зацепка. Не считая следов, которых нет, и непонятных красных волокон.

– Да.

– Одного не пойму, – недоумевал Джо, – зачем ей подвеску снимать. Даже если он ее обманул и она решила его убить. Допустим, это мотив, хоть и притянутый за уши, – так зачем же снимать подвеску, ведь это ее сразу выдаст с головой?

– Знаешь ведь, как это бывает. Во всяком деле об убийстве что-нибудь да не сходится. Преступники ошибаются. Может, ее взбесило, что он до сих пор носит подвеску, и после убийства она взяла ее да и сдернула. Не подумав, что подвеска связывает ее с убийством. Ты же сам рассказывал, что у Чеза были на болоте какие-то дела. Может, ты и прав, только не наркотики, а женщина. Эта женщина.

Джо заметил:

– Все одно, наркотик.

– А болотный люд следы замечать умеет, они же охотники – и зверя отслеживают, и силки ставят, и капканы, и прочее. Что ж, вреда не будет, если мы туда съездим, побеседуем с ней. Спросим, где она была той ночью. И про подвеску тоже спросим – припугнем ее чуток.

Джо отозвался:

– Знаешь к ней дорогу?

– По воде – не уверен, а на машине – думаю, доберусь. По той извилистой грунтовке, мимо длинной цепи лагун. Помнится, несколько раз приходилось туда выезжать, к ее отцу. Работенка была не из приятных.

– Когда поедем?

– Чуть свет, чтобы с утра пораньше ее застать. Завтра. Но сначала еще раз наведаемся к вышке, поищем эту подвеску. Вдруг она там и валяется?

– С чего бы ей там валяться? Мы же все обшарили, искали следы, улики, зацепки.

– Все равно надо. Поехали.

Позже, прочесав ил у подножия вышки сначала граблями, потом руками, они заключили, что подвески с раковиной тут нет.

* * *

Бледные лучи рассвета сочилились сквозь пелену облаков, когда Эд и Джо пустились по грунтовке через торфяники к дому Болотной Девчонки, пока та не уплыла. Несколько раз сворачивали не туда – в тупик или к какой-нибудь развалюхе. Из одной хибары раздался вопль: “Шериф!” – и прыснули во все стороны голые люди, попрятались в ежевичнике.

– Долбаные торчки! – прорычал шериф. – Самогонщики, те хоть одетые ходили.

Но вот и поворот к хижине Киа.

– Нам сюда, – сказал Эд.

Неуклюжий пикап свернул на тропу, почти беззвучно подкатил к хижине и остановился футах в пятидесяти от крыльца. Шериф и его помощник бесшумно выбрались из машины. Эд постучал по деревянной раме сетчатой двери:

– Эй! Хозяева дома? – Никто не ответил, и он постучал снова. Выждали минуты две-три. – Обойдем вокруг, посмотрим, здесь ли ее лодка.

– Не надо. Вот, похоже, бревно, к которому она лодку привязывает. Нету ее, теперь ищи-свищи! Черт! – с досадою сказал Джо.

– Да, услышала, как мы подъезжаем. Кролика спящего и того услышит.

В следующий раз выехали затемно, пикап оставили подальше от хижины, а лодку обнаружили привязанной к бревну. Но на стук снова никто не отозвался.

– Здесь она, следит за нами, – прошептал Джо. – А как иначе? Притаилась среди этих чертовых пальм. Где-то рядом, нутром чую. – Он заозирался, шаря глазами по зарослям.

– Нет, так не пойдет. Если отыщем улики, получим ордер. Поехали отсюда.

Поначалу Чез приплывал в лагуну Киа каждый день, закончив работу в “Вестерн Авто”, и они отправлялись в дальние протоки с берегами, поросшими дубняком. В субботу с утра Чез взял Киа на вылазку вдоль океанского побережья, где она никогда не бывала – для ее лодки слишком далекое путешествие. Там, вместо знакомых ей плавней с бесконечными камышами, повсюду, куда ни глянь, поблескивала прозрачная вода, а по берегам стояли пронизанные солнцем кипарисовые рощи. Меж водяных лилий и изумрудных, напоенных светом речных трав замерли белоснежные цапли и аисты. Устроившись, будто в креслах, на огромных корнях кипариса, Киа и Чез уплетали бутерброды с острым плавленым сыром и чипсы и улыбались, глядя, как возле их ног плавно скользят по воде гуси.

Как большинство людей, к болоту Чез относился потребительски – дескать, здесь надо рыбачить, ходить на лодке, а то и вовсе его осушить – и дивился, что Киа знает каждый поворот, каждое дерево, каждую корягу. Он посмеивался, видя, как осторожна Киа – чуть что замедляет ход, бесшумно проплывает мимо оленей, боится спугнуть птицу с гнезда. Равнодушный ко всякой живности и раковинам, он только плечами пожимал, когда Киа что-то зарисовывала в блокноте или подбирала перо для своей коллекции.

– Зачем ты рисуешь траву? – спросил он однажды, когда они сидели на кухне.

– Не траву, а ее цветки.

Чез расхохотался.

– У травы цветов не бывает!

– Еще как бывают! Видишь вот эти лепестки? Совсем крохотные, изящные. Каждый вид цветет по-своему.

– Ну и на что тебе это?

– Я веду записи, чтобы больше узнать о болоте.

– Знать о нем нужно одно: где тут рыбные места, а уж это я тебе расскажу, – ответил Чез.

Киа посмеялась, подыгрывая ему, – это было на нее не похоже. Она предавала себя, чтобы не остаться в одиночестве.

* * *

В тот же день, проводив Чеза, Киа отправилась на болото одна, но одинокой себя не чувствовала. Она разогналась чуть сильнее обычного – длинные волосы развеваются по ветру, на губах легкая улыбка. При мысли, что скоро они снова увидятся, будут вместе, у нее будто крылья за спиной выросли.

И вдруг, огибая островок высокой травы, она увидела Тейта. Он был довольно далеко, ярдах в сорока, и не услышал ее мотора. Киа тут же заглушила мотор и, схватив весло, укрыла лодку в тростнике.

“На каникулы приехал”, – прошептала она. За эти годы Киа видела его несколько раз, но издали. И вот он, тут как тут, непослушные кудри выбились из-под красной кепки, лицо бронзовое от загара.

Тейт в высоких болотных сапогах стоял в лагуне, набирал пробы воды в крохотные склянки. Не в банки из-под варенья, как в детстве, а в пробирки, что позвякивали в специальном ящике. Настоящий ученый, она ему не ровня.

Киа не повернула сразу прочь, какое-то время наблюдала за ним, размышляя о том, что, наверно, ни одна девушка никогда не сможет забыть свою первую любовь. И, протяжно вздохнув, поплыла назад тем же путем.

* * *

На другой день, когда Чез и Киа плыли вдоль берега к северу, за ними увязались дельфины. День был пасмурный, над водой стелился туман, будто щекотал волны. Чез выключил мотор, достал губную гармошку и принялся наигрывать старинную песню “Майкл, к берегу гребь”, щемящую, мелодичную, – в 1860-х ее пели рабы, когда шли на веслах к материку с прибрежных островов Южной Каролины. Эту песню напевала Ма, когда мыла полы, и Киа смутно помнила слова. К катеру, будто привлеченные музыкой, подплыли дельфины, уставились любопытными глазами на Киа. Двое прижались к самому борту, и Киа, наклонившись к ним близко-близко, тихо завела песню:

Майкл, к берегу гребь, аллилуйя!

Ты, братишка, подсобь, аллилуйя!

Мой отец в краях чужих, аллилуйя!

Майкл, к берегу держи, аллилуйя!

Иордан-река без конца и края,

А на том на берегу – матушка моя родная. Аллилуйя!

Иордан-река, вода ледяная,

Тело холодит, душу согревает. Аллилуйя!

Еще несколько мгновений дельфины смотрели на Киа, а потом скрылись под водой.

Шли недели, Чез и Киа валялись вечерами на пляже, нежились на нагретом песке под крики чаек. Чез не брал ее в город, не водил ни в кино, ни на вечера танцев босиком – только они вдвоем, да болото, да небо и море. Чез не пытался ее поцеловать, лишь брал за руку или обнимал за плечи прохладными вечерами. [12]

Однажды он задержался у нее до темноты, и они сидели на пляже под звездами, у костерка, плечо к плечу, под одним одеялом. Пламя выхватывало из мрака их лица, берег позади был погружен в темноту. Заглянув ей в глаза, Чез спросил: “Можно тебя поцеловать?” Киа кивнула, он наклонился и поцеловал ее, сперва осторожно, потом решительно, по-мужски.

Они легли на одеяло, и Киа прижалась к нему, ощутила его сильное тело. Чез крепко обнял ее, притянул к себе за плечи – и все. Больше ничего. Киа вдыхала его запах и запах моря, наслаждаясь такой непривычной близостью.

* * *

Через несколько дней Тейт, аспирант на каникулах, впервые за пять лет направил лодку в протоку Киа. Он и сам не понимал, почему за все это время ни разу ее не навестил. Наверно, из трусости и стыда. Наконец он ее разыщет, скажет, что все эти годы любил ее, попросит прощения.

Все четыре года учебы он уверял себя, что Киа не впишется в ученый мир, куда он стремился попасть, и до последнего курса старался ее забыть. Тем более в Чапел-Хилл было на кого посмотреть. Случилось у него и несколько серьезных романов, но никто не мог сравниться с Киа. Теперь он знал о ДНК, изотопах и простейших, но знал и еще кое-что: без нее ему не дышится. Да, Киа не прижилась бы в научном мире, о котором он мечтал, зато теперь он сможет вернуться в ее мир.

Он уже все продумал. Научный руководитель пообещал, что аспирантуру Тейт закончит всего за три года, ведь диссертация у него почти готова – весь выпускной курс он над ней работал. Вдобавок Тейт недавно узнал, что близ Си-Окс открывается научно-исследовательская лаборатория и у него есть возможность устроиться туда. Он самый подходящий кандидат: здешним болотам он посвятил и жизнь, и будущую диссертацию. Всего через несколько лет он поселится здесь, на болоте, с Киа, станет работать в лаборатории. Женится на Киа. Если она его простит.

Когда, подпрыгивая на волнах, лодка свернула в протоку, впереди показалась моторка Киа – она неслась на юг, ему наперерез. Выпустив румпель, Тейт поднял руки, замахал что есть силы, чтобы она его заметила. Стал звать ее по имени. Но взгляд ее был устремлен на восток. Тейт обернулся в ту сторону: прямо навстречу Киа вырулил катер на гидрولыжах – катер Чеза. Тейт заглушил мотор, отдал назад и стал смотреть, как Киа и Чез кружат, будто пара орлов, в сизых волнах, а за ними вьются хвосты белой пены.

Тейт видел, как они над волнами протянули друг другу руки. Через друзей детства из Баркли-Коув до него доходили слухи, но принимать их на веру он не спешил. Конечно, в Чеза трудно не влюбиться – и сам красавец, и ухаживает красиво: катает на своем катере, возит на пикники. А Киа ничего не знает о его жизни в городе – о том, что он ухлестывает за друзьями, и в Баркли, и даже в Си-Окс. “В конце концов, – думал Тейт, – кто я такой, чтобы ей говорить? Я нарушил слово, у меня даже духу не хватило расстаться с ней по-человечески”.

Тейт поник, глянул еще раз в их сторону – и увидел, как Чез, наклонившись, целует ее. Киа, Киа, сокрушался он, как я мог тебя бросить? Чуть выждав, Тейт завел мотор и повернул назад, к городской пристани, чтобы помочь отцу выгрузить улов.

* * *

Спустя несколько дней, не зная точно, когда ждать Чеза, Киа прислушивалась, не шумит ли вдалеке его мотор. Точно так же, как давным-давно, когда ждала Тейта. Что бы она ни делала – полола ли грядки, колола дрова или собирала мидий, – она то и дело настораживалась, склонив набок голову. “Ушки на макушке”, – говорил когда-то Джоди.

Вконец устав ждать, она уложила в рюкзак запас холодного мяса, сардин и печенья на три дня и пошла к покосившейся бревенчатой лачуге, которую по-прежнему называла читальней. Там, в сердце зарослей, можно бродить сколько хочешь, собирать для коллекции, читать, разглядывать следы. И не надо ждать, прислушиваться. Там она чувствовала себя сильной.

Совсем недалеко от читальни, в дубняке за поворотом, Киа нашла крохотное перышко с горла краснозобой гагары и засмеялась от радости. Сколько себя помнила, мечтала она найти такое – и вот оно!

В основном она приходила сюда читать. Когда Тейт ее бросил, ей негде стало брать книги, и однажды утром она, миновав Пойнт-Бич, проплыла еще десяток миль до Си-Окс, городка чуть побольше Баркли-Коув и намного шикарней. Скок говорил, там в библиотеке можно брать книги. К болотным жителям это вряд ли относится, рассудила Киа, но все-таки стоит попытаться.

Привязав лодку на городской пристани, Киа пересекла обсаженную деревьями площадь с видом на море. И никто не глазел на нее по дороге в библиотеку, не шептался за спиной, не гнал от витрины с книгами. Здесь она не Болотная Девчонка.

Киа протянула миссис Хайнс, библиотекарьше, список вузовских учебников.

– Мне, пожалуйста, “Основы органической химии” Гейсмана, “Зоологию беспозвоночных прибрежных болот” Джонса и “Основы экологии” Одум. – Эти названия она видела в списке литературы в одной из последних книг, что принес ей Тейт перед отъездом.

– Боже мой... Поняла. Придется заказать по межбиблиотечному абонементу в Чапел-Хилл, в Университете Северной Каролины.

И вот, сидя на пороге читальни, Киа открыла научный дайджест. Одна статья о стратегиях размножения называлась “Хитрые стрекозлы”. Киа прыснула.

“Как известно, – начиналась статья, – в природе самцы с наиболее выраженными вторичными половыми признаками – самые рогатые, голосистые, широкогрудые, сообразительные – обычно занимают лучшие территории, взяв верх над более слабыми конкурентами. Самки выбирают для размножения внушительных альфа-самцов и передают лучшие гены потомству – таков один из непреложных законов жизни и адаптации. Вдобавок самкам достаются и лучшие территории для потомства.

Однако некоторые самцы-заморыши – послабее, поневзрачней, поглупее – имеют в запасе целый арсенал приемов, чтобы обмануть самок. Эти замухрышки принимают живописные позы, чаще других кричат, пусть даже писклявыми голосками. С помощью притворства и ложных сигналов им удается хоть иногда спариться. Мелкие самцы лягушки-быка прячутся в траве поблизости от альфа-самца, когда тот громко квакает, призывая самок. Если тому удастся своими вокальными данными привлечь сразу нескольких, то пока он занят одной, самец послабее, улучив миг, спаривается с другой. Этих непрошенных гостей автор и называет «хитрыми стрекозлами»”.

Киа вспомнила, как много лет назад Ма учила старших сестер: если парень гоняет на ржавом драндулете или включает в машине радио на всю катушку, это дурной знак. “Шуму от таких много, а проку мало”, – предостерегала Ма.

Вывод статьи оказался утешителен для самок. Природа устроена справедливо, и самцы,

которые посылают ложные сигналы или кочуют от самки к самке, в итоге почти всегда остаются в одиночестве.

В другой статье говорилось о жестоком соперничестве самцов. У большинства видов самцы сражаются за право оплодотворить самок. Львы-самцы нередко бьются насмерть; слоны дерутся, сцепившись бивнями, вытаптывая почву, разрывая друг друга в клочья. При том что их бои ритуализованы до предела, все равно они могут закончиться увечьем.

Чтобы не пострадать, самцы некоторых видов соревнуются менее кровавыми, более творческими методами. Изобретательнее всех насекомые. У некоторых видов стрекоз половой орган самца снабжен лопаточкой, чтобы перед спариванием вычерпать из половых путей самки сперму соперника.

Киа уронила журнал на колени, унеслась мыслями ввысь, под облака. Самки некоторых насекомых поедают самцов; самки млекопитающих при опасности могут бросить детенышей; многие самцы изобретают рискованные или коварные способы обойти соперников. Все средства хороши, лишь бы нить жизни не прерывалась. Киа понимала, что это вовсе не темная сторона природы, просто хитроумные способы выжить любой ценой. А если речь о людях, то у них возможностей еще больше.

* * *

Три дня подряд не застав Киа дома, Чез стал спрашивать заранее, можно ли с ней увидеться в условленный день и час, у нее в хижине или на одном из пляжей, и никогда не опаздывал. Завидев издали его катер – яркий, словно брачный наряд самца, – Киа знала, что приехал он ради нее одной.

Киа размышлялась, как они поедут с его друзьями на пикник и будут бегать по мелководью, смеясь, поднимая тучи брызг. Как он возьмет ее на руки, закружит. А потом они сядут в круг, достанут из сумок-холодильников бутерброды, лимонад. В голове помимо воли возникали семейные картины: замужество, дети. Наверно, сама природа заставляет меня размножаться, заключила она. В конце концов, она не хуже других, тоже может завести семью. Почему бы и нет?

Но спросить, когда же он познакомит ее с родными и друзьями, она все никак не решалась.

Однажды жарким днем, через несколько месяцев после их знакомства, они вышли в открытое море и Чез предложил искупаться. “Смотреть я на тебя не буду, – пообещал он. – Раздевайся и прыгай, а я за тобой”. Киа встала перед ним, с трудом держа равновесие, но когда стянула через голову футболку, он не отвернулся, а протянул руку, пробежал пальцами по ее упругой груди. Она не отстранилась. Он привлек ее к себе, расстегнул молнию на ее шортах и одним движением обнажил стройные бедра. И, сняв рубашку и шорты, бережно уложил Киа на полотенца.

Опустившись возле нее на колени, он плавно провел пальцами вдоль ее ноги, от лодыжки через сгиб колена к внутренней стороне бедра. Киа потянулась за его рукой. Он задержал ладонь на ее бедре, скользнул по животу, легко, едва касаясь. Почувствовав, как его ладонь подбирается к груди, Киа изогнулась, отпрянула. Чез решительно уложил ее на палубу, накрыл ей ладонью грудь, не спеша обвел пальцем вокруг соска. Он не улыбался, рука его скользнула вниз, пальцы ухватили край трусов. Киа прильнула к нему, изнемогая от желания, но спустя миг придержала его руку.

– Не ломайся, Киа, – сказал он. – Прошу тебя. Мы ждали вечность. Я долго терпел, тебе не кажется?

– Чез, ты же обещал.

– К черту, Киа! Чего мы ждем? – Он приподнялся. – Я же доказал, что тобой дорожу. Ну что тебе стоит?

Киа привстала, натянула футболку.

– А дальше что? Откуда мне знать, что ты меня не бросишь?

– А кто знает наверняка? Но, Киа, никуда я от тебя не денусь. Я начинаю тебя любить. Хочу быть с тобой всегда. Как еще тебе доказать?

Он никогда не говорил ей слов любви. Киа пыталась по глазам угадать его мысли, но встретила лишь непонимаемый взгляд. Трудно сказать, любит ли она Чеза, но с ним ей не одиноко, а это уже немало.

– Скоро, ладно?

Он обнял ее.

– Хорошо. Иди ко мне.

И они легли в обнимку, сверху припекало солнце, внизу шуршали волны.

День померк, напозла темнота, на дальнем берегу тут и там замерцали огни городка. Море и звездное небо. Их мир.

Чез спросил:

– Интересно, почему звезды мерцают?

– Из-за возмущения в атмосфере. Ну, вроде атмосферных вихрей.

– Правда?

– Ты ведь знаешь, что большинство звезд слишком от нас далеко, мы их не видим. До нас доходит только их свет, искаженный атмосферой. Но звезды, конечно, на месте не стоят, они движутся с огромной скоростью.

Киа знала из трудов Альберта Эйнштейна, что время так же непостоянно, как и звезды. Время ускоряется и изменяет свой ход вблизи небесных тел, по-разному течет в горах и в долинах и соткано из той же материи, что и пространство, и материя эта волнуется, как море. Объекты – будь то яблоки или планеты – падают или вращаются не из-за гравитации, а из-за пространственно-временных складок, они как рябь на пруду от объектов с большой массой.

Но ничего этого Киа не стала говорить. Увы, гравитация не властна над людскими умами, и в школьных учебниках до сих пор пишут, что яблоки падают на землю из-за силы притяжения.

– Представляешь, – похвалился Чез, – мне предложили тренировать школьную футбольную команду.

Киа улыбнулась.

И подумала: как все объекты во Вселенной, мы притягиваемся к объектам с большей массой.

* * *

Следующим утром, раз в кои-то веки выбравшись в “Пигли-Вигли” за кое-какими мелочами, которых у Скока не купишь, на выходе из бакалейного отдела Киа столкнулась с родителями Чеза – Сэмом и Патти Лав. Они знали, кто она, – да и как не знать?

Киа иногда видела их в городе, в основном издали. Сэм стоял за прилавком “Вестерн Авто” – обслуживал покупателей, считал выручку. Киа вспомнила, как в ее детстве он вечно отгонял ее от витрины, будто она могла распугать серьезных покупателей. Патти Лав работала в магазине полдня, а остальное время наносила визиты и раздавала приглашения – то на ежегодный чемпионат по лоскутному шитью, то на фестиваль “Королева крабов”. Всегда нарядная – в шляпке, на шпильках, с сумочкой, все цвета по последней южной моде. О чем бы ни шел разговор, она успевала вернуть, что Чез – лучший за всю историю города футболист.

Киа робко улыбнулась, посмотрела на Патти Лав – вдруг та заведет с ней разговор? Она же девушка Чеза, почему бы и нет? Но пара обошла ее по дуге. И двинулась своей дорогой.

В тот же вечер Киа и Чез поплыли на ее лодке к гигантскому дубу, корни которого нависали над водой, образуя пещерки для уток и выдр. Вполголоса, чтобы не спугнуть крякв, а отчасти из страха, Киа рассказала Чезу о встрече с его родителями, спросила, когда он ее с ними познакомит.

Чез молчал, и у Киа засосало под ложечкой.

Наконец он ответил:

– Познакомлю, конечно. Скоро, обещаю. – Но в глаза он ей не смотрел.

– Они ведь про меня знают, да? Про нас? – спросила Киа.

– Еще бы!

Лодка, должно быть, подошла к дубу слишком близко – с ветки спорхнул виргинский филин, толстый и мягкий, как пуховая подушка, и поднялся над лагуной, мерно взмахивая крыльями, перья на груди отражали нежные блики, игравшие на воде.

Чез взял Киа за руку, рассеяв все ее сомнения.

Неделю за неделей, под солнцем и под луной, выходили они на болото. И всякий раз в ответ на сопротивление Киа Чез останавливался. Невеселые картины преследовали Киа: олениха или индейка одна с требовательными малышами, а самец где-то далеко, бегаёт за другими самками.

Они валялись полураздетыми в лодке, а дальше дело у них не заходило, что бы там ни болтали про них в городе. Как ни таились Киа и Чез, городишко был маленький, и их видели вместе то на пляжах, то на борту его катера. От ловцов креветок в море не скроешься. И по городу поползли слухи. Пересуды.

На Хог-Маунтин-роуд

1966

На рассвете хижина была погружена в тишину, лишь хлопали крыльями черные дрозды, по земле стелился густой зимний туман, собираясь у стен ватными клочьями. Скопив денег от продажи мидий, Киа накупила всякой всячины, приготовила угощение – ломтики жареной ветчины, соус, печенье на сметане, ежевичное повидло. Чез пил растворимый кофе, а Киа – чай. Уже скоро год, как они были вместе, хоть и избегали разговоров об этом. Чез сказал, как ему повезло, что отец у него хозяин “Вестерн Авто”.

– Поэтому, когда мы с тобой поженимся, хороший дом нам обеспечен. Я для тебя построю двухэтажный домик у моря, с просторной верандой. Какой захочешь, такой и построю, Киа.

У Киа дух занялся: он хочет быть с ней! Не просто намекает, а, считай, предложение делает. Она будет женой, войдет в семью. Киа расправила плечи.

Чез продолжал:

– Думаю, не стоит нам жить в городе, слишком большая это для тебя перемена. Можем построить дом на отшибе, к болоту поближе.

С недавних пор у нее стали появляться смутные мысли о браке, но Киа не давала им ходу. А теперь он сам завел об этом речь. Киа задыхалась, не смея поверить, что такое возможно, и в то же время уже обдумывала, как все сложится. “Я справлюсь, – уверяла она себя. – Если будем жить подальше от людей, то все получится”.

Не поднимая глаз, она спросила:

– А твои родители? Ты им уже рассказал?

– Киа, насчет моих родителей ты пойми главное: они меня любят. Если я им скажу, что выбрал тебя, значит, так тому и быть. Они и тебя полюбят, когда узнают поближе.

Киа закусил губу. Ей очень хотелось верить.

– Для твоих коллекций я построю студию, – продолжал Чез. – С большими окнами, чтобы получше было видно всякие там перья.

Киа не знала, любит ли она Чеза, но в тот миг в сердце всколыхнулось что-то похожее на любовь. Больше не придется собирать мидии.

Киа протянула руку, тронула ракушку у него на шее.

– А кстати, – добавил Чез, – я на днях собираюсь в Эшвилл, за товаром. Вот и думаю: поехали со мной.

Киа отвела взгляд.

– Город большой, народу тьма, а мне надеть нечего, даже не знаю, в чем ехать, и...

– Киа, послушай. Ты же будешь со мной. Я в этом во всем разбираюсь. По шикарным местам мы ходить не будем. Ты по дороге увидишь всю Северную Каролину – и плато Пидмонт, и Грейт-Смоки-Маунтинс, и много чего еще. А когда доберемся, заедем в кафешку для автомобилистов, съедим по бургеру. Можешь ехать в чем придется. Не захочешь ни с кем разговаривать, ну и ладно. Я обо всем позабочусь. Я где только не бывал, даже в Атланте. Эшвилл – дыра дырой. Вот что, раз мы с тобой решили пожениться, пора тебе увидеть мир. Расправить крылья.

Киа кивнула. Что ж, ей всегда хотелось увидеть горы.

Чез продолжал:

– Дел у меня там на два дня, так что ехать придется с ночевкой. Переночуем в недорогой гостинице. В мотеле. Это ничего, мы же взрослые.

– А-а... – только и могла сказать Киа. И прибавила шепотом: – Ясно.

* * *

Киа никогда не путешествовала на автомобиле, и через несколько дней, когда они на Чезовом пикапе выехали из Баркли на запад, она, вцепившись обеими руками в сиденье, во все глаза смотрела в окно. Дорога вилась сквозь пальмовые рощи и заросли меч-травы, а в заднем окне синело море.

Больше часа мелькали за окнами знакомые луга и протоки. Навстречу попадались белые цапли, вспархивали болотные крапивники, и у Киа отлегло от сердца – она будто и вовсе не уезжала из дома, дом следовал за ней.

И вдруг словно по земле пролегла черта: пойменные луга кончились, впереди раскинулась пыльная равнина – перепаханная, разделенная на квадраты, испещренная заборами. Вместо лесов – вырубки с пеньками. До самого горизонта – провода, столбы. Киа, разумеется, знала, что мир не состоит из одних болот, но родной прибрежной низины никогда не покидала. Зачем люди так изуродовали землю? На подстриженных газонах торчали домики-близнецы, смахивающие на обувные коробки. В одном из дворов паслись розовые фламинго, но когда Киа в изумлении обернулась, то поняла, что они пластмассовые. А олени цементные. Даже утки и те нарисованные, на почтовых ящиках.

– Ничего себе, а? – сказал Чез.

– Что?

– Домики. В первый раз такие видишь?

– Да.

Несколько часов спустя, когда выехали на плато Пидмонт, Киа разглядела на горизонте нежно-голубые контуры Аппалачей. Еще немного, и со всех сторон их окружили горные пики, за окном плыли лесистые склоны.

На отрогах гор покоились облака, будто дремали в их объятиях, а потом, клубясь, мчались прочь. Иные скручивались тугими спиралями, стлались вдоль ущелий, точь-в-точь как туман в низинных болотах. Законы физики те же, только пейзажи другие.

Киа выросла на плоской равнине, в краю горизонтов, где солнце садится и луна встает в определенный час. Ну а здесь, в изрезанной местности, когда машина карабкалась вверх по склону, солнце катилось вдоль хребтов – то скроется за горной грядой, то покажется вновь. В горах, заметила Киа, час заката меняется с высотой.

Интересно, где дедушкины земли? – гадала она. Быть может, ее предки когда-то держали свиней в потемневшем от времени хлеву, как вон тот, на лугу у ручья. На этой земле когда-то трудилась, смеялась и плакала ее неведомая родня. Кто-то из них наверняка и сейчас живет здесь – затерянные в полях, безвестные.

Они выехали на четырехполосное шоссе, и всякий раз, когда обгоняли очередную машину, Киа крепче вцеплялась в сиденье. Чез свернул на дорогу, уходящую, будто в сказке, под облака, – она-то и привела их в город. “Клеверная развязка”, – со знанием дела заметил Чез.

На фоне гор высились огромные здания – восьми-, десятиэтажные. Слово песчаные крабы, сновали десятки машин, а народу на тротуарах было видимо-невидимо, и Киа, прижавшись лбом к стеклу, вглядывалась в лица: вдруг и ее родители здесь? Один паренек, чернявый, загорелый, был вылитый Джоди, и Киа засмотрелась на него. Ее брат, конечно, давно уже не мальчик, но Киа глядела мальчишке вслед, пока они не свернули за угол.

Чез снял им номер в мотеле на другом конце города, на Хог-Маунтин-роуд, в коричневом одноэтажном здании с неоновой гирляндой в виде пальм – надо же, и здесь пальмы!

Чез открыл дверь, и Киа вошла в комнату, на вид более-менее чистую, но пропахшую хвойным освежителем и обставленную на манер всех дешевых номеров в Америке: панели под дерево, продавленная кровать с вибромассажером, черно-белый телевизор, прикованный к столу тяжелой цепью с массивным висячим замком. Покрывало на кровати ядовито-зеленое, ковер оранжевый, с грубым ворсом. Киа невольно вспомнились уголки, где они с Чезом лежали в обнимку, – на белоснежном песке во время отлива, в лодке под луной. А здесь кровать – первое, что бросается в глаза, но комната к любви не располагает.

Киа застыла в дверях, прекрасно все понимая.

– Не ахти, – заметил Чез, кидая на стул рюкзак. И шагнул к ней. – Давно пора – так ведь, Киа? Время пришло.

Он, конечно, заранее все продумал, но и Киа была готова. Долгие месяцы тело ее жаждало близости, а после разговора о свадьбе сдался и разум. Она кивнула.

Чез не спеша подошел к ней, расстегнул блузку, а потом и лифчик, бережно развернув ее спиной. Пробежал пальцами по груди. Жаркая волна покатила сверху вниз, к бедрам. Сквозь тонкие занавески мерцали красные и зеленые неоновые огни. Чез уложил Киа на кровать, и она закрыла глаза. До сих пор, когда они останавливались на полпути, его нетерпеливые пальцы казались ей волшебными и она отзывалась на ласки, льнула к нему, томилась. А теперь, добившись наконец согласия, он стал небрежен, думал не о ней, а о себе. Киа вскрикнула от внезапной боли.

– Все хорошо. Теперь станет лучше, – сказал Чез.

Но лучше не стало, и вскоре Чез с улыбкой привалился к ней.

Он уснул, а Киа смотрела на мигающий знак “Свободный номер”.

* * *

Спустя несколько дней, позавтракав в хижине яичницей и кукурузной кашей с ветчиной, Киа и Чез сидели за столом, Киа уютно куталась в одеяло после любви. С той первой ночи в мотеле удовольствия лишь чуточку прибавилось, всякий раз ей чего-то не хватало, но Киа и отдаленно не представляла, как завести об этом речь. Да и не знала она, что должна на самом деле чувствовать. Может, все как надо.

Чез встал из-за стола, взял Киа за подбородок, поцеловал.

– Вот что, в ближайшие дни не смогу у тебя часто бывать – Рождество на носу, кутерьма. Дел по горло, и родню в гости ждем.

Киа подняла на него взгляд:

– А я-то надеялась с тобой... что ты меня хоть на пару вечеринок возьмешь. Или хотя бы домой пригласишь на рождественский ужин.

Чез снова сел.

– Киа, я как раз собирался с тобой поговорить. Хотел тебя позвать на танцы в клуб “Элкс” и не только, но я же тебя знаю, ты стесняешься, даже по городу ходить боишься. Ты же там будешь не в своей тарелке. У тебя там ни одной знакомой души, да и идти тебе не в чем. Небось и танцевать не умеешь? Не для тебя это все, понимаешь?

Киа ответила, уставившись в пол:

– Да, все так и есть. Но вот что, пора мне понемногу вписываться в твою жизнь. Расправить крылья, ты же сам говорил. Надо и приодеться, и с кем-то из друзей твоих познакомиться. – Киа вскинула голову. – И танцевать ты меня научишь.

– Научу, конечно. Но у нас с тобой тут целый мир. Мне нравится, когда мы здесь вдвоем, только ты и я. И, между нами говоря, эти танцульки дурацкие у меня уже в печенках сидят. Из года в год одно и то же. Школьный спортзал. Молодежь, старичье, все вместе. Одна и та же музыка тупая. Хочется новизны. Знаешь ведь, когда мы поженимся, то не будем на эти глупости время тратить, так зачем сейчас тебя втягивать? Не вижу смысла, понимаешь?

Киа снова опустила голову, Чез опять взял ее за подбородок, заглянул в глаза. Улыбнулся.

– А что до рождественского ужина у меня дома – приедут мои древние тетушки из Флориды, будут трещать без умолку. То еще удовольствие. Не пожелаю тебе такого. Поверь мне, ты ничего не теряешь.

Киа молчала.

– Ей-богу, Киа, я не хотел тебя расстроить. О таком счастье, как здесь у нас с тобой, можно только мечтать. А все остальное, – он сделал широкий жест, – ерунда.

Он потянул ее к себе на колени, и Киа приникла к его плечу.

– Вот оно, главное, Киа. А не то, другое. – И он поцеловал ее, тепло и нежно. И встал. – Ладно, мне пора.

Рождество Киа встречала в компании чаек – ничего не изменилось с тех пор, как ушла Ма.

* * *

С Рождества прошло два дня, а Чез все не появлялся. Вопреки решению никогда никого не ждать, Киа мерила шагами берег лагуны; волосы она заплела французской косой, а губы накрашила старой маминой помадой.

Вокруг лежало болото в серо-коричневом зимнем уборе. На мили кругом усталые травы, разбросав по ветру семена, обреченно клонились к воде. Шелестели под порывами ветра сухие стебли. Киа расплела волосы, стерла помаду.

Утром четвертого дня она сидела на кухне, едва притронувшись к яичнице и сухому печенью.

– Говорил, вот оно, главное, – ну и где же он теперь? – шептала она сердито.

Чез сейчас, наверное, гоняет с друзьями в футбол, отплясывает на вечеринках.

– А говорил, устал от этой ерунды.

Наконец послышался рокот мотора. Киа выскочила из-за стола и, хлопнув дверью, понеслась к лагуне. Лодка как раз показалась вдали, только лодка была другая и приплыл в ней не Чез, а светловолосый вихрастый парень; стрижка чуть короче, чем раньше, но все равно кудри выбиваются из-под кепки. Знакомая рыбацья плоскодонка приближалась к берегу, а в ней стоял во весь рост Тейт, уже не мальчик, а мужчина. Черты лица определились, обрели зрелую красоту. В глазах – вопрос, на губах – виноватая улыбка.

Первым побуждением Киа было убежать, но следом в голове пронеслось: “НЕТ! Это моя лагуна, хватит с меня, набегалась. На этот раз с места не сойду”. Рука сама потянулась за камнем, и Киа с двадцати футов запустила его Тейту в лицо. Тейт ловко увернулся, камень просвистел у виска.

– Киа! Какого черта? Уймись, – выдохнул он, но Киа уже подобрала новый камень, замахнулась. Тейт закрыл лицо руками. – Киа, ради бога, прекрати! Прошу тебя. Можем поговорить?

Камень больно ударил его в плечо.

– ВОН ИЗ МОЕЙ ЛАГУНЫ! СВОЛОЧЬ! ВОТ И ПОГОВОРИЛИ! – Киа орала, как базарная торговка, высматривая камень поувесистей.

– Киа, выслушай меня. Знаю, ты теперь с Чезом, и я уважаю твой выбор. Просто хочу с тобой поговорить. Киа, пожалуйста!

– А о чем с тобой разговаривать? Видеть тебя больше не хочу, НИКОГДА! – Киа зачерпнула пригоршню гальки и швырнула ему в лицо.

Тейт метнулся в сторону, нырнул за фальшборт лодки, ткнувшейся в песок.

– ГОВОРЮ, УБИРАЙСЯ! – И, чуть понизив голос, Киа добавила: – Да, я теперь не одна.

Тейт сел на нос лодки так, чтобы ее не качало.

– Киа, прошу, послушай, ты должна кое-что знать о нем.

Тейт не был готов к разговору о Чезе. Совсем не так представлял он встречу с Киа.

– Что ты несешь? Это моя жизнь, вот и не суйся! – прошипела Киа, приблизившись на несколько шагов.

Голос Тейта прозвучал твердо:

– Знаю, не мое это дело, но молчать я не буду.

Киа двинулась прочь от берега, но Тейт закричал ей вслед:

– Ты же в городе не живешь, вот и не знаешь, что Чез с другими гуляет. Я видел на днях, как он уезжал с вечеринки на своем пикапе с какой-то блондинкой. Он тебя не стоит.

Киа развернулась:

– Да неужели?! Это Ты меня предал – обещал вернуться, а сам исчез! Ни строчки не написал, в чем дело, я не знала, жив ли ты вообще. Струсил, духу не хватило со мной объясниться. Боялся в глаза мне смотреть, слабак! Ты сбежал! ТРУС, ДЕРЬМО ТЫ СОБАЧЬЕ! Столько лет прошло – и на тебе, появился... Ты еще хуже. Он не ангел, но ты хуже в сто раз! – Киа замолчала, сверля его глазами.

Тейт развел руками и сказал умоляюще:

– Совершенно справедливо, Киа. С каждым словом твоим согласен. Я вел себя как последний трус, и не мне судить Чеза, не мое это дело. Больше я тебя не потревожу, просто хочу объясниться и извиниться. Меня все эти годы совесть изводила, Киа.

Киа поникла, словно парус в штиль. Тейт был для нее не просто первой любовью, он разделял ее интерес к болоту, он научил ее читать, он – единственная ниточка, что связывала ее с исчезнувшими родными. Он – страница жизни, картинка в альбоме на память. Весь гнев вдруг улетучился, сердце билось учащенно.

– Ты стала такой красивой. И совсем взрослой. Как ты живешь? Так и продаешь мидий?

Тейта потрясло, до чего она похорошела: тонкие выразительные черты лица, точеная линия скул, пухлые губы.

– Да. Да.

– Вот, принес тебе кое-что. – Тейт достал из конверта крохотное алое перо со щеки золотого шилоклювого дятла.

Киа хотела швырнуть перо под ноги, но ей ни разу не удалось найти такое, так почему бы не взять? И, не поблагодарив, она сунула перо в карман.

Тейт продолжал скороговоркой:

– Киа, бросить тебя – не просто дурной поступок, а самая большая подлость за всю мою жизнь. Я все эти годы каялся и буду каяться. Я думаю о тебе каждый день. Никогда себе не прошу, что бросил тебя. Я был уверен, что ты не сможешь расстаться с болотом, не сможешь прижиться в большом мире, потому и не видел нас вместе. Но я ошибался, и зря я тогда не пришел, не поговорил с тобой. Знаю, тебя столько раз предавали. Я не хотел думать о том, какую боль тебе причинил. Не по-мужски это,

правильно ты сказала. – Тейт умолк, глядя на Киа.

После долгого молчания она спросила:

– Ну и чего ты от меня хочешь, Тейт?

– Чтобы ты меня простила, если сможешь. – Он вздохнул и стал ждать.

Киа не смотрела на него. Почему именно на обиженных, на израненных ложится бремя прощения? Она молчала.

– Я просто должен был тебе сказать, Киа. – Так и не дождавшись ответа, Тейт добавил: – Я сейчас в аспирантуре, стал зоологом, занимаюсь простейшими. Тебе было бы интересно.

Киа силилась представить – и не могла; она оглянулась на лагуну, не плывет ли Чез. От Тейта это не укрылось, он с самого начала знал, кого она поджидает.

Чеза он видел несколько дней назад, на рождественском балу, – в белом смокинге тот отплясывал то с одной, то с другой девушкой. Танцы, как обычно в Баркли-Коув, устроили в школьном спортзале. Под “Вули-були” из хиленького магнитофона Чез кружил у баскетбольного щита брюнетку. А когда заиграл “Мистер с тамбурином”, он бросил брюнетку, вместе с приятелями вывалился из зала, и они пустили по кругу фляжку с бурбоном. Тейт стоял неподалеку, беседовал с двумя учителями, и до него донеслись слова Чеза: “Да уж, в постели кувыркается, как лиса в капкане! Еще бы, сучка болотная! Деньги на бензин отрабатывает сполна”.

Тейт заставил себя уйти.

* * *

Налетел порыв ветра, и лагуна подернулась рябью. Встречать Чеза Киа выбежала в джинсах и тоненьком свитере и теперь сжалась от холода, крепко обхватила себя руками.

– Ты замерзла, пойдем в дом. – Тейт указал на хижину, над ржавой трубой клубился дымок.

– Тейт, лучше уходи. – Киа с тревогой поглядывала в сторону протоки. Вдруг Чез появится и застанет Тейта?

– Киа, ну пожалуйста, хоть на минуту. Хотел взглянуть еще раз на твои коллекции.

Киа развернулась и побежала к хижине, Тейт поспешил следом. Поднявшись на веранду, он обомлел. Из детского увлечения вырос настоящий музей болотного края. Тейт взял в руки раковину морского гребешка, лежавшую на акварельном рисунке берега, где ее нашли, были тут и рисунки, на которых моллюск поедал живность помельче. И так для каждого вида, а были их тут сотни – нет, тысячи. Некоторые раковины он видел прежде, но раньше он смотрел на них глазами ребенка, а теперь – глазами ученого.

Он обернулся к Киа:

– Это же настоящее чудо – красиво, подробно, хоть сейчас в печать! Да здесь материала на целую книгу, и не на одну.

– Нет, нет. Это я так, для себя. Подспорье в учебе, и только.

– Киа, послушай. Ты же знаешь, что справочники по этой теме огромная редкость. За такие книги многие спасибо скажут – тут и классификация, и справка, и рисунки отличные.

Тейт был прав. Машины старые определители здешних видов, с простенькими черно-белыми иллюстрациями, единственные по теме, были обрывочны и пестрели ошибками.

– Если ты мне разрешишь взять несколько образцов, я переговорю с издателями – посмотрим, что мне скажут.

Киа испуганно уставилась на него. Неужели придется куда-то ездить, встречаться с людьми? От Тейта не укрылся ее взгляд.

– Ездить тебе никуда не нужно, отправишь издателю материалы по почте. Сможешь на этом заработать. Не золотые горы, конечно, зато не придется больше промышлять сбором мидий.

Киа и на это ничего не сказала. В очередной раз Тейт не просто заботится о ней, а учит, как самой о себе позаботиться. Казалось, он был рядом всю жизнь – и вдруг исчез.

– Попробуй, Киа. Попытка не пытка.

Киа все-таки разрешила ему взять образцы работ, и он выбрал несколько акварельных набросков раковин и большую голубую цаплю – подробные иллюстрации для каждого из времен года и изогнутую бровь крупным планом.

Тейт поднес к глазам изображение пера. Сотни тончайших штрихов, богатство оттенков – бархатный черный на холсте, будто напоенном солнцем; по едва заметному излому в стержне пера Тейт узнал то самое, первое, что он подарил ей в лесу. Оторвавшись от рисунка, он посмотрел на девушку. Киа отвернулась, стараясь подавить всколыхнувшиеся чувства. Не сближаться с тем, кому нельзя доверять.

Тейт шагнул к ней, тронул за плечо, попытался ласково развернуть к себе.

– Киа, прости, что я тебя оставил. Ты когда-нибудь сможешь меня простить?

Она наконец взглянула ему в глаза:

– Я не знаю, как простить тебя, Тейт. Я тебе больше не доверяю. Прошу, уходи.

– Понимаю. Спасибо, что выслушала, дала возможность извиниться.

Он выждал, но Киа молчала. Что ж, хотя бы так. Если он найдет издателя, будет повод вновь с ней увидеться.

– До свидания, Киа.

Она снова не ответила. Тейт не сводил с нее глаз, Киа встретила с ним взглядом, но тут же отвернулась. Он вышел из хижин и зашагал к своей лодке.

Когда он скрылся из виду, Киа вернулась к лагуне, опустилась на влажный холодный песок и стала ждать Чеза, повторяя вслух слова, сказанные Тейту:

– Он не ангел, но ты в сто раз хуже.

Она смотрела на темную лагуну, и в ушах звучали другие слова, те, что сказал Тейт. "Он уезжал с вечеринки с какой-то блондинкой".

* * *

Чез объявился лишь спустя неделю после Рождества. Завернул в лагуну, сказал, что останется на ночь, встретит с ней Новый год. Взявшись за руки, брели они к хижине, и всюду – вдоль берега, на крыше – стелился туман. После любви сели у печки, закутавшись в одеяла. Воздух был насыщен влагой; когда закипел чайник, на холодном окне осели тяжелые капли.

Чез достал из кармана губную гармошку и заиграл печальный мотив "Молли Малоун": "Ее привиденье я видел на Бэйле: «Ракушки и мидии свежие, о!»"[13]

Ей казалось, больше всего в нем было души, когда он играл эти грустные напевы.

28

Ловец креветок

1969

Ближе к вечеру в "Конуре" потчевали сплетнями обильней, чем в закускойной. Шериф и Джо вошли в длинный, битком набитый питейный зал и направились к стойке, вырубленной из цельного соснового ствола и занимавшей всю левую сторону сумрачного зала. Завсегдатаи – одни мужчины, поскольку женщин сюда не пускали – сгрудились кто у стойки, кто за столиками. За стойкой хлопотали два бармена – жарили сосиски, креветки, устрицы, кукурузные оладьи, помешивали кашу, наливали пиво и бурбон. Свет был выключен, лишь неоновая реклама пива за окном, точно пламя костра, отбрасывала янтарные блики на усатые физиономии. В глубине зала стучали бильярдные шары.

Эд и Джо подошли к компании рыбаков возле стойки, и едва они заказали креветки с пивом, как тут же посыпались вопросы: "Есть новости? А что, отпечатков пальцев и правда нет? А старик Хэнсон у вас на примете? У него с головой не порядок, от него всего можно ожидать, мог на вышку влезть и столкнуть. Задача не из простых, а?"

Эд и Джо кое-как справлялись – отвечали, слушали, кивали. Тут сквозь гвалт шериф уловил чей-то голос, спокойный и ровный; он оглянулся – перед ним стоял Хол Миллер, ловец креветок с катера Тима О'Нила.

– Можно с вами переговорить, шериф? С глазу на глаз?

Эд отошел от стойки.

– Конечно, Хол, пошли.

Они протиснулись к столику у стены.

- Еще по одной?
- Мне, пожалуй, хватит. Спасибо.
- Что ты хотел рассказать, Хол?
- Да надо бы поделиться, так ведь и спятить недолго.
- Слушаю.
- Ох... – Хол покачал головой. – Не знаю, может, и пустяк, ну а если нет, надо было раньше сказать. Не идет из головы то, что я видел.
- Выкладывай, Хол. Там и разберемся, пустяк или нет.
- В общем, насчет Чеза Эндрюса. Дело было в ту самую ночь, когда он погиб.. я был с Тимом на промысле, в бухту зашли мы поздно, далеко за полночь, и мы с Алленом Хантом видели ее, эту самую Болотную Девчонку, она выходила на моторке из бухты.
- Вот как? В котором часу?
- Без четверти два или около того.
- Куда она направлялась?
- Вот то-то и оно, шериф. Курс держала прямо на пожарную вышку. Если не отклонилась, то должна была в той самой бухте причалить.

Эд выдохнул.

- Да, Хол, важная информация. Очень важная. Уверен, что именно ее видел?
- Ну, мы с Алленом оба ее узнали, даже переговорили на этот счет. И подумали об одном. Гадали, что ей здесь надо в такой поздний час – летит куда-то без огней. Счастье, что мы ее заметили, а то сбили бы. Поговорили – и забыли, а уж потом я смекнул, что к чему. В ту самую ночь Чез с вышки сорвался. Вот я и подумал: надо сказать.
- Кто-нибудь еще на вашем катере видел ее?
- Не скажу за других. Остальные тут же были, весь экипаж. Мы ей дали дорогу. Но я ни с кем больше об этом не говорил, повода еще не было. И после никого не спрашивал.
- Ясно. Правильно сделал, Хол, что рассказал. Исполнил долг. Ни о чем не беспокойся. Я потом вызову вас с Алленом записать показания. Давай-ка пивом угощу.
- Нет, я лучше домой. Доброй ночи!
- Доброй ночи! Еще раз спасибо.

Едва Хол поднялся, Эд поманил к себе Джо, который давно уже на него поглядывал. Выждав, пока Хол со всеми распрощается, они вышли за порог.

Эд передал Джо рассказ Хола.

- Во как! – откликнулся Джо. – Похоже, все сходится. Как по-твоему?

– Думаю, судья выдаст ордер на обыск. Но лучше все же убедиться окончательно, а там и к судье. А как получим ордер, поищем в ее доме те красные волокна, что нашли на одежде у Чеза. Надо выяснить, что она делала той ночью.

29

Трава морская

1967

В ту зиму Чез навещал Киа часто, почти каждые выходные оставался ночевать. Даже в промозглые сырые дни бродили они туманными зарослями – Киа пополняла коллекцию, Чез наигрывал на губной гармошке затейливые мелодии. Звуки плыли с туманом, проникали в глухие уголки низинных лесов, будто оседали в памяти болота, – когда Киа снова шла на лодке теми же протоками, то слышала музыку.

Как-то утром в начале марта Киа плыла одна в сторону городка; небо было в серых облаках, будто закутано в линялый свитер. Через два дня у Чеза день рождения, надо было купить в “Пигли” продукты для праздничного ужина – впервые в жизни Киа затеяла карамельный торт. Она уже воображала, как поставит его перед Чезом на стол, зажжет свечи, – такого в кухне не случалось с тех пор, как Ма ушла. Чез несколько раз обмолвился, что откладывает деньги на дом. Пора учиться печь, решила Киа.

Привязав лодку, она пошла вдоль пристани к ряду магазинов и в конце улицы заметила Чеза с приятелями. Он обнимал за плечи стройную блондинку. Киа продолжала идти, лихорадочно соображая, что это значит. Она никогда не подходила к Чезу в городе, если он был не один, однако на этот раз встречи не избежать, разве что броситься в море.

Чез и вся компания повернули головы, посмотрели на Киа, и Чез поспешно убрал руку с плеча блондинки. Киа была в белых джинсовых шортах – длинные ноги во всей их красе, две косички спускались на грудь. Все замолчали, глядя на нее. Подбежать бы к Чезу, да нельзя. Сердце разрывалось от обиды.

Когда она поравнялась с компанией, Чез сказал:

– А, Киа, привет!

Киа откликнулась, поглядывая то на него, то на остальных:

– Привет, Чез.

– Киа, помнишь Брайана, Тима, Перл и Тину? – Чез перечислил еще несколько имен и замолчал. Добавил через паузу: – А это Киа Кларк.

Разумеется, она не помнила их имен, она их попросту никогда не знала. Для нее они – Белобрысая-долговязая и прочие. Киа обмякла, как трава морская на крючке, но растянула губы в улыбке, выдавила из себя приветствие. Она так ждала, и вот он, случай. Наконец она в кругу его друзей, как мечтала. Она напряженно подыскивала слова – что бы такого сказать умного, интересного. Наконец двое сухо бросили “привет”, развернулись и двинулись прочь, следом, будто стайка рыбьей молодежи, потянулись и остальные.

- Ну вот и встретились, - сказал Чез.

- Прости, что помешала. Я в магазин - и сразу домой.

- Никому ты не помешала, я на них наткнулся случайно. Буду в воскресенье, как обещал.

Чез переминался, теребил ракушку на шнурке.

- Ладно, увидимся, - сказала наконец Киа, но Чез уже догонял остальных.

Киа поспешила в сторону магазинов; мимо вразвалку проковыляла семейка крякв, шлепая ярко-оранжевыми лапками по серому асфальту. Киа зашла в "Пигли-Вигли", стараясь не думать о Чезе и девушке, а обогнув хлебный прилавок, наткнулась на миссис Калпеппер, школьную инспекторшу. Они застыли, как кролик и койот по разные стороны изгороди. Киа давно переросла миссис Калпеппер во всех смыслах, в том числе и знаниями, - впрочем, ни та ни другая об этом не задумывались. Киа хотела по привычке дать стрекача, но овладела собой, встретила взгляд миссис Калпеппер, и та кивнула ей.

На все отложенные деньги Киа запаслась продуктами - купила сыр, французский батон, все необходимое для торта. Покупки в тележку переключивал будто кто-то другой. Перед глазами у Киа стояла картина: Чез в обнимку с девушкой. Киа купила местную газету, один из заголовков сообщал, что на побережье открывается лаборатория морской биологии.

Она вышла из магазина и почти бегом устремилась к пристани - быстрее-быстрее, точно лиса из курятника. Вернувшись в хижину, села за кухонный стол читать статью о новой лаборатории. Да, так и есть, в двадцати милях к югу от Баркли-Коув, близ Си-Окс, строится современный научный центр. Биологи будут изучать экосистему болота, без которого не может обойтись почти половина морских обитателей, и...

Киа перевернула страницу и тут же уткнулась взглядом в большую фотографию Чеза с девушкой, под снимком - объявление о помолвке: "Эндрюс - Стоун". Ругательства перешли в рыдания, потом в сдавленные всхлипы. Киа встала из-за стола, глянула на газету издали - нет, не померещилось. Вот они, щека к щеке, улыбаются. Девушка - хорошенькая, ухоженная, в кружевной блузке, с ниткой жемчуга на шее. Это ее он обнимал за плечи. Перл Стоун. Вечно-в-жемчугах.

Хватаясь за стены, Киа доплелась до веранды, рухнула на постель, зажала ладонями рот. И тут послышался гул мотора. Киа вскочила, выглянула за дверь - Чез вытаскивал на берег катер.

Проворней мыши Киа проскочила через дом на крыльцо - и опрометью в лес, подальше от лагуны, пока он ее не увидел. Притаившись в пальмовых зарослях, она наблюдала за Чезом. Вот он заходит в хижину, зовет ее. Увидит на столе газету и все поймет. Минутой позже он вышел и устремился к берегу - вдруг она там?

Киа не шелохнулась, даже когда Чез вернулся, повторяя ее имя. Лишь когда скрылся из виду его катер, выбралась она из кустов. Еле передвигая ноги, сходила за кормом для чаек и вышла на пляж, где солнце уже садилось в море. Свежий морской ветер дул в спину, будто поддерживая ее. Киа кликнула чаек и стала бросать им большие куски французского батона. И ругалась, громко и яростно, перекрикивая шум ветра.

Киа подлетела к лодке, завела мотор и понеслась – туда, где были подводные течения. И всю дорогу визжала, задрала голову: “Ах ты подлец, ДЕРЬМО... СУКИН ТЫ СЫН!” Беспорядочные, взлохмаченные волны мотали лодку туда-сюда, мешали править. Океан всегда яростней, чем плавни. Он глубже, ему есть что сказать.

Киа давно уже научилась разбираться в прибрежных течениях, знала, как с ними справляться, как уходить от них, направив нос против волн. Но она впервые шла навстречу глубинным течениям – отголоскам Гольфстрима, который переносит сто миллионов кубометров воды в секунду, больше, чем все на свете реки вместе взятые, и от берегов Северной Каролины до этого мощного потока совсем близко. Это мир встречных течений, бесчисленных водоворотов, настоящая ловушка, одна из самых страшных в Мировом океане. Всю жизнь Киа избегала этого места, но сейчас ей было плевать. Она неслась в самый центр, надеясь там выплеснуть гнев и боль.

Свирепая волна взметнулась навстречу, вспучилась под килем, качнула лодку вправо. Лодка накренилась и с трудом выправилась. Яростный поток уже тащил ее, все быстрее и быстрее. Сворачивать было рискованно, и Киа, всем весом навалившись на румпель, старалась удержать лодку по течению, глаза ее высматривали мели – вечно меняющиеся преграды под самой поверхностью воды. Одно касание – и лодка перевернется.

Волны хлестали в спину, с волос текло. Над головой бежали низкие темные облака, закрывая солнце, мешая разглядеть водовороты, поглощая тепло.

И все же страха она не чувствовала, хоть и рада была бы испугаться – уж лучше страх, чем эта боль в сердце.

Внезапно бурная темная вода осталась позади, утлая лодочка крутнулась вправо и сразу накренилась. Киа сбросило со скамьи, окатило соленой водой. Ошеломленная, сидела она на дне лодки, готовясь встретить новую волну.

До настоящего Гольфстрима отсюда, разумеется, далеко. Здесь океан только разминается, пробует силы. Но раз уж Киа решила сразиться со стихией – значит, придется ей выстоять. Победить. Заглушить боль.

Серо-стальные волны набегали сразу со всех сторон, без намека на симметрию и закономерность. Киа вскарабкалась на сиденье, схватилась за румпель, но она не понимала, куда держать курс. Берег тянулся вдали узкой полосой, то и дело исчезая за белыми гребнями. Стоило Киа зацепиться за него взглядом, как лодка разворачивалась или наклонялась – и берег снова исчезал. Киа надеялась оседлать течение, но оно не собиралось подчиняться, волокно ее в свирепое темное море. Тучи клубились все ниже, окончательно закрыли солнце. Киа тряслась от холода, силы покидали ее, руки еле удерживали румпель. Ни одежды, ни еды, ни воды.

И тут явился ужас, из глубин пострашней морских. Страх снова остаться одной. Возможно, навсегда. Приговор на всю жизнь. Из горла рвались противные прерывистые вскрипы, а лодку все вертело, швыряло из стороны в сторону, того и гляди перевернется.

На дне уже плескалась вода дюймов на шесть, босые ноги Киа сводило от холода. Быстро же море и тучи одолели весеннее тепло! Обхватив себя одной рукой, чтобы хоть

как-то согреться, другой рукой Киа правила, уже полностью доверившись течению.

Внезапно океан успокоился – лодку все еще быстро влекло вперед, но волны уже не бесновались. Впереди блеснул мокрый песок, усеянный ракушками, – песчаная коса, футов сто в длину. Борясь с сильным придонным течением, Киа в нужную секунду вывернула румпель – и течение осталось позади. Косу она обогнула с подветренной стороны, где вода была спокойнее, и причалила осторожно, будто поцеловала берег. Выбралась на узкую косу и осела на песок. Легла на спину, наслаждаясь ощущением твердой земли под собой.

Она понимала, что не Чеза оплакивает, а жизнь свою, от предательства до предательства. Глядя, как облака стремятся поглотить синеву, она проговорила вслух:

– Видно, мне на роду написано жить одной. Но не привыкать. Я уже давно знаю, что люди рядом со мной не задерживаются.

Неспроста Чез пообещал жениться, тут же ее соблазнил и вскоре променял на другую. Ей известно из книг, что самцы меняют самок, так чем же он ее покорила? Его роскошный катер на гидрольжах все равно что выпяченная грудь и огромные рога оленя-самца во время гона – для привлечения самок и устрашения соперников. И все равно она клюнула на ту же приманку, что и мама, тоже стала добычей “стрекозла”. Какой ложью потчевал маму отец, по каким шикарным ресторанам ее водил, пока не спустил все деньги и не пришлось вести ее на свою настоящую территорию – в хибару на болоте? Наверное, стоит отдохнуть от любви, дать сердцу покой, как полю под паром.

Киа принялась читать вслух стихи Аманды Гамильтон:

Пора мне тебя отпустить.

Отпустить.

Ради любви мы

Всегда остаемся

И редко

Уходим.

Отпускаю тебя с крючка –

Плыви.

Ты думал,

Сердце мое

Стремится

Тебя удержать,

На дно утянуть.

Нет, сердце мое

Тебя отпускает –

Пльви

С травую морскою.

Меж тяжелых облаков просквозило бледное солнце, коснулось песка робкими лучами. Киа привстала, огляделась. Течение, океан и песок, будто сговорившись, преподнесли ей подарок: кругом пестрели дивные, невиданные раковины. Благодаря изгибу косы и спокойному прибою они скопились с подветренной стороны, будто кто-то их бережно разложил на песке, не разбив ни одной. Киа заметила несколько редких раковин и много своих любимых – невредимых, перламутровых, поблескивающих от воды.

Стараясь не наступать на них, Киа прошлась по берегу, собрала самые ценные, ссыпала горкой. Слила из лодки воду и разложила раковины рядком на дне. Она непременно вернется сюда, надо лишь подготовиться как следует, изучить здешние течения. Море и раковины подсказали ей, что заходить нужно с подветренной стороны и сразу причаливать, а сильное течение обойти стороной.

Киа отчалила, зная, что эту песчаную косу никто больше не увидит такой, как сейчас. Силы природы сотворили эту мимолетную усмешку песка, даже формой отмель была схожа с улыбкой. Новый прилив и новые течения создадут другую, и третью, но не ту же самую. Ту, что приняла ее в объятия. И кое-чему научила.

* * *

Чуть позже, гуляя по берегу родной лагуны, Киа читала вслух стихотворение Аманды Гамильтон, свое любимое:

Не гасни, луна,
Следуй за мною,
И тени ночные
Прочь прогони,
И вместе со мной ощути
Холодок тишины.

Знаешь лишь ты,
Как в одиночестве
Тянется миг,
Будто бредешь
Миля и миля,

И сколько неба
В одном-единственном вздохе,
Когда утекает время,
Будто сквозь пальцы песок.

Луна знает как никто другой, что такое одиночество.

Вновь наблюдая за однообразным кружением в воде головастика, танцем светлячков, Киа все глубже погружалась в безмолвие природы. Наверное, природа – самая надежная в мире опора, единственное, за что стоит держаться.

31

Книга

1968

Ржавый почтовый ящик висел на столбе, вытесанном еще ее отцом, в конце безымянной тропы. Киа получала только рекламные листовки, приходившие всем здешним жителям. По счетам она не платила, слащавых писем от тетушек и подруг не ждала. Не считая того давнего письма от Ма, почта для нее ничего не значила, и Киа могла неделями не заглядывать в ящик.

Но в то лето, когда ей было без малого двадцать два, спустя больше года после помолвки Чеза и Перл, она каждый день бегала по горячей от солнца песчаной тропе к почтовому ящику. И однажды утром нашла там увесистый пакет из манильской бумаги, а в нем – авторские экземпляры книги: Кэтрин Даниэла Кларк, “Раковины Восточного побережья”. И вздохнула: жаль, некому показать.

Сидя на берегу, она перелистывала страницы. Когда Тейт связался с издательством, Киа отправила им письмо с рисунками, и в ответ ей прислали договор. Поскольку иллюстрации и текст Киа готовила много лет, редактор, мистер Роберт Фостер, пообещал, что книгу выпустят в кратчайшие сроки, а за ней последует вторая, о птицах. Вместе с письмом он выслал ей аванс, пять тысяч долларов. Узнал бы отец – споткнулся бы и пролил виски.

И вот в руках у нее вышедшая книга. Каждый штрих, каждое слово, все тщательно подобранные краски – все здесь, на бумаге. Причем не одни только раковины, но и иллюстрации из жизни моллюсков: как они двигаются, питаются, размножаются – ведь люди любят раковинами, не задумываясь о том, кто в них живет.

Киа трогала страницы, вспоминала каждую раковину, как ее нашла – где та лежала, что было за время года и суток. Вот он, ее семейный альбом.

В ближайшие месяцы книга разлетится по всему Восточному побережью – по книжным и сувенирным магазинам Северной и Южной Каролины, Джорджии, Виргинии, Флориды и Новой Англии. Авторские отчисления ей обещали присылать раз в полгода, сулили по несколько тысяч долларов.

* * *

Сев за кухонный стол, Киа набросала Тейту письмо с благодарностью, но когда перечитала, у нее упало сердце. Одного письма тут мало. Благодаря его доброте ее увлечение может стать профессией, делом всей жизни. Каждой находкой – перышком, раковиной, насекомым – теперь можно поделиться с людьми, и не придется больше копать в грязи, добывая ужин. И питаться одной кукурузной кашей.

Она уже выяснила у Скока, что Тейт работает экологом в новой лаборатории близ Си-Окс, что ему выделили экспедиционное судно. Несколько раз Киа видела его издали, но встреч избегала.

Киа добавила постскриптом: “Если будешь рядом, заходи. Хочу подарить тебе книгу”, – и отправила письмо на адрес лаборатории.

Через неделю она пригласила мастера, Джерри, и тот протянул от колодца водопровод в дом, подключил нагреватель, а дальнюю спальню переоборудовал под санузел, с настоящей ванной. Установил раковину, положил кафель, установил генератор, провел электричество, поставил плиту и новый холодильник. Киа настояла, чтобы старую дровяную печь не трогали, – печь не только отапливала дом, она хранила мамино тепло, ведь Ма тысячи раз пекла в ней печенье. Вдруг Ма вернется, а печь разобрали? Джерри сколотил кухонные шкафчики из сосны, заменил входную дверь и проволочную сетку на веранде, а для коллекций сделал стеллажи от пола до потолка. Киа заказала по каталогу диван, стулья, кровати, матрасы, ковры, но оставила старый кухонный стол. А главное, теперь у нее был шкаф для памятных вещиц – небольшой музей ее распавшейся семьи.

Снаружи хижина так и осталась некрашеной – серая от времени дранка, ржавая крыша, плети испанского мха, свисающие с ближайшего дуба. Хижина все так же была частью болотного пейзажа. Спала Киа по-прежнему на веранде, только в самые холодные зимние ночи перебиралась в комнату. Зато кровать у нее теперь была настоящая.

* * *

Однажды утром Скок огорошил Киа новостью: скоро сюда нагрянут застройщики – задумали осушить “унылую топь”, а на ее месте понастроить прибрежных отелей. Весь год она наблюдала, как вереницей тянутся исполинские машины, сводят за неделю целые дубовые рощи, роют каналы. И затем перебираются на новое место, оставляя за собой мертвую, иссушенную землю. Олдо Леопольда эта братия явно не читала.

В стихотворении Аманды Гамильтон было сказано все:

Мы росли

Плечо к плечу,
Крыло к крылу,
На двоих одна душа.
Но час настал,
И ты ушла –
И нет листа,
И нет крыла.
Ты умерла,
Мой друг, Лесная Глушь.

Киа не знала, владела ее семья землей при лагуне или заняла ее самовольно, как поступали веками здешние поселенцы. За минувшие годы, пытаясь отыскать подсказку, где может быть Ма, она перебрала в доме все бумаги до последнего клочка, но ничего похожего на документы о собственности ей не встретилось.

Вернувшись от Скока, Киа завернула в платок старую Библию и отправилась в суд Баркли-Коув. Окружной секретарь, седой, с широченным лбом и узкими плечами, вынес увесистую кожаную папку с документами, картами, аэрофотоснимками и разложил их на столе. Киа, водя пальцем по карте, показала свою лагуну и примерные границы участка. Секретарь уточнил порядковый номер и полез в старый деревянный картотечный шкаф за документом о собственности.

– Да, вот он. Эта земля была куплена господином Нейпиром Кларком в 1897 году.

– Это мой дедушка, – сказала Киа. И стала перелистывать ветхие страницы Библии – там среди записей о рождениях и смертях значился и некий Нейпир Мэрфи Кларк. Ну до чего странное имя. Так звали и ее брата. Секретарю она сказала, что отца нет в живых, – так оно, скорее всего, и было.

– Землю не перепродавали. Выходит, она ваша. Но увы, вынужден вам сказать, что за этот участок много лет не платили налоги, и потому, чтобы его сохранить, придется вам погасить долг, мисс Кларк. На самом деле по закону земля переходит в собственность того, кто уплатит за нее налоги, даже если у него нет документов.

– Сколько? – Счет в банке Киа завести не успела, и все деньги, что остались после ремонта дома, около трех тысяч долларов, лежали у нее в рюкзаке. Но наверняка речь о долгах лет за сорок – тысячи и тысячи долларов.

– Что ж, давайте взглянем. Земля значит как пустошь, то есть налог на нее составлял около пяти долларов в год. Дайте-ка я сосчитаю. – Он подошел к громоздкой скрипучей счетной машине, стал вводить цифры и после каждой оттягивал ручку, и в машине что-то скрежетало, будто она и впрямь напряженно думала.

– За все годы выходит около восьмисот долларов – и земля ваша.

Из здания суда Киа вышла с ценным документом на свое имя – отныне ей принадлежали триста десять акров роскошных лагун, плавней, дубовых рощ, да еще и собственный

пляж на побережье Северной Каролины. Вот вам и пустошь! Унылая топь!

Приплыв в сумерках к себе в лагуну, Киа сказала голубой цапле:

– Живи спокойно. Ты здесь хозяйка.

* * *

Назавтра в полдень в почтовом ящике лежала записка от Тейта – совсем не в его духе, поскольку прежде записки он оставлял для нее исключительно на старом пне, вместе с перьями. Тейт благодарил за приглашение и за обещанную книгу и собирался навестить ее нынче же.

Прихватив один из шести авторских экземпляров, что прислали из издательства, Киа отправилась к бревну, где они когда-то читали. Минут через двадцать, заслышав знакомый гул мотора, она слезла с бревна. Из тростника вынырнула лодка, и Киа с Тейтом замахали руками, неловко улыбаясь. Оба не знали, чего ждать. В прошлый раз Киа швырялась в Тейта камнями.

Привязав лодку, Тейт подошел к Киа.

– Киа, книга твоя – просто чудо!

Он сделал движение ей навстречу, словно хотел обнять, но Киа точно одеревенела.

Она протянула ему книгу:

– Держи, Тейт. Это тебе.

– Спасибо. – Он открыл книгу, пролистал. Разумеется, он не стал признаваться, что уже купил экземпляр в Си-Окс и успел полюбоваться каждой страницей. – Ничего подобного никогда еще не издавали. Уверен, для тебя это только начало.

Киа скованно кивнула, улыбнулась неуверенно.

Тейт глянул на титульный лист:

– Но где автограф? Подпиши ее для меня. Пожалуйста.

Киа встрепенулась. Это она упустила из виду. Какие слова найдутся у нее для Тейта?

Он достал из кармана джинсов ручку и протянул ей.

И Киа, чуть подумав, написала:

Мальчику с перьями

в благодарность

от Болотной Девчонки.

Тейт прочитал и отвернулся, устремил взгляд на болото. Обнять бы ее, но увы. И он просто протянул ей ладонь для рукопожатия.

– Спасибо, Киа!

– Это благодаря тебе, – сказала она, а про себя подумала: “Все благодаря тебе”.

Часть ее души рвалась к нему, а часть отгородилась.

Тейт постоял еще, но Киа молчала, и он собрался уходить. Забравшись в лодку, сказал:

– Киа, если увидишь меня на болоте, прошу, не ныряй в траву, как насмерть перепуганный олененок, а просто позови меня, побродим вместе, ладно?

– Ладно.

– Еще раз спасибо за книгу.

– Пока, Тейт!

Киа провожала его глазами, пока он не скрылся в зарослях тростника, после чего сказала самой себе:

– Даже в дом не пригласила, чаю не предложила. Никто бы от этого не умер. Мы могли бы быть друзьями. – И добавила с неожиданной гордостью: – И коллегами.

* * *

Примерно через час после встречи с Тейтом Киа причалила к пристани Скока, в рюкзаке лежал еще один экземпляр книги. Скок сидел, прислонясь к стене своей лавчонки. Он встал и махнул ей, но Киа не махнула в ответ. Сообразив, что происходит что-то необычное, Скок молча ждал, пока Киа привяжет лодку. Киа подошла к нему, взяла его за руку и вложила в ладонь книгу. Скок с недоумением воззрился на девушку. Киа указала на обложку со своим именем:

– Теперь я не пропаду, Скок. Спасибо вам с Мейбл за вашу доброту.

У Скока глаза едва не вылезли из орбит. В другое время и в другом месте черный старик и белая девушка обнялись бы, только не здесь, не сейчас. Киа снова коснулась его руки, повернулась и уплыла. Впервые в жизни Скок не нашелся что сказать. Киа продолжала бывать у него, покупала бензин и продукты, но никаких подношений от Скока и Мейбл уже не принимала. А причаливая, она неизменно видела в окне лавки свою книгу – словно в витрине. Будто книгу написала его дочь.

1969

Низкие темные облака неслись над свинцовым морем в сторону Баркли-Коув. От порывов ветра дребезжали стекла, волны переклестывали через причал. Привязанные лодки болтались на волнах будто игрушечные, матросы в желтых дождевиках крепили понадежнее узлы. Зарядил косой дождь, сквозь пелену с трудом можно было разглядеть, как на сером фоне суетятся желтые фигурки.

Особо сильный порыв ударил в окно, и шериф почти прокричал:

– Ну что, Джо, есть новости?

– А то! Я узнал, где мисс Кларк, по ее словам, была в ночь гибели Чеза.

– Что? Ты что, ее отловил?

– Шутишь? Она же верткая, как угорь, черт ее дери! Стоит к ней подобраться поближе – и тут же ускользает. Но нынче утром я завернул к Скоку на пристань, спросить, когда она в следующий раз пожалует. Без бензина ей не обойтись – значит, перехвачу ее рано или поздно. И представляешь, что я выведаль?!

– Выкладывай.

– Двое надежных свидетелей подтверждают, что той ночью ее в городе не было.

– Что за свидетели? Она же ни с кем не яхшается, кто мог об этом знать?

– Помнишь Тейта Уокера? Он теперь доктор Уокер, работает в новой экологической лаборатории.

– Знаю. Отец у него креветками промышляет – Уокер по прозвищу Шкипер.

– Ну так вот, Тейт говорит, что знает Кию – так он ее зовет – очень близко, много лет уже.

– Вот как?

– Не в том смысле. Они познакомились еще детьми. Он ее учил читать.

– Это он сам тебе рассказал?

– Да. Его-то я и встретил у Скока. Я-то хотел старика припереть к стенке, вытянуть из него, когда обычно появляется Болотная Девчонка. Но оказалось, что он сам не знает, когда ее ждать в следующий раз.

– Скок всегда ее опекал, так что закладывать ее он не станет.

– Ну я и спросил, не знает ли он, случаем, что она делала в ночь гибели Чеза. А он и говорит, что как раз знает – она к нему приезжала утром через сутки после смерти Чеза. И это он ей сообщил, что Чез погиб. Она же, по его словам, была в Гринвилле, две ночи там провела.

– В Гринвилле?

– Ну да, именно так он и сказал, а Тейт – он все это время рядом стоял – подхватил: мол, так и есть, она ездила в Гринвилл, это он ей рассказал, как добраться туда,

как купить билет на автобус.

– М-да, ну и новость! – покачал головой шериф Джексон. – Но как кстати оба сразу подвернулись, причем с одной и той же историей. И зачем она, по словам Тейта, ездила в Гринвилл?

– Вроде в издательство. Ты знал, что она книгу написала о моллюсках, ее уже издали, а теперь и еще одну, о морских птицах? В общем, издательство пригласило ее, оплатило дорогу.

– Ну и дела, так она у нас звезда книжного мира, выходит! Думаю, это легко проверить. Тейт рассказывал, как учил ее читать?

– Я спросил, где и как они познакомились. Он сказал, что одно время рыбачил недалеко от ее дома, а когда узнал, что она читать не умеет, взялся ее учить.

– Хм, вот как.

– Словом, это меняет дело. У нее есть алиби. Причем железное. Я считаю, поездка в Гринвилл – беспорное алиби.

– Да, на первый взгляд. Знаешь ведь, чего стоят эти беспорные алиби. Рыбак же заявил, что видел ее в лодке в ночь гибели Чеза и что плыла она напрямиком к пожарной вышке.

– А вдруг обознался? Дело-то было ночью, луна взошла только в два часа. Может, она была в Гринвилле, а он видел кого-то другого в похожей лодке.

– Ну говорю же, ничего не стоит проверить, ездила ли она в Гринвилл.

Ливень и сильный ветер перешли в морось и жалобное посвистывание за окном. И все же от похода в закусочную они воздержались, вызвонили посыльного с обедом – курица с клецками, лимская фасоль, запеканка из кабачков, тростниковый сироп и печенье.

* * *

Едва шериф с помощником успели пообедать, как в дверь постучали. Это была мисс Пэнси Прайс, кассирша. Джо и Эд вскочили. Тюрбан в этот раз был на ней розовый, с блестками.

– Добрый день, мисс Пэнси.

– Здравствуйте, Эд и Джо. Можно присесть? Я ненадолго. Хочу рассказать кое-что важное, по поводу дела.

– Да, конечно. Садитесь, пожалуйста. – Оба ждали, пока мисс Пэнси устраивалась на стуле, приглаживала, точно наседка, перышки, пристраивала на коленях сумочку, будто то было драгоценное яйцо.

Шериф не выдержал:

– А что за дело, мисс Пэнси?

– Ах, ради всего святого, Эд! Вы прекрасно поняли, что за дело. Убийство Чеза

Эндрюса, какое же еще?

– Мы не пришли к окончательному выводу, убийство это или несчастный случай, мисс Пэнси. Понимаете? Итак, что вы хотели нам рассказать?

– Как вы знаете, работаю я в “Крессе”. – Чтобы не уронить себя в чужих глазах, она избегала лишней раз упоминать, что “Кресс” – магазин всякой дешевой мелочевки. Дождавшись, пока шериф кивнет, – хотя всем было известно, что работает она там с незапамятных времен, самому шерифу продавала игрушечных солдатиков, – она продолжила: – Кажется, Болотная Девчонка у вас под подозрением, да?

– Кто вам сказал?

– Многие уверены, но Патти Лав – основной источник.

– Ясно.

– Ну так вот, и я, и другие сотрудницы “Кресса” видели, как Болотная Девчонка садилась в автобус и как выходила – значит, в ту ночь, когда погиб Чез, ее в городе не было. Могу назвать даты и время.

– Вот как? – Джо и Эд переглянулись. – Назовите.

Мисс Пэнси приосанилась.

– Уехала она двадцать восьмого октября в четырнадцать тридцать, а вернулась тридцатого в тринадцать шестнадцать.

– И видели ее не только вы?

– Да, могу всех перечислить, если хотите.

– Нет необходимости. Если нам понадобится записать показания, мы заглянем в “Кресс”. Спасибо, мисс Пэнси.

Шериф встал, его примеру последовали мисс Пэнси и Джо.

Мисс Пэнси помешкала в дверях.

– Спасибо, что уделили мне время. Где найти меня, вы знаете.

Они распрощались.

Джо вернулся за свой стол.

– Вот так-то! Подтверждает слова Тейта и Скока. Той ночью она была в Гринвилле – или, по крайней мере, села в автобус и уехала куда-то.

Шериф протяжно вздохнул.

– Видимо, так. Но, думаю, если в Гринвилл можно уехать на автобусе днем, то можно и вернуться ночью. Сделать свое дело – и назад, в Гринвилл. И все будет шито-крыто.

– Может быть. И все-таки притянуто за уши.

– Узнай расписание автобусов. Проверим, сходится ли время и можно ли той же ночью вернуться.

Когда Джо уже был в дверях, Эд добавил:

– Возможно, она хотела, чтобы все видели, как она среди бела дня садится в автобус и как возвращается. Если вдуматься, для надежного алиби нужно что-то необычное. Если она скажет, что в ту ночь была, как всегда, одна в хижине, – разве это алиби? Нет, конечно! Вот она и задумала сделать что-нибудь у всех на глазах. Создать себе железное алиби, на виду у всей Главной улицы. Блестяще!

– Да, мысль неплохая. В любом случае больше не надо нам с тобой в сыщиков играть. Будем сидеть тут, попивать кофе, а местные дамы сами нам все на блюдечке поднесут. Схожу уточню расписание.

Джо вернулся через четверть часа.

– Что ж, ты прав, – подтвердил он. – Оказалось, можно и за ночь обернуться. Запросто.

– Да, и между делом успеешь столкнуть человека с пожарной вышки. Пора получить ордер на обыск.

33

Шрам

1968

Однажды зимним утром 1968-го Киа сидела за кухонным столом и рисовала акварелью пухлый оранжево-розовый гриб. Книгу о морских птицах она уже закончила и теперь готовила определитель болотных грибов. А на очереди была следующая книга, о бабочках и мотыльках.

Фасолевая похлебка с красным луком и ветчиной булькала в кривобокой кастрюле на дровяной плите – с новой, газовой, Киа так и не освоилась, а зимой и вовсе ею не пользовалась. Дождь стучал по жестяной крыше. Внезапно с улицы, перекрывая шум дождя, донесся натужный рев автомобиля, буксующего на мокром песке. С нарастающей тревогой Киа подошла к окну и увидела вязнувший в песчаной колее красный пикап.

Первой мыслью Киа было спрятаться, но машина уже выбралась из песка и остановилась перед крыльцом. Киа быстро присела на корточки и выглянула в окно – из машины высунулся человек в военной форме. Застыл на миг, окинул взглядом лес, тропу, лагуну. А затем вылез, аккуратно прикрыл дверцу и быстро пробежал к крыльцу. Раздался стук.

Киа беззвучно выругалась. Наверняка заблудился, станет дорогу спрашивать. Еще не хватало с ним связываться, лучше отсидеться, пока не уйдет.

– Эй! – раздался голос. – Есть кто дома? Здравствуйте!

Со смесью досады и любопытства Киа встала, прошла через гостиную с новенькой мебелью и открыла дверь. Гость, высокий, смуглый, стоял за сетчатой дверью. Накрахмаленная форма топорщилась, смахивая на панцирь, на груди пестрели орденские планки. Но в первую очередь взгляд притягивал неровный красный шрам от левого уха до верхней губы. Киа ахнула.

Ей вспомнилась Пасха, за полгода до маминого ухода. В то утро, распевая “Рок на века”, они с Ма под ручку зашли на кухню за яйцами, что раскрасили накануне вечером. Пока братья-сестры рыбачат, надо успеть и яйца припрятать, и курицу поставить в духовку, и печенье испечь. Старшие хоть и выросли, но все равно будут искать подарки – бегать по дому, заглядывать для виду во все углы, а потом хохотать, демонстрируя добычу.

Киа с Ма выходили из кухни, держа в руках корзинки с яйцами и шоколадными зайцами из “Кресса”, как вдруг перед ними вырос Па, сдернул с головы Киа нарядную весеннюю шляпку и, размахивая ею, набросился на Ма:

– Откуда у тебя деньги на это барахло? Шляпки, лаковые туфли! Яйца эти дурацкие, зайцы шоколадные! Признавайся! Откуда?

– Хватит, Джейк, уймись. Пасха ведь, это детям.

Он оттолкнул Ма.

– Знаю, на панель ходишь! Так ты деньги зарабатываешь? Говори!

Он схватил Ма за локти и потрянул так, что все лицо у нее мелко задрожало, одни широко раскрытые глаза остались неподвижными. Яйца посыпались из корзинки, покатались по полу цветными кругляшами.

– Па, не надо, пожалуйста! – закричала Киа, давясь слезами.

Он размахнулся и вlepил ей звонкую пощечину.

– А ну цыц, сопля несчастная! А ты снимай свое платье дурацкое и туфли. Вид как у шлюхи.

Киа схватилась за щеку и принялась собирать яйца, что покрасила Ма.

– Я к тебе обращаюсь! Откуда у тебя деньги? – Он достал из угла железную кочергу и двинулся на Ма.

С отчаянным визгом Киа схватила Па за руку, он ткнул Ма кочергой. Брызнула кровь, на пестром летнем платье добавилось красных пятнышек. С веранды неожиданно надвинулась чья-то широкая тень, Киа оглянулась – Джоди налетел сзади на Па, они покатались по полу. Джоди вскочил, заслонил Ма и Киа, крикнул: бегите! – и они бросились из дома. Но за миг до того Па ударил Джоди кочергой по лицу, хлынула кровь. Киа помнила все как сейчас. Джоди лежал на полу, среди раскрашенных яиц и шоколадных зайцев. Киа с Ма затаились в пальмовой рожице. Платье у Ма было в крови, и она все повторяла: ничего, яйца не разбились, а курицу запечь успеем. Киа не понимала, почему они прячутся, ведь Джоди умирает, надо его спасти, но от страха не могла шевельнуться. Выждав порядочно, прокрались они к дому, заглянули в окна, убедились, что Па нет.

Джоди лежал на полу в луже крови. “Он умер!” – разрыдалась Киа. Но Ма перетасила его на кровать, зашила рану швейной иглой. Когда все улеглось, Киа подобрала свою праздничную шляпку, во весь дух понеслась к лесу и зашвырнула ее в заросли меч-травы.

Сейчас, глядя на гостя, Киа выдохнула:

– Джоди!

Тот улыбнулся, криво, из-за шрама.

– Киа, я так надеялся, что ты здесь!

Они смотрели друг на друга, и каждый искал черты ребенка. Джоди не знал, что все эти годы он был с нею рядом – указывал ей путь через болото, посвящал ее в тайны жизни цапель и светлячков. Больше всех Киа тосковала по нему и по Ма. Память о шраме, о случившемся стерлась, опустилась на самое дно сознания. Но сейчас воспоминание всплыло, и Киа наконец поняла, почему ушла Ма. Ушла сразу после того случая. Красные пятна на ее платье обжигали отчетливым воспоминанием.

Джоди хотел обнять сестру, прижать к себе, – шагнул к ней, но Киа попятилась, и он прошел в дом.

– Заходи. – Киа ввела его в тесную гостиную, забитую экспонатами ее коллекции.

– Ох! – протяжно выдохнул Джоди. – Теперь мне все ясно. Я видел твою книгу, Киа. Не был уверен, что это ты, но теперь вижу. Это же чудо!

Он обошел комнату, рассматривая коллекции, а заодно и новую мебель, заглянул в спальни – не из праздного любопытства, а впитывая увиденное.

– Может, кофе или чаю?

Киа не понимала, приехал он навестить ее или же намерен остаться жить тут. Чего он хочет, через столько лет?

– Кофейку бы, с удовольствием. Спасибо.

На кухне, где стояли новые газовая плита и холодильник, он остановился перед старой дровяной печью. Провел рукой по облезлому кухонному столу, который Киа сохранила, с зарубками истории. Киа налила кофе, и они сели за стол.

– Так ты стал военным?

– Два срока оттрубил во Вьетнаме. Задержусь в армии еще на несколько месяцев. Армия мне много дала. Оплатили мне образование – Технологический институт Джорджии, машиностроение. Так что послужу еще немного, в благодарность.

Джорджия – не другой край света, мог бы и раньше объявиться. Но лучше поздно, чем никогда.

– Все вы разбрелись, – сказала Киа. – Па задержался дольше остальных, но тоже ушел. Не знаю куда, не знаю, жив он или сгинул.

– И ты с тех пор здесь одна?

– Да.

– Я не должен был оставлять тебя с этим извергом. Все эти годы меня совесть грызла. Я поступил как трус, безмозглый трус. И не смотри на эти чертовы медали, ничего они не стоят. Оставил тебя, совсем еще кроху, на болоте, с сумасшедшим. Ты меня, наверно, не простишь никогда.

– Ничего, Джоди. Ты и сам был ребенок. Что ты мог сделать?

– Мог бы вернуться, когда подрос. Сначала выживал как мог в подворотнях Атланты. – Джоди ухмыльнулся. – Уходя, я прихватил семьдесят пять центов из той кучки, что отец на кухне оставил, и ведь знал, что ворую у тебя, не у него. Перебивался случайными заработками, пока не забрали в армию. После учений – прямиком на войну.

Когда вернулся, уже слишком много времени прошло – думал, ты тоже давным-давно сбежала. Потому и не писал, решил не возвращаться, в наказание себе. Я тебя бросил – значит, не имею права вернуться. А два месяца назад выпустился из Технологического и в магазине увидел твою книгу. Кэтрин Даниэла Кларк. Чуть не сдох от радости и от боли, ну и решил тебя разыскать. И начал отсюда.

– Ну вот и отыскал. – Киа впервые улыбнулась. Глаза были у него те же. Тяготы меняют лица, но глаза – окно в прошлое, и Киа разглядела в них прежнего Джоди. – Джоди, мне так больно за тебя. Я тебя нисколько не виню. Ни ты, ни я не виноваты, мы оба жертвы.

Джоди улыбнулся:

– Спасибо, Киа.

Оба едва сдерживали слезы, оба прятали глаза.

Помолчав, Киа сказала:

– Ты не поверишь, но Па одно время обходился со мной по-доброму. Стал меньше пить, учил меня рыбу ловить, и на лодке мы с ним много ходили, избороздили все болото. Но потом опять запил, а вскоре исчез.

Джоди кивнул:

– Да, знавал я его и с хорошей стороны, но без бутылки он долго не мог продержаться. Он как-то обмолвился, что всему виной война. Я теперь понимаю, как она корежит человека. Но нельзя вымещать злобу на жене, на детях.

– А Ма, остальные? Ты слышал о них хоть что-нибудь? Где они сейчас?

– О Мэрфе, Мисси и Мэнди ничего не известно. На улице встречу – не узнаю. Разметало всех в разные стороны. А Ма... вот еще почему я хотел тебя разыскать, Киа. О ней есть новости.

– Новости? Какие? Рассказывай. – Руки у Киа похолодели до кончиков пальцев.

– Ничего хорошего, Киа. Я всего две недели как узнал. Ма умерла два года назад.

Киа поникла, спрятала лицо в ладонях. Из горла вырывались тихие всхлипы. Джоди потянулся к ней, но Киа отстранилась.

– У Ма есть сестра, ее зовут Розмари, она пыталась нас разыскать через Красный крест, когда Ма умерла, но не вышло у нее ничего. И только два месяца назад вышли на меня, через армию, помогли связаться с Розмари.

Киа хрипло прошептала:

– Все эти годы Ма была жива. День за днем я ее ждала, высматривала на тропинке. – Она встала, оперлась о раковину. – Почему она не вернулась? Почему никто мне не сказал, где она? А теперь поздно.

Джоди тоже встал, обнял, несмотря на ее сопротивление.

– Прости меня, Киа. Присядь. Расскажу тебе, что я узнал от Розмари. – Он дождался, пока Киа сядет, и продолжил: – Ма, когда ушла от нас, была больна – тяжелый нервный срыв; она вернулась в Новый Орлеан, свой родной город. Она была больна, телом и душой. Я немножко помню Новый Орлеан. Мне было лет пять, когда мы оттуда уехали. Помню только красивый дом с большими окнами, а за окнами сад. Но когда мы сюда

перебрались, отец запретил все разговоры о Новом Орлеане, о бабушке с дедушкой. И постепенно все почти стерлось из памяти.

– Я не знала.

– Розмари рассказала, что их родители с самого начала были против брака с Па. Когда Ма с Па уехали в Северную Каролину, у них не было ни гроша за душой. Спустя какое-то время Ма написала Розмари, жаловалась на жизнь – мол, живет она в хижине посреди болота, а муж-забулдыга колотит ее и детей. А спустя годы вдруг объявилась. В своих любимых туфлях под крокодилову кожу. Грязная, со спутанными волосами. Несколько месяцев Ма молчала, ни слова не говорила. Жила в своей бывшей комнате в родительском доме, к еде почти не притрагивалась. К ней приглашали, ясное дело, докторов, но никто ей помочь не мог. Мамин отец связался с шерифом из Баркли-Коув, спросил, где ее дети, но ему ответили, что за болотным людом следить – гиблое дело.

Киа не сдержала всхлип.

– Наконец, спустя почти год, у Ма случилась истерика и она сказала Розмари: кажется, я бросила детей. Розмари помогла ей написать письмо Па с просьбой отпустить нас в Новый Орлеан. Па ответил угрозами: если она вернется или свяжется с кем-то из нас, то он нас изувечит. И Ма знала, что это не пустые слова.

То самое письмо в голубом конверте. Ма спрашивала про нее, про них про всех. Ма хотела ее увидеть. Но последствия оказались совершенно иными. Письмо разъярило отца, и он снова запил; Киа потеряла и его. Она не сказала Джоди, что до сих пор хранит в баночке пепел от письма.

– Розмари говорила, что друзей Ма так и не завела, за стол с семьей не садилась, ни с кем не общалась. Лишила себя всех радостей жизни. Со временем она начала говорить – и через слово вспоминала детей. Розмари сказала, что Ма любила нас всю жизнь, но ее надломилась мысль о том, что мы пострадаем, если она вернется, а если не вернется – останемся брошенными. Она от нас ушла не ради другого мужчины – она повредила в уме, не понимала, что делает.

– Отчего она умерла?

– Лейкемия. Розмари говорит, ее можно было спасти, но Ма отказывалась лечиться. Просто истаяла, и два года назад ее не стало. Розмари сказала, что Ма как жила, так и умерла – во тьме, в молчании.

Они притихли. Киа вспомнилось стихотворение Голуэя Киннелла, которое Ма отметила в сборнике:

Я счастлив, что всему конец;

Осталось у меня лишь сожаленье,

Что я так страстно жить хотел.

...Прощай.

Джоди встал:

– Пойдем со мной, покажу тебе кое-что.

Они вышли во двор, дождь уже прекратился, Джоди подвел ее к пикапу, отстегнул брезентовое полотнище и достал из кузова большую картонную коробку, открыл и вытащил завернутые в бумагу картины в рамах. Расставил их в кузове вдоль бортов. На одной три девочки – Киа с сестрами, – сидя на корточках, любуются стрекозами. На другой – Джоди и Мэрф со связкой рыбы.

– Я их привез на случай, если ты здесь. Это Розмари мне дала. Сказала, что все эти годы Ма рисовала нас.

На одной из картин все пятеро будто наблюдали за художником. На другой Киа смотрела в глаза сестрам и братьям, а те – на нее.

Она спросила шепотом:

– Кто есть кто?

– Что?

– Ни одной фотографии не сохранилось. Я никого не помню. Кто есть кто?

– А-а... – У Джоди на миг перехватило дыхание. – Ну, это Мисси, старшая. Это Мэрф. Вот этот славный карапуз – разумеется, я. А это ты.

Он дал ей время рассмотреть, потом сказал:

– Взгляни на эту.

И указал на картину маслом, поражающую яркостью красок, – двое детей на корточках среди изумрудной травы и полевых цветов. Девочка – совсем малышка, лет трех, прямые черные волосы до плеч. Мальчик чуть постарше, светловолосый, вихрастый, показывает пальцем на бабочку-монарха, застывшую на ромашке, расправив желтые с черным узором крылья. Рука мальчика на плече у девочки.

– Это, наверное, Тейт Уокер, – пояснил Джоди. – А это ты.

– Видимо, да. Точно он. А почему Ма рисовала Тейта?

– Он к нам часто заходил, мы с ним вместе рыбачили. И он вечно тебе показывал всяких букашек.

– А почему я не помню?

– Ты была совсем маленькая. Однажды Тейт приплыл в лагуну, а там Па со своим мешком, пьяный вдрызг. Ты шлепала по мелководью, а он должен был за тобой присматривать. Вдруг ни с того ни с сего Па как схватит тебя за руки и давай трясти, у тебя чуть голова не оторвалась. А потом швырнул тебя в грязь и знай себе хохочет. Тейт выскочил из лодки, подбежал к тебе. Было ему тогда лет семь-восемь, не больше, но он не испугался, закричал на Па. Тот, ясное дело, его ударил, заорал: вон с моей земли, и чтоб духу твоего здесь не было, а не то пристрелю! Мы сбежались посмотреть, что стряслось. Па бушевал, а Тейт взял тебя на руки и отнес к Ма. И ушел, только когда убедился, что ты цела и невредима. Мы с ним и после рыбачили иногда, но бывать у нас он перестал.

“До того дня, когда я заблудилась на болоте”, – подумала Киа. Она смотрела на картину – нежные краски, безмятежность. Даже из безумия Ма сумела извлечь красоту. Глядя на эти картины, можно было решить, что на них счастливейшая из семей – живут у моря, резвятся под сияющим солнцем.

– Ма была одинока, оторвана от всех. В таких обстоятельствах люди меняются.

Киа аж застонала:

– Прошу, не говори мне про одиночество. Не надо мне объяснять, что оно творит с человеком. Я на себе испытала. Я и есть ходячее одиночество! Я прощаю Ма за то, что она ушла, но не понимаю, почему она не вернулась, почему бросила меня. Ты наверняка не помнишь, но после ее ухода ты мне сказал как-то, что лиса, бывает, бросает лисят, если не может их прокормить или если она попала в беду. Что лисята погибнут – да они бы и так погибли, – зато лиса доживет до лучших времен, вырастит новый выводок. С тех пор я много про это читала. В дикой природе – в глуши, там, где раки поют, – такое поведение, внешне жестокое, позволяет самке оставить больше потомства, да и генетическая программа – бросать детенышей в тяжелые времена – передается по наследству. Из поколения в поколение. И у людей та же история. Некоторые действия, по нынешним меркам варварские, когда-то помогали нашим предкам выжить, выбраться из любой трясины. Благодаря этому живы и мы. Эти инстинкты заложены в генах и при определенных обстоятельствах могут проявиться. В нас дремлет наша первобытная сущность – то, благодаря чему люди выжили. Может, и в Ма проснулась эта генетическая память – первобытная, теперь ненужная – и заставила ее бросить нас, из-за отчаяния и ужаса, оттого что жить с Па было и вправду опасно. Но это не оправдание, она должна была остаться. Зная, что такое заложено в нашей природе, можно простить даже самую плохую мать. И я понимаю, почему она ушла, но не понимаю, почему не вернулась. Почему не написала мне ни строчки. Она ведь могла писать мне письмо за письмом, год за годом, и хоть одно бы дошло.

– Думаю, есть в жизни многое такое, чего нельзя объяснить, остается только простить – или не простить. Я не знаю ответа. Может, его и нет. Мне жаль, что принес дурную весть.

– Почти всю жизнь я прожила одна, не имея никаких вестей от родных. И вот внезапно обрела брата и потеряла мать.

– Прости меня, Киа.

– Ты ни в чем не виноват. На самом деле Ма я потеряла много лет назад, а сейчас ты вернулся, Джоди. Слов нет, как я хотела тебя увидеть. Не было в моей жизни счастливей дня – и печальней.

Киа легко коснулась его руки. Джоди уже успел понять, до чего скупа она на ласку.

Они вернулись в хижину, и Джоди обвел взглядом новую мебель, свежевыкрашенные стены, самодельные кухонные шкафчики.

– Как же ты управлялась одна, Киа? До того как вышла книга, где ты брала деньги, одежду?

– А-а, это длинная и нудная история. В основном продавала Скоку мидий, устриц, копченую рыбу.

Джоди расхохотался:

– Скоку?! Сто лет о нем не вспоминал! Как он, жив-здоров?

Киа не рассмеялась.

– Скок все эти годы был мне другом – лучшим, единственным. Он и есть моя семья, чайки не в счет.

Улыбка сошла с лица Джоди.

– Разве у тебя не было в школе друзей?

– За всю жизнь я в школе проучилась один день. – Киа усмехнулась. – Меня там задразнили, и больше я туда не возвращалась. Неделями пряталась от инспекторов. Тут мне твоя наука и пригодилась.

Джоди был потрясен.

– Как же ты читать научилась? Ты же книгу написала!

– Вообще-то читать меня научил Тейт Уокер.

– Вы с ним видитесь?

– Изредка. – Киа подошла к плите. – Еще кофе?

Здесь так и веет одиночеством, думал Джоди. Об одиночестве говорило все: и несколько луковиц на дне корзины, и сушилка с одной-единственной тарелкой, и кукурузный хлеб, бережно завернутый в посудное полотенце, как у старушки-вдовы.

– Мне хватит, спасибо. Прокатимся по болоту? – предложил Джоди.

– Давай. Представь себе, мотор у меня новый, а лодка все та же.

Солнце пробилось сквозь облака, пригрело не по-зимнему. Киа вела лодку узкими протоками, зеркальными устьями, и Джоди то и дело вскрикивал, узнав то корягу, то поворот. Оба смеялись, когда вошли в лагуну, где Киа с мамой и сестрами посадили лодку в грязь.

Когда вернулись в хижину, Киа собрала еду для пикника, и они обедали на пляже, а над ними кружили чайки.

– Я была совсем маленькая, когда все разбежались. Расскажи мне про остальных.

И Джоди принялся рассказывать, как их старший брат Мэрф таскал Киа по лесу на плечах.

– Ты без конца хихикала. Он бегал кругами, а ты у него на закорках. А однажды ты со смеху напрудила ему на шею.

– Да ну! Неправда! – Киа зашлась хохотом.

– А вот и правда. Мэрф орет-надрывается, но не останавливается и тебя не сбрасывает, так вы вместе и окунулись в лагуну. Мы все смотрели – Ма, Мисси, Мэнди, я – и хохотали до слез. Ма от смеха даже на ногах не удержалась, так и плюхнулась на землю.

Киа слушала, а перед глазами вставали картины. Теперь и у нее есть семейная история, хотя бы обрывки.

– Это Мисси завела обычай кормить чаек, – сказал Джоди.

– Что? Правда? Я-то думала, я сама начала, когда осталась одна.

– Нет, это она их подкармливала каждый день, если удавалось. И всем придумала клички. Помню, одного звали Рыжик. Ну, знаешь, за рыжее пятно на клюве.

– Здесь сейчас, конечно, не тот же самый, – на моей памяти несколько Рыжиков сменилось. Но вон тот, слева, – нынешний Рыжик.

Киа пыталась оживить в памяти сестру, подарившую ей чаек, но видела перед собой лишь лицо с картины. Ну что ж, и на том спасибо.

Она знала, что красное пятнышко на клюве у чаек не для красоты. Птенцы тычутся клювами в пятно, взрослая чайка разевает клюв и отрыгивает им пищу. Если пятно закрасить, родители перестанут кормить птенцов и те умрут от голода. Даже в природе связь между детьми и родителями рвется легче, чем мы думаем.

Они посидели молча, потом Киа сказала:

– Я о том времени мало что помню, ничего не поделаешь.

– Повезло тебе. Пусть так и останется.

Так они и сидели, примолкшие. Без воспоминаний.

* * *

Киа приготовила ужин по-южному, по-маминому: спаржевая фасоль с красным луком, жареная ветчина, кукурузный хлеб с хрустящей корочкой, лимская фасоль в молоке и масле. На сладкое – ежевичный пирог со взбитыми сливками и бурбоном, что привез Джоди. За ужином брат спросил, может ли погостить несколько дней, и Киа ответила: оставайся сколько хочешь.

– Эта земля теперь твоя, Киа. Твоя по праву. Нас разместили сейчас в Форт-Беннинге, поэтому надолго не смогу остаться. А когда отслужу, то устроюсь, наверное, на работу в Атланте, и мы друг друга из виду не потеряем, хочу с тобой видеться почаще. Главное для меня – знать, что все у тебя хорошо, больше мне ничего в жизни и не надо.

– Буду рада, Джоди. Приезжай в любое время.

Следующим вечером они сидели на пляже, опустив в воду босые ноги; Киа, против обыкновения, разговорилась и через слово вспоминала Тейта. Рассказывала, как в детстве заблудилась на болоте, а Тейт проводил ее до дома. И про то первое стихотворение, что он ей прочел. И про игру в перышки, и как он учил ее читать, и что теперь он биолог. Он был ее первой любовью, но бросил ее, когда уехал учиться, – оставил ждать на берегу лагуны. На том все у них и кончилось.

– Давно это было? – спросил Джоди.

– Лет семь назад, когда он уехал в Чапел-Хилл.

– Вы после этого виделись?

– Он приходил, просил прощения, сказал, что до сих пор меня любит. Это он меня надоумил писать книги. Приятно видеть его здесь, на болоте, но снова с ним связываться – нет уж, спасибо. Ненадежный он человек.

– Киа, семь лет прошло. Он был мальчишкой, впервые оказался вдали от дома, кругом сотни красивых девушек. Раз он пришел извиниться, сказал, что любит тебя, – значит, не суди его строго.

– Большинство мужчин меняют женщин. А самые непорядочные еще и хвост распускают, увлекают тебя ложью. Потому, наверно, мама и влюбилась в такого, как отец. Тейт не единственный, кто меня бросил. Чез Эндрюс даже о свадьбе речь заводил, а женился на другой. А мне ничего не сказал, я из газеты узнала.

– Жаль, ей-богу, но, Киа, не одни мужчины изменяют. Меня тоже обманывали, бросали, предавали не раз. Ты пойми, любовь далеко не всегда бывает счастливой. Но даже несчастная любовь связывает нас с людьми, а ведь это главное, что есть у нас в жизни, – узы. Взять, к примеру, нас с тобой, мы отыскали друг друга, и представь, у нас обоих будут дети – вот новая цепочка связей. И так далее. Киа, если тебе дорог Тейт, рискни.

Киа вспомнила мамину картину: она и Тейт маленькие, голова к голове, среди бело-розовых цветов и бабочек. Может, это и есть благословение Ма?

* * *

На третий день утром они распаковали мамины картины – кроме одной, которую Джоди оставил себе, – и развесили на стенах. В домике сразу стало светлее, будто новые окна открылись. Киа, отступив, разглядывала: снова на стенах мамины картины, разве не чудо? Не все уничтожил огонь.

Она проводила Джоди к пикапу, дала ему пакет с едой, что собрала в дорогу. Оба смотрели в чашу, на тропу – куда угодно, только не в глаза друг другу.

Наконец Джоди сказал:

– Ну, мне пора, но вот мой адрес и телефон, – и протянул Киа клочок бумаги.

У нее ком стоял в горле. Опершись левой рукой о кузов, правой она взяла листок. До чего все просто: бумажка с адресом брата. И до чего удивительно: отныне у нее есть связь с семьей. Телефонный номер: наберешь – и брат ответит. Когда Джоди притянул ее к себе, она напряглась, но – спустя вечность – приникла к нему и разрыдалась.

– Я и не надеялась с тобой свидеться. Думала, ты пропал навсегда.

– Никуда я больше не денусь, честное слово. Если надумаю переезжать, пришлю тебе новый адрес. Буду тебе нужен – звони, пиши, слышишь?

– Да. А ты приезжай погостить, как только сможешь.

– Киа, разыщи Тейта. Он хороший человек.

Джоди махал ей из окна машины, а Киа смотрела на него, улыбаясь и плача. Вскоре он свернул на большую дорогу, замелькала среди листвы красная кабина, как когда-то белая косынка, – и растворилась в зелени.

1969

– Ну вот, опять ее нет, – сказал Джо, постучав по раме сетчатой двери.

Эд стоял на дощатых ступенях, глядя из-под руки сквозь проволочную сетку. Могучие ветви дуба с длинными прядями испанского мха бросали тени на посеревшую от времени островерхую хижину. Сквозь листву хмурилось ноябрьское небо.

– Ясное дело, где-то прячется. Ну и неважно, у нас ордер на обыск. Заходи, и все. Спорим, что дверь не заперта.

Джо отворил дверь, крикнул:

– Эй, хозяйева! Это шериф.

Переступив порог, они изумленно замерли, глядя на экспонаты.

– Эд, глянь-ка! Ничего себе! Она, видно, слегка того – как крыса трехглазая.

– Может, и так, зато болото знает как свои пять пальцев. Книги о нем пишет как-никак. Ну, давай за дело. Вот что нам надо искать. – Шериф зачитал вслух небольшой список: – “Красные шерстяные предметы одежды; дневник, календарь или записи с упоминанием места и времени; подвеску с раковиной; корешки билетов на ночные автобусы”. И все оставим на местах, ни к чему тут порядок нарушать. Можем всюду заглянуть, ничего не сломав.

– Да, понял. Да тут настоящее святилище! Аж мурашки по коже.

– Да уж, работенка предстоит адова, – вздохнул шериф, осторожно отодвигая одно из птичьих гнезд. – Начну со спальни.

Работали молча – рылись в платяных шкафах, заглядывали в тумбочки, двигали банки со змеиными шкурками и акульими зубами.

Минут через десять Джо позвал:

– Иди сюда, взгляни-ка на это!

Когда Эд вышел на веранду, Джо сказал:

– Знаешь, что у самок птиц всего один яичник?

– Что ты несешь?

– Вот, смотри. Судя по этим рисункам и записям, у самок птиц только один яичник.

– Черт подери, Джо! У нас тут не урок биологии. Работай, не отвлекайся.

– Подожди секунду. Вот, видишь? Это перо самца павлина, а в записях сказано, что за миллионы лет перья у самцов отрастали все длинней и длинней, для привлечения самок, и в итоге самцы едва могут оторваться от земли. Летать почти разучились!

– Ты все? У нас работы невпроворот.

– Увлекся, очень уж интересно.

– За дело, приятель!

* * *

Минут через десять Джо снова подал голос. Выйдя из тесной спальни и стоя на пороге гостиной, шериф сказал:

– Попробую-ка угадать. Ты нашел чучело трехглазой мыши.

Ответа не последовало, но когда Эд вышел на веранду, Джо помахал красной шерстяной кепкой.

– Где ты ее нашел?

– Вот здесь, на крючке, вместе с куртками, шапками и прочим.

– Прямо тут, на виду?

– Да, прямо тут.

Шериф достал пластиковый пакетик с красными волокнами, взятыми с джинсовой куртки Чеза в ночь его гибели, и приложил к красной кепке.

– На вид те же самые. Цвет, размер, толщина – все сходится, – подтвердил Джо, изучив кепку и образец.

– Да, верно. И там и там пушистая бежевая шерсть вперемешку с красной.

– Вот и разгадка!

– Кепку, ясное дело, на экспертизу. И если волокна совпадут, допросим Болотную Девчонку. Кепку – в пакет, и подписать не забудь.

Провозившись еще часа четыре, они встретились на кухне.

Эд потянулся.

– Думаю, если бы было еще что, то уже попало бы на глаза. Если надо, приедем снова. А на сегодня хватит.

Возвращаясь по разбитой дороге в город, Джо рассуждал:

– Наверно, будь это ее рук дело, спрятала бы красную кепку подальше, а не вешала на виду.

– Может, она не думала, что волокна останутся на его куртке. Или что в лаборатории их могут опознать. Наверняка она ни о чем таком не знает.

– Что ж, зато знает много чего другого. Про всяких там самцов павлинов, как они из-за самок даже летать разучились. Не пойму, к чему все это, но тут что-то явно непросто.

Однажды в июле 1969-го, после появления Джоди прошло больше семи месяцев, в почтовом ящике очутилась вторая книга: Кэтрин Даниэла Кларк, “Птицы Восточного побережья”, – необычайной красоты, с богатейшими подробностями. Киа провела рукой по роскошной обложке – с ее же рисунком, серебристой чайкой. И улыбнулась:

– Ну что, Рыжик, и ты на обложку угодил!

С пакетом в руках Киа свернула к дубовому леску, поискать грибы и зарисовать их. Влажная лесная подстилка холодила босые ноги, неподалеку желтела семейка поганок. Внезапно Киа замерла. На старом пне стояла картонка из-под молока, красная с белым, как когда-то, давным-давно. Киа звонко рассмеялась.

Внутри оказался завернутый в папиросную бумагу старый армейский компас в медном футляре, позеленевшем от времени. Киа не сдержала восторженного возгласа. Конечно, она и без компаса всегда могла разобраться со сторонами света, однако в пасмурные дни, когда солнце пряталось за облаками, с компасом было бы сподручнее.

Она развернула записку.

Дорогая Киа, это компас моего дедушки, с Первой мировой. Дедушка мне его подарил, когда я был маленьким, но я им не пользовался, вот и подумал – вдруг тебе он будет нужнее?

С любовью, Тейт

Р. С. Рад, что ты можешь прочесть эту записку!

Киа перечитала слова “дорогая” и “с любовью”. Тейт. Золотоволосый мальчик в лодке, который перед грозой показал ей дорогу домой, оставлял ей в подарок птичьи перья, учил ее читать; нежный подросток, ее первая любовь, свидетель ее превращения из девочки в девушку; молодой ученый, убедивший ее писать.

Киа подарила ему свою книгу о моллюсках, но стоило ей увидеть его на болоте, как тут же пряталась в заросли, спешила уплыть незамеченной. Ложные сигналы светлячков – вот и все, что знала она о любви.

Джоди убеждал ее не отталкивать Тейта. Но когда она думала о Тейте или видела его, то внутри снова сталкивались прежняя любовь и боль от предательства. Уж перевесило бы что-нибудь одно.

Несколько дней спустя Киа скользила в лодке сквозь утренний туман; компас она положила в рюкзак, хоть и знала, что вряд ли он ей понадобится. Она хотела поискать редкие цветы на песчаном мысу, уходившем в море, а заодно краем глаза высматривала лодку Тейта.

Туман упорно не желал рассеиваться, тянул щупальца к корягам и нижним ветвям деревьев, воздух был неподвижен, птицы и те затихли. Киа медленно плыла по протоке. Невдалеке послышался мерный стук весла о борт – тук, тук! – и вынырнула из тумана призрачная лодка.

Все ярче проступали краски. Золотые волосы, красная кепка. Тейт, будто явившийся из сна, стоял на корме старой рыбацкой плоскодонки, орудуя шестом. Киа заглушила мотор, схватила весла, дала задний ход – и смотрела из тростника, как он проплывает мимо. Всю жизнь она только и делает, что смотрит, как он проплывает мимо.

На закате, уняв наконец растревоженное сердце, Киа стояла на пляже и читала вслух:

Заката час – всегда загадка.

Свет отражен, и искажен,

И лжив.

Сумерки – как туман,

Прячут следы,

Прячут обман.

И время нас не учит ничему:

Мы видим пламенеющий закат,

И дела нет нам до того,

Что солнце

Давно за горизонтом.

Сумерки словно туман,

Прячут правду, прячут обман.

36

Ловушка на лисицу

1969

Дверь в кабинет шерифа была нараспашку, и Джо вошел без стука.

– Заключение готово.

– Ну-ка, посмотрим.

Оба пробежали глазами страницы.

– Оно самое! – воскликнул Эд. – Все сходится. Волокна от ее кепки были найдены на куртке мертвого Чеза. – Шериф хлопнул пачкой листов по ладони. – Вспомним, что у нас есть. Первое: показания рыбака, что мисс Кларк плыла на лодке в сторону вышки незадолго до того, как Чез разбился. Его товарищ готов подтвердить. Второе: по словам Патти Лав, подвеску для Чеза сделала мисс Кларк, а в ночь его гибели подвеска исчезла. Третье: волокна с кепки мисс Кларк найдены на его куртке. И наконец, мотив: месть обманутой женщины. Алиби мы можем опровергнуть. Этого достаточно.

– Слабое место – мотив, – заметил Джо. – Если тебя бросили, это не повод для убийства.

– От разгадки мы пока далеки, но у нас достаточно оснований, чтобы вызвать ее на допрос. Или даже предъявить обвинение. Осталось заполучить ее сюда, а там как пойдет.

– Но в том-то и загвоздка, а? Как ее заполучить? Она годами от всех ускользала. От школьных инспекторов, переписчиков, да от всех. И от нас тоже. Бегаем за ней по болоту как последние болваны.

– Да неважно это. Если в прошлом ее не могли поймать, это не значит, что не сможем и мы. Но надо что-то похитрей придумать. В ловушку ее заманить.

– А-а. Вот что, – воодушевился помощник, – в ловушках я кое-чего смыслю. Вот взять лису, эта хитрая тварь любую ловушку перехитрит. Врасплох нам ее не застать. Столько раз мы к ней ломились – медведь бы и тот испугался. Может, собак на нее натравить? Это дело верное.

Шериф хмыкнул:

– Ну не знаю. Может, я к старости становлюсь мягкотелым, пятьдесят один не шутка, но бегать с собаками за девушкой, чтобы привести ее на допрос, – не по-людски это. С беглыми уголовниками – еще ладно. Но у нее, как у всех, презумпция невиновности, да и травить собаками женщину – дикость. Разве что как самое последнее средство, только не сейчас.

– Понял. Тогда какая ловушка?

– Это нам как раз и предстоит придумать.

* * *

Пятнадцатого декабря, когда Эд и Джо в который уже раз обсуждали, как заманить Кию, в дверь кабинета постучали. За матовым стеклом маячила широкая тень.

– Войдите! – крикнул шериф.

Когда гость зашел, Эд сказал:

– А-а, привет, Родни. Чем можем помочь?

Родни Хорн, бывший механик, что ни день рыбачил с приятелем, Дэнни Смитом. В городке он слыл тихим, степенным, вечно ходил в рабочем комбинезоне. Не пропускал ни одной церковной службы, но и в церковь являлся тоже в комбинезоне – поверх выходной рубашки, которую его жена Элси стирала, гладила и туго крахмалила.

Родни сдернул войлочную шляпу, прижал к животу. Эд предложил ему стул, но Родни мотнул головой.

– Я ненадолго. Насчет дела Чеза Эндрюса.

– Что там у тебя? – спросил Джо.

– В общем, случилось это некоторое время назад. Мы с Дэнни рыбачили нынче летом, тридцатого августа, и кой-чего видели в Кипарисовой бухте. Думаю, это вас может заинтересовать.

– Рассказывай, – велел шериф. – Только, прошу, сядь ты ради бога.

Родни сел и минут пять рассказывал. Проводив его, Эд и Джо переглянулись.

Джо сказал:

– Ну вот и мотив.

– Надо заполучить ее наконец.

37

Серые акулы

1969

Как-то утром, за несколько дней до Рождества, Киа раньше обычного бесшумно причалила у пристани Скока. С тех пор как к ней повадились то шериф, то его помощник – за их жалкими попытками она наблюдала из пальмовых зарослей, – бензин и продукты она стала покупать до зари, когда все, кроме рыбаков, еще спали. В то утро над беспокойным морем клубились низкие облака, а с востока на горизонте маячил тугой хлыст торнадо. Надо скорей покончить с делами у Скока, пока не налетел ураган. Причал проступил в дымке лишь за четверть мили. Киа сбросила скорость, вгляделась в туман, не видно ли поблизости лодок. Когда оставалось ярдов сорок, она различила Скока, сидевшего в древнем кресле у стены, и помахала. Но он не махнул в ответ, даже не встал, лишь отрицательно качнул головой. Киа остановила лодку.

И махнула опять. Скок смотрел прямо на нее, но даже не шевельнулся.

Выкрутив румпель, Киа круто развернулась назад, прочь от берега. И тут из тумана выступил большой катер, за штурвалом стоял шериф. По бокам катера – две моторки, а по пятам за ними – торнадо.

Киа, поддав газу, наметила курс меж катящихся валов, и лодка понеслась в открытое море, подсакивая на белых гребнях. Киа хотела добраться кратчайшим путем до болота, но катер шерифа был слишком близко, того и гляди перехватит.

Море уже не просто волновалось, а вскипало. Киа неслась прямо на грозу, опасность становилась все ощутимей. Спустя секунды хлынул ливень. Киа мгновенно вымокла до нитки, мокрые волосы липли к лицу. Она встала носом к ветру, чтобы не перевернуться, но нос лодки захлестнуло.

Зная, что их катера быстрее, Киа под шквалистым ветром рванула вперед. Вдруг удастся затеряться в этом хаосе или броситься в море и вплавь добраться до берега? Киа уже прикидывала, как прыгнуть в воду, – казалось, так проще всего спастись. Берег близко, и наверняка есть подводное течение, которое подхватит ее. Не успеют они оглянуться, а она уже будет далеко. Так, высываясь время от времени из воды, доберется она до берега и скроется в зарослях.

За спиной, заглушая вой ветра, ревели моторы. Все ближе и ближе. Но Киа была не из тех, кто сдается. Надо прыгать, прямо сейчас. Но катера уже сгрудились вокруг нее стайей серых акул, обложили со всех сторон. Одна из лодок просвистела перед ней, задев нос бортом. Киа отбросило назад. Шериф схватил ее лодку за планширь, вокруг бесились волны. Двое полицейских прыгнули к ней в лодку, и помощник шерифа прокричал:

– Мисс Кэтрин Кларк, вы арестованы по подозрению в убийстве мистера Чеза Эндрюса. Вы имеете право хранить молчание...

Дальше она не слышала. До конца никто никогда не дослушивает.

38

Воскресный судья

1970

Киа заморгала от яркого света ламп над головой и от солнца, бывшего в высокие, от пола до потолка, окна. Два месяца провела она в полумраке, а теперь, когда глаза привыкли к яркому свету, увидела за окнами край болота, ветвистые дубы, ковер из пышных папоротников, вечнозеленого остролиста. Она залюбовалась живительной зеленью, но чьи-то уверенные руки уже подтолкнули ее к длинному столу с рядом стульев, на одном из которых сидел Том Милтон, ее адвокат. В зал суда ее привели в наручниках, и ладони, будто сжатые в молитве, затекли. Киа была в строгих черных брюках и простой белой блузке, за спиной коса; на публику она и не оглянулась, но ощущала присутствие людей, собравшихся посмотреть, как ее будут судить за убийство. Увидеть ее в наручниках. Ее замутило от запаха пота, застарелого сигаретного дыма, дешевых духов. Когда она приблизилась к скамье подсудимых, гул в зале стих, по рядам пронесся шепоток; все звуки она слышала будто издали, их заглушало ее дыхание, прерывистое, натужное. Пока снимали наручники, она разглядывала гладкие сосновые половицы, затем тяжело опустилась на скамью. Двадцать пятое февраля 1970-

го, девять тридцать.

Том наклонился к ней и шепнул: все будет хорошо. Киа не ответила, лишь посмотрела ему в глаза, ища в них искренность, хоть какую-то надежду. Не то чтобы она верила в хороший исход, просто впервые за всю жизнь полностью полагалась на другого человека. Осанистый, несмотря на свои семьдесят один, с густой шевелюрой, Том носил старомодные полотняные костюмы с непринужденным, хоть и слегка комичным изяществом сельского джентльмена. Двигался он плавно, говорил негромко, с лица не сходила благожелательная улыбка.

Судья Симс назначил было для мисс Кларк молодого адвоката, поскольку она не воспользовалась правом выбрать себе защитника, но узнавший об этом Том Милтон вызвался представлять ее интересы бесплатно, хоть он уже и удалился от дел. Как и все, он был наслышан о Болотной Девчонке и за последние годы видел ее не раз: то она бесшумно скользит в лодке сквозь плавни, то выскакивает с покупками из магазина – воровато, как енот из мусорного бачка.

Два месяца назад он впервые навестил Киа в тюрьме, она сидела за столом в темной клетушке. На него девушка даже не взглянула. Том представился, сказал, что будет ее защищать, но она не ответила, не подняла глаз. Ему захотелось ласково коснуться ее руки, но что-то его удержало – то ли ее напряженная поза, то ли глаза, отстраненные и безучастные. Пытаясь поймать ее взгляд, он принялся объяснять, как проходит судебный процесс, чего ей ожидать, а затем стал задавать вопросы. Но она молчала, не шевелилась, не смотрела на него. Когда ее уводили, она обернулась, глянула в крохотное окошко на небо. Над городской пристанью кричали чайки, и казалось, она видит их голоса.

Когда Том пришел во второй раз, то достал из бурого бумажного пакета подарочное издание и положил перед Киа на стол. Называлась книга “Редчайшие раковины мира”, внутри – роскошные иллюстрации, раковины из самых отдаленных уголков планеты, в натуральную величину, написанные маслом. Киа, приоткрыв рот, медленно листала страницы и кивала. Том дал ей время налюбоваться. А потом заговорил, и на этот раз Киа посмотрела ему в глаза. Спокойно и терпеливо стал он растолковывать, что происходит в суде, даже набросал схему зала – со скамьей присяжных, местами судьи, адвоката, подсудимого. И пририсовал судебного пристава, судью, секретаря, объяснив роль каждого.

Как и при первой встрече, он перечислил улики против нее, попытался расспросить, где она была в ночь гибели Чеза, но Киа спряталась в свою раковину, стоило упомянуть о подробностях. Когда Том собрался уходить, Киа через стол придвинула к нему книгу, но адвокат сказал:

– Нет, это вам. В подарок.

Киа закусила губу и часто заморгала.

* * *

И вот Киа в зале суда; Том пытался отвлечь ее от суеты, показывал на рисунке, что где, но он зря старался. Без четверти десять все места были заняты, зал гудел от голосов, постоянно прорезались в шуме слова: улики, смертный приговор. В глубине зала имелся балкон на двадцать мест, предназначенный для черных, однако в тот день сидели там в основном белые, черных лишь несколько человек, ведь и подсудимая, и жертва – белые. Отгороженный закуток впереди занимали журналисты из “Атланта

Конститюшн” и “Роли Гералд”. Те, кому мест не хватило, жались вдоль дальней стены и под высокими окнами. Ерзали, перешептывались, сплетничали. Болотную Девчонку обвиняют в убийстве, больше ничего вразумительного. Воскресный Судья, местный кот, – с черной спиной, белой мордой и черной маской вокруг изумрудных глаз – растянулся в лужице солнечного света на широком подоконнике. В здании суда он жил уже много лет, да не просто так – ловил в подвале крыс, а в зале суда – мышей.

Баркли-Коув – первое поселение, основанное на этом изрезанном, болотистом участке побережья Северной Каролины, – был провозглашен центром округа, и первое здание суда здесь построили в 1754-м. И хотя потом расцвели соседние города, вроде Си-Окс, администрация так и осталась в Баркли-Коув.

Первое здание суда, деревянное, сгорело почти дотла в 1912-м от удара молнии. Через год на том же месте, на пяточке в конце Главной улицы, построили новое – двухэтажное, кирпичное, с высокими окнами, отделанными гранитом. К началу шестидесятых сюда вплотную подобралась болотная растительность – злаки, пальмы, даже камыши – и заполонила некогда ухоженный двор. Заросшая водяными лилиями лагуна каждую весну разливалась и за годы подмыла часть тротуара.

Однако зал суда, точная копия оригинала, выглядел величественно. На возвышении стояла судейская скамья красного дерева, с инкрустированной печатью штата, за нею – ряд флагов, в их числе флаг Конфедерации. Барьер скамьи присяжных, тоже красного дерева, был отделан виргинским можжевельником, а окна выходили на море.

Когда в зал вошли представители суда, Том, указав на нарисованных человечков, стал объяснять Кию, кто есть кто.

– Это судебный пристав Хэнк Джонс, – сказал он, когда вышел вперед долговязый человек лет шестидесяти, с лысиной на полголовы, в серой форме, на широком ремне – рация, фонарик, внушительная связка ключей и шестизарядный “кольт” в кобуре.

Мистер Джонс обратился к публике:

– Прошу прощения, ребята, но правила пожарной безопасности все тут знают. Всех, кому мест не хватило, прошу на выход.

– Это мисс Генриетта Джонс, дочь пристава, секретарь суда, – объяснил Том, когда в зал тихонько вошла молодая женщина, высокая и худая, в отца, и заняла место за столом подле судейской скамьи.

Окружной прокурор мистер Эрик Честейн, уже сидевший на своем месте, достал из портфеля блокноты. Эрик, рыжий здоровяк – под метр восемьдесят, грудь бочкой, – был, как всегда, в синем костюме и аляповатом галстуке, купленном в Эшвилле.

Пристав Джонс объявил:

– Встать, суд идет. Председательствует почетный судья Гарольд Симс.

В зале воцарилась тишина. Открылась боковая дверь, вошел судья Симс, подал всем знак садиться и подозвал к скамье прокурора и адвоката. Кряжистый, круглолицый, с пышными седыми бачками, Симс жил в Си-Окс, но уже девять лет был судьей в Баркли-Коув. Он слыл толковым, взвешенным, справедливым. Голос его прогремел на весь зал:

– Мистер Милтон, ваше ходатайство о передаче дела в другой округ на основании того, что здешний суд настроен против мисс Кларк, отклонено. Согласен, она жила в необычных условиях и страдала от предубеждений, но не больше, чем многие другие подсудимые в малых городах нашей страны, да и в крупных, если на то пошло. Будем судить ее здесь и сейчас.

Публика одобрительно закивала, и прокурор с адвокатом вернулись на места.

Судья продолжал:

– Кэтрин Даниэла Кларк из округа Баркли, Северная Каролина, вы обвиняетесь в убийстве Чеза Лоренса Эндрюса из Баркли-Коув. Поскольку убийство квалифицируется как преднамеренное, государственный обвинитель имеет право требовать высшей меры наказания. Прокурор объявил, что намерен добиваться смертного приговора, если вас признают виновной.

В зале зашушукались.

Том придвинулся к Киа чуть ближе, девушка не отстранилась.

– Приступим к отбору присяжных.

Судья Симс окинул взглядом первые два ряда, где сидели кандидаты в присяжные. Когда он зачитывал правила и условия, Воскресный Судья соскочил с подоконника и в один прыжок очутился на судейской скамье. Судья Симс рассеянно погладил кота по голове и продолжал:

– В делах об особо тяжких преступлениях присяжный имеет право снять свою кандидатуру, если он противник смертной казни. Поднимите руки все, кто отказывается или не имеет права выносить смертный приговор, если вина подсудимой будет доказана.

Ни одна рука не поднялась.

“Смертный приговор”, – только и услышала Киа.

– Вы также имеете право заявить самоотвод, если близко знаете или знали мисс Кларк или мистера Эндрюса и потому не можете быть объективны. Если это так, прошу дать мне знать.

В середине второго ряда подняла руку миссис Салли Калпеппер и назвала свое имя. Ее седые волосы были туго стянуты в узел, наряд – костюм, шляпка, туфли – одного оттенка, тускло-коричневого.

– Итак, Салли, слушаю вас, – обратился к ней судья.

– Как вы знаете, я почти двадцать пять лет служила школьным инспектором округа Баркли. Мисс Кларк была одной из моих подопечных, и я имела с ней дело в прошлом – точнее, пыталась.

Чтобы увидеть миссис Калпеппер и публику, Киа нужно было обернуться, но она, разумеется, осталась сидеть неподвижно. Зато ее последний приезд Киа помнила отлично, миссис Калпеппер осталась тогда в машине, а водитель в фетровой шляпе пустился в погоню. Киа как могла щадила старика – нарочно с шумом продиралась сквозь ежевичник, нарезала петли, пряталась в кустах вблизи машины. Но Шляпа побежал тогда к пляжу. Киа же, подобравшись на корточках к машине, постучала веткой остролиста по дверце, и миссис Калпеппер, выглянув из окна, посмотрела ей прямо в глаза. И даже как будто улыбнулась. Так или иначе, миссис Калпеппер не стала ее выдавать. Когда прибежал Шляпа, ругаясь на чем свет стоит, они уехали и больше не возвращались.

И теперь миссис Калпеппер сказала:

– В общем, я имела с ней дело и не знаю, должна ли заявить самоотвод.

Судья Симс ответил:

– Спасибо, Салли. Некоторые из вас, возможно, общались с мисс Кларк в магазинах или в официальной обстановке, как миссис Калпеппер, школьный инспектор. Задайте себе вопрос: можете ли вы выслушать показания в зале суда и принять решение, опираясь на факты, а не на ваш опыт общения с подсудимой и чувства?

– Да, я уверена, ваша честь.

– Спасибо, Салли, вы можете остаться.

К половине двенадцатого на скамье присяжных уже сидели семь женщин и пятеро мужчин. Киа со своего места хорошо их видела и украдкой поглядывала на них. Большинство она знала в лицо, по именам – далеко не всех. Миссис Калпеппер сидела прямо напротив нее, в середине, и Киа, глядя на нее, даже немного успокоилась. Но рядом восседала белокурая Тереза Уайт, жена священника, – это она много лет назад, выбежав из обувного магазина, увела свою дочь подальше от Киа, когда та вышла из кафе, где обедала с Па – в первый и последний раз в жизни. Та самая миссис Уайт, что обозвала Киа чумичкой, теперь заседала в суде присяжных.

Судья Симс объявил перерыв на обед до часу дня. Обед присяжным прямо в совещательную комнату принесли из закуской – тунец, салат с курицей, бутерброды с ветчиной. Заведений в городке было всего два, и чтобы никто не обижался, закуская и “Конура” доставляли в суд еду по очереди, так что завтра из “Конуры” принесут сосиски в тесте, перец чили и бутерброды с креветками. И коту всегда что-нибудь да перепало. Воскресный Судья предпочитал бутерброды.

39

Случайная встреча

1969

В августе 1969-го Киа шла на моторке сквозь утренний туман к отдаленной бухте, которую местные прозвали Кипарисовой, – как-то раз ей встретились там редкие грибы. Август для грибов уже не сезон, но в Кипарисовой бухте прохладно и сыро, вдруг повезет? Больше месяца прошло с тех пор, как Тейт оставил на пне компас; за это время она несколько раз видела его на болоте, но не решалась подойти, поблагодарить за подарок. Компас пока ни разу не пригодился, но она всегда носила его с собой, в одном из карманов рюкзака.

Берег окаймляли поросшие мхом деревья, ветви нависали над самой водой, образуя туннель, и Киа скользила вдоль него, высматривая тонконогие рыжие поганки. И наконец увидела целую семейку – яркое пятно на трухлявом пне. Причалила, затащила лодку на берег, села скрестив ноги и принялась зарисовывать грибы.

Внезапно из леса донеслось шуршание, шаги, и тут же раздался голос:

– О, кого я вижу! Моя Болотная Девчонка!

Киа вскочила, обернулась – и очутилась лицом к лицу с Чезом.

– Привет, Киа.

Девушка заозиралась. Как он сюда попал? Шума катера она не слышала. Чез понял ее недоумение.

– Я рыбачил, увидел тебя в лодке и перебрался на эту сторону.

– Уходи, прошу тебя. – Киа быстро запихивала в рюкзак карандаши и блокнот.

Но Чез взял ее за локоть:

– Брось, Киа. Мне жаль, что у нас так вышло. – Он наклонился, дохнул бурбоном – видно, выпил с утра.

– Не трогай меня!

– Э-э, я же извинился! Сама понимаешь, пожениться мы с тобой не могли. Ты не прижилась бы в городе. Но я всегда о тебе думал, я же оставался рядом.

– Оставался рядом?! Что за чушь! Отвяжись от меня!

Киа дернулась к лодке, но Чез держал ее крепко.

– Киа, с тобой никто не сравнится, никогда. И знаю, ты меня любишь.

Киа тщетно пыталась вырваться.

– Неправда! Не знаю, любила ли я тебя когда-нибудь. Но ты сам говорил о свадьбе, помнишь? Обещал построить дом, для нас с тобой. А сам уже готовился жениться на другой, я из газеты узнала. Как ты мог? Почему, Чез?

– Да ладно, Киа! Это было невозможно. Ты должна была понимать, что ничего у нас не выйдет. Что тебя не устраивало? Пусть у нас будет как раньше.

Чез схватил ее за плечи, притянул к себе.

– Пусти! – Киа извивалась, стараясь высвободиться, но Чез больно ее стиснул, заткнул рот поцелуем.

Киа наконец высвободилась, оттолкнула его.

– Не смей! – прошипела она яростно.

– Кошечка ты моя дикая! Совсем от рук отбилась. – И, снова схватив девушку за плечи, Чез повалил ее на землю; Киа больно ударилась головой. – Знаю, ты меня хочешь. – Он хищно ослабился.

– Нет, пусти! – взвизгнула Киа.

Чез двинул ей коленом под дых и, расстегнув молнию, приспустил джинсы.

Киа приподнялась, обеими руками толкнула его в грудь. Он ударил ее в лицо кулаком. В голове что-то противно щелкнуло, подбородок запрокинулся, и Киа повалилась на спину. Точно так же отец бил маму. На несколько мгновений разум отключился, осталась лишь пульсирующая боль; Киа изогнулась, попыталась вывернуться, но Чез был сильнее. Стиснув ей одной рукой запястья, другой он расстегнул ей шорты, рванул трусики. Киа попробовала пнуть его, кричала, звала на помощь, но толку-то. Она дергалась, молотила по земле ногами, но Чез, обхватив ее за талию, перевернул на живот, ткнул разбитым лицом в грязь, подмял под себя.

– На этот раз не пущу. Хочешь не хочешь, а ты моя.

Откуда-то из глубины в Киа поднялась первобытная сила, девушка оттолкнулась от земли руками и коленями, приподнялась и двинула его локтем в челюсть. Голова Чеза дернулась, Киа вывернулась из-под него и принялась наносить яростные удары, Чез развернулся к ней, но пошатнулся и повалился на землю. Киа вскочила и прицельно пнула его в пах.

Чез заорал, скорчился от боли, перекатился на бок. Киа врезала ему ногой по почкам – анатомию она знала хорошо. И еще, и еще. Что есть силы.

Натянув шорты, она схватила рюкзак, кинулась к лодке. Столкнув ее на воду, рванула трос и оглянулась – Чез, постанывая, силился подняться на четвереньки. Киа с руганью завела мотор. Чез уже встал. Испугавшись, что он сейчас прыгнет в лодку, Киа дала газу. Трясущимися пальцами она застегнула молнию на шортах, обхватила себя одной рукой. Затравленно озираясь, она вдруг заметила лодку, из которой на нее смотрели два рыбака.

40

Кипарисовая бухта

1970

После перерыва судья Симс обратился к прокурору:

– Эрик, вы готовы вызвать первого свидетеля?

– Да, ваша честь.

Обычно, если слушалось дело об убийстве, Эрик первым вызывал коронера, поскольку его рассказ – орудие убийства, место и время смерти, фотографии с места преступления – производит впечатление на присяжных. Однако на этот раз не было ничего – ни орудия, ни следов, ни отпечатков пальцев, и Эрик решил начать с мотива.

– Ваша честь, обвинение вызывает мистера Родни Хорна.

Все в зале смотрели, как Родни Хорн взошел на свидетельскую кафедру, произнес присягу. Киа сразу его узнала, хоть и видела всего несколько секунд. Она отвернулась. Бывший механик, заядлый рыбак, охотник, игрок в покер, завсегдатай “Болотных огней”. Выпить мог хоть бочку – и не пьянел. Он пришел, по обыкновению, в джинсовом комбинезоне и клетчатой рубашке, накрахмаленной так туго, что воротник стоял колом. В левой руке он держал кепку, правую положил на Библию; принеся присягу, Родни Хорн сел на свидетельскую скамью, пристроив кепку на коленях.

Эрик вразвалку подошел к свидетельскому месту:

– Доброе утро, Родни.

– Доброе, Эрик.

– Итак, Родни, как я знаю, вы с другом рыбачили близ Кипарисовой бухты утром

тридцатого августа прошлого года. Все верно?

– Да, так и есть. Мы с Дэнни там рыбу ловили, с самого рассвета.

– Позвольте уточнить – с Дэнни Смитом?

– Да, я и Дэнни.

– Хорошо. Расскажите, пожалуйста, что вы видели в то утро.

– Ну, как я и говорил, рыбачили мы там с рассвета, дело было около одиннадцати, у нас давно не клевало, собрались уже сматывать удочки, но тут услышали шум из зарослей, на самом мысу.

– Что за шум?

– То есть голоса, сперва приглушенные, потом громче. Мужской и женский. Но никого не видеть, только слышно, как ругаются.

– А дальше?

– Ну, женщина в крик, мы и подплыли поближе – вдруг помощь нужна.

– И что же вы увидели?

– Подплыли мы, значит, и видим: женщина пинает мужчину прямо в... – Родни оглянулся на судью.

Судья Симс спросил:

– Куда она его пнула? Говорите, не стесняйтесь.

– Она его пнула прямо промеж ног, он и повалился на бок, застонал, зубами заскрежетал. А она давай пинать его по почкам. Сама не своя, будто поганок объелась.

– Вы ее узнали? Видите ее в зале?

– Да, как не узнать. Здесь она, на скамье подсудимых. Все ее Болотной Девчонкой кличут.

Судья Симс наклонился к свидетелю:

– Мистер Хорн, подсудимую зовут мисс Кларк. Просим так ее и называть.

– Хорошо. Это ее мы видели, мисс Кларк.

– А мужчину, которого она била, узнали? – спросил прокурор Эрик.

– Сперва-то его было не разглядеть, он по земле катался да корчился все. А как встал, тут мы и увидели – Чез Эндрюс это, бывший футболист.

– А что дальше?

– Она побежала к своей лодке... э-э-э... не очень одетая. Шорты спущены, трусы тоже. Бежит и на бегу шорты подтягивает. И поливает его почем зря. В лодку прыгнула – и прочь от берега, а сама штаники на ходу поправляет. С нами поравнялась – и зырк на нас! Тут-то я и убедился, что это она.

– Вы сказали, она бежала к лодке и кричала на него. А что именно кричала, вы расслышали?

– Да, до нее было рукой подать, слышно все до последнего слова.

– Повторите, пожалуйста.

– Она кричала: “Отвяжись от меня, ублюдок! Еще хоть раз тронешь – убью!”

В зале поднялся шум и долго не утихал. Судья Симс стукнул молотком:

– Тишина!

– Достаточно, – сказал прокурор. – Спасибо, Родни. Вопросов нет. Передаю слово защите.

Том протиснулся мимо прокурора Эрика к свидетельской скамье.

– Родни, по вашим словам, когда вы услышали вдалеке крики, то не сразу увидели, что происходит между мисс Кларк и мистером Эндрюсом. Так?

– Да. Мы их разглядели, только когда подплыли поближе.

– И та женщина, в которой вы позже узнали мисс Кларк, кричала, как будто ей угрожала опасность. Так?

– Да.

– При вас они не целовались, не ласкали друг друга. Женщина кричала так, будто на нее напали, будто она в опасности. Верно?

– Да.

– То есть мисс Кларк могла ударить мистера Эндрюса, защищаясь, – женщина, одна в лесу, против сильного мужчины, спортсмена, бывшего футболиста? Он на нее напал, а она защищалась?

– Да, могло быть и так.

– Больше вопросов нет.

– Слово обвинению?

– Да, ваша честь, – вскочил Эрик. – Итак, Родни, неважно, произошло ли это между ними с обоюдного согласия или нет, но можно ли утверждать, что подсудимая, мисс Кларк, была в ярости на покойного, Чеза Эндрюса?

– Да, еще бы.

– До того, что грозилась его убить, если он еще хоть раз ее тронет? Это верно?

– Да, так и было.

– Больше вопросов нет, ваша честь.

У Киа все еще тряслись руки, она поминутно оглядывалась, не увязался ли за ней из Кипарисовой бухты Чез на своем катере. Ткнувшись в берег в своей лагуне, она на подрагивающих ногах добрела до хижины, на кухне рухнула на пол и зарыдала. Левый глаз стремительно набухал, рот был полон песка. Она напряженно вслушивалась, не донесется ли гул мотора.

На шее у Чеза она заметила свою подвеску с ракушкой – до сих пор носит. Почему?

“Ты моя”, – сказал он. Она его ударила, теперь он наверняка в ярости и примчится мстить. Может, даже сегодня. Или дождется ночи.

И некому пожаловаться. Скок посоветует обратиться к шерифу, но кому поверят блюстители закона – Болотной Девчонке или Чезу Эндрюсу? Что именно видели те два рыбака, точно неизвестно, но защищать ее они вряд ли станут. Скажут, поделом ей – ведь все знают, что до того, как они расстались, она с ним обжималась у всех на виду, совсем стыд потеряла. Вела себя как шлюха, вот что они скажут.

За окном завывал ветер с моря, и Киа боялась, что не услышит мотора. Едва переставляя от боли ноги, она сложила в рюкзак печенье, сыр, орехи и, пригибая голову под яростными порывами ветра, побежала вдоль протока, сквозь заросли спартинны к читальне. Путь занял три четверти часа, и при каждом шорохе она вздрагивала всем своим измученным телом, озиралась, вглядывалась в прибрежные кусты. Вот и ветхая бревенчатая лачуга у ручья, наполовину скрытая высокой травой. Здесь ветер слабее, на шелковистом лугу тишь. Киа не рассказывала Чезу про свое убежище, но вдруг он все-таки знает о нем? Поди угадай.

Крысиный душок из лачуги уже выветрился. Когда Тейт начал работать в лаборатории, они с отцом отремонтировали хижину, сделали ее пригодной для ночевки. Укрепили стены, подлатали кровлю, привезли простенькую мебель – узкую кровать с лоскутным одеялом, плитку, стол и стул. Под потолком висели кастрюли и сковородки. На раскладном столике стоял микроскоп, вопиюще тут неуместный. В углу – старый кованный сундук с консервами: тушеная фасоль, сардины. Исключительно жестянки, чтобы медведи не учуяли.

Киа вошла в лачугу и будто в ловушке очутилась, если Чез появится, она не увидит и не услышит, и она вернулась на берег ручья, одним правым глазом уставилась в тростниковые заросли, левый совсем заплыл.

Чуть ниже по течению, у кромки воды, будто не замечая Киа, щипало траву небольшое стадо оленей – пять самок. Вот бы стать одной из них. Киа знала, что стадо оленю нужнее, чем каждый из них стаду. Одна из оленей вдруг резко вскинула голову, косясь бархатным глазом на север, в чашу; топнула правым передним копытом, затем левым. Ее товарки восторженно зашептались испуганно. Киа здоровым глазом вгляделась в заросли, не крадется ли Чез или другой хищник. Нет, тишина. Наверно, ветер их потревожил. Олени успокоились и отступили в густую траву, и Киа осталась наедине со своим смятением. Она пристально вглядывалась в заросли, нет ли чего подозрительного, но, устав вслушиваться и всматриваться, вернулась в читальню. Достала из рюкзака кусок сыра, устроилась на полу и принялась жевать, время от времени поглаживая распухшую щеку. Лицо, руки и ноги были перепачканы песком, грязью и кровью, ссадины ныли. Киа снова разрыдалась – не столько от боли, сколько

от стыда, потом ее стошнило.

Сама виновата. Привыкла повсюду шляться одна. Естественное желание привело ее, незамужнюю, в дешевый мотель – и никакого удовольствия она не получила. Секс в мерцании неоновых огней – и лишь пятна крови на простыне, как звериные следы.

Чез наверняка хвастался направо и налево, что поимел Болотную Девчонку. Вот все от нее и шарахаются, она ведь порченная, грязная.

В маленьком окне меж быстро движущихся облаков проглянул месяц, и Киа вышла из домика – убедиться, что никто не крадется, что не мелькает зловещая тень. И наконец улеглась в кровать и с головой укрылась лоскутным одеялом Тейта. Ночью она то и дело вскакивала, прислушивалась и снова засыпала, натянув одеяло.

* * *

Позавтракала она опять сыром. Половина лица превратилась в лилово-зеленый кровоподтек, вместо глаза – шишка с куриное яйцо, от боли голову не повернуть. Верхнюю губу раздуло, рот уродливо перекосило. Вот так было и с Ма. С пронзительной ясностью Киа поняла, сколько вынесла Ма и почему она ушла. “Ма, Ма, – шептала она. – Понимаю. Теперь понимаю, почему ты не вернулась. Прости, что ни о чем не догадывалась, что не могла помочь”. Она заплакала. Но вскоре вскинула голову, сказала вслух:

– Ни за что не стану так жить – не зная, когда и с какой стороны ждать удара.

В тот же день она вернулась домой, не сворачивая к Скоку, хоть и надо было пополнить запасы. Вдруг Чез ее там караулит? Да и не хотелось с разбитым лицом показываться на людях, и особенно – Скоку.

Перекусив черствым хлебом с копченой рыбой, Киа вышла на веранду, села на кровать и уставилась сквозь проволочную сетку. По ветке медленно скользила самка богомола, суставчатые лапки проворно хватили мотыльков и, трепещущих, отправляли в пасть. А перед самкой замер самец – раздувшийся, блестящий. Самка благосклонно выставила ему навстречу усики-антенны. Богомолы сплелись, и пока самец оплодотворял самку, та выгнула длинную изящную шею и откусила ему голову. В пылу страсти самец словно и не заметил ничего, тело продолжало свое дело, огрызок шеи дергался, а самка уже принялась за лапы самца, за крылья. И вот уже последняя лапка торчит у нее из пасти, а огрызок, без головы, без сердца, знай себе движется, не сбавляя ритма.

Самки светлячков привлекают самцов ложными сигналами и съедают их; самки богомолов пожирают брачных партнеров. У самок насекомых есть чему поучиться, подумала Киа, вот кто знает, как обращаться с любовниками.

Через несколько дней она села в лодку и вышла на болото, поплыла в места, которые Чезу были вряд ли знакомы, но все же дергалась, нервничала, карандаш валился из рук. Подбитый глаз открывался с трудом, синяк только больше налился цветом – отвратительное зрелище. Кости ломило. Киа оборачивалась на каждый писк бурундука, прислушивалась к карканью ворон – языку, что зародился прежде слов, простому и понятному, – и куда бы ни направлялась, прежде продумывала путь отступления.

В камере

1970

Пыльные лучи струились в крохотное окно камеры. Киа, в серой робе с надписью на спине "ОКРУЖНАЯ ТЮРЬМА", смотрела, как бесшумно пляшут в луче пылинки, на один манер, будто по воле невидимого дирижера. Стоит попасть в тень, и они исчезают. Без солнца они ничто.

От пола до окна было семь футов, и Киа подтащила под окно деревянный ящик, заменявший ей стол, встала на него и устремила взгляд на море, еле видимое за мутным стеклом и решеткой. Вдали курчавились волны, над водой, выглядывая рыбу, кружили пеликаны. Если посмотреть направо, вытянув шею, то можно разглядеть темный край болота. Вчера она видела, как орлан спикировал за добычей.

В окружной тюрьме – одноэтажном бетонном здании на окраине города, позади полицейского участка, – было шесть камер, двенадцать на двенадцать футов каждая. Камеры располагались в ряд по одной стороне здания, так что узники друг друга видеть не могли. Три стены бетонные, вечно сырые, четвертая решетчатая, с запиравшейся на замок дверью. В каждой камере – деревянная кровать с бугристым ватным матрасом, свалывшейся перьевой подушкой, простыней и серым шерстяным одеялом, раковина, деревянный ящик вместо стола, унитаз. Зеркало над раковиной заменяла открытка с Иисусом в рамке, подарок дам-баптисток. Для Киа, первой за много лет заключенной-женщины (не считая задержанных на одну ночь), сделали единственную поблажку, отгородили раковину и унитаз серой полиэтиленовой шторкой.

В камере она провела уже два месяца, без права освобождения под залог – за сопротивление при аресте. Интересно, кто первым стал называть клетку камерой? – думала Киа. Видимо, на определенном витке истории потребовалась такая замена. Руки она давно расцарапала в кровь. Сидя на кровати, разглядывала пряди своих волос и дергала их, словно перья. Как чайка.

Отчаянно вытягивая шею, чтобы разглядеть болото, Киа вспоминала стихи Аманды Гамильтон "Раненая чайка с Брэндон-Бич".

Дитя небес, дитя морей,

Взмывала ты, стрелы смелей,

Отважно в море устремлялась

И вместе с ветром возвращалась.

Но вот крыло сломала ты –

Остались на песке следы.

Летать тебе не суждено,

Но смерть нам выбрать не дано.

Пропала ты, куда – Бог весть.

С разбитым сердцем не взлететь.

Тебе парить не суждено,

Но смерть нам выбрать не дано.

Хоть заключенные и не могли друг друга видеть, два других арестанта, в дальнем конце здания, с утра до вечера болтали. Обоих посадили на месяц за драку в “Конуре”, что окончилась переломами да парой разбитых зеркал – а началось со спора, кто дальше плюнет. Цельми днями валялись они каждый на своей койке и переговаривались через стену. По большей части обсуждали сплетни о деле Киа, слышанные от гостей. Спорили, вынесут ли ей смертный приговор. В округе уже двадцать лет как никого не казнили, а женщин – и вовсе никогда.

Киа слышала все до последнего слова. Смерти она не боялась, ее не пугало, что оборвется эта призрачная жизнь. Но то, что убьет ее чья-то рука, обдуманно, в назначенный час, не укладывалось в голове, и сердце замирало от ужаса.

Сон к ней не шел – подкрадется и тут же ускользает. Стоило провалиться в дремоту, будто в глубокий колодец, на краткий блаженный миг – и тут же, вздрогнув, просыпается.

Киа слезла с ящика, забралась с ногами на кровать, поджав к груди колени. В камеру ее привели из зала суда – значит, время к шести. Всего час прошел, а то и меньше.

43

Микроскоп

1969

В первых числах сентября, больше недели прошло после нападения Чеза, Киа бродила по пляжу. Ветер рвал у нее из рук письмо, и она прижимала его к груди. Редактор, с которым она работала, приглашал ее в Гринвилл, писал, что хочет с ней увидеться, хотя и понимает, что дом она покидает редко, обещал, что все расходы издательство возьмет на себя.

День стоял безоблачный и жаркий, и Киа отправилась на моторке к болоту. В конце узкой протоки, обогнув травянистый мыс, она увидела Тейта – тот, сидя на корточках у кромки широкой песчаной косы, брал пробы воды. Его экспедиционный катер, пришвартованный к бревну, перегородил протоку. Киа вцепилась в румпель. Опухоль на лице уже спала, но под глазом еще темнел уродливый синяк, лиловый с зеленцой. Киа всполошилась. Еще не хватало, чтобы Тейт увидел ее такой.

Но Тейт уже поднял голову, помахал:

– Причаливай, Киа! У меня новый микроскоп, хочу показать тебе.

Точно так же когда-то школьная инспекторша заманивала ее пирогом с курицей. Киа замедлила ход, но ничего не ответила.

– Давай сюда! Такого увеличения ты еще не видала! Даже псевдоподии у амёб можно разглядеть!

Киа ни разу в жизни не видела амёбу. И, как всегда, рядом с Тейтом ей стало спокойно и уютно. Пряча от него разбитое лицо, она вытащила на песок лодку и побрела по мелководью к его катеру. Она была в белой футболке и обрезанных джинсах, с распущенными волосами. Тейт, уже стоя на корме, подал ей руку и помог забраться. Светло-бежевый катер сливался с красками болота; тиковая палуба, бронзовый штурвал – никогда еще Киа не видала такой роскоши.

– Пойдем, – сказал Тейт, спускаясь в рубку.

Киа окинула взглядом рабочий стол, камбуз, обставленный лучше, чем кухня у нее дома, и кают-компанию, превращенную в бортовую лабораторию, с микроскопами и пробирками в подставках. Все приборы блестели на солнце.

Тейт настроил самый большой микроскоп.

– Сейчас. – Он капнул на стекло болотной воды, прикрыл другим стеклышком, подкрутил окуляр. – Смотри.

Киа склонилась над микроскопом осторожно, будто над колыбелью. Блики от зеркальца отразились в глубине ее зрачков, и она затаила дыхание, увидев настоящий карнавал мелких созданий – невысказанных, причудливо украшенных, жаждущих жизни, словно не в капле воды, а под куполом цирка.

– Не знала, что их так много и что они такие прекрасные, – прошептала она, прижав руку к сердцу.

Тейт назвал несколько видов и отступил, глядя на Киа. “Она чувствует самую суть жизни, – подумал он, – ведь между нею и планетой нет преград”.

Он показал Киа другие препараты.

Киа сказала:

– Это все равно что впервые в жизни увидеть звезды.

– Кофе хочешь? – мягко спросил Тейт.

Киа подняла голову:

– Нет-нет, спасибо. – И попятилась в сторону камбуза, неуклюже, пряча за волосами подбитый глаз.

Тейт давно привык к настороженности Киа, но на этот раз держалась она особенно замкнуто и отчужденно, на него ни разу не взглянула.

– Не стесняйся, Киа, выпей кофе.

Тейт уже перебрался на камбуз, налил в кофеварку воды, и через минуту потекла ароматная струйка. Киа стояла у лестницы на палубу, и Тейт, протянув ей кружку,

жестом предложил подняться. Он указал на мягкую скамью, но Киа осталась на корме. Подобно кошке, она всегда заботилась о пути для бегства. Сбоку от катера изгибалась белоснежная песчаная коса, затененная дубами.

– Киа... – начал Тейт и тут увидел синяк. – Что у тебя с лицом? – Тейт шагнул к ней, Киа отпрянула.

– Ерунда, в темноте наскочила на дверь.

По тому, как рука ее взлетела к щеке, Тейт понял: неправда. Ее ударили. Чез? Она по-прежнему с ним встречается, хоть он и женат? Тейт стиснул зубы. Киа поставила кружку на скамейку, явно намереваясь уйти.

Тейт подавил смятение.

– Ты уже начала новую книгу?

– Заканчиваю о грибах. Мой редактор в конце октября собирается в Гринвилл, хочет со мной встретиться там. Но я не знаю...

– Поезжай обязательно, тебе надо с ним познакомиться. Из Баркли туда каждый день ходят автобусы, дневной и ночной. Ехать недолго, час двадцать или около того.

– Я не знаю, где купить билет.

– Водитель подскажет. Просто приходи на остановку на Главной улице, он тебе поможет. Кажется, в лавке у Скока висит на стене расписание. – Тейт едва не проговорился, что много раз ездил тем самым автобусом из Чепел-Хилл, но вовремя одумался, решил не напоминать о тех днях, когда она ждала его на берегу.

Некоторое время они молча прихлебывали кофе, слушали, как попискивает в вышине пара ястребов.

Тейт хотел предложить Киа еще кофе, но побоялся спугнуть. Расспрашивал про книгу о грибах, рассказывал о простейших, которых изучал. Говорил и говорил, неважно о чем, лишь бы удержать ее подольше.

День клонился к закату, повеяло прохладой.

– Мне пора, – сказала Киа.

– А я вино хотел откупорить. Присоединишься?

– Нет, спасибо.

– Погоди минутку, не уходи. – Тейт спустился в камбуз и вернулся с пакетом хлебных крошек и остатков печенья. – Передай от меня привет чайкам.

– Спасибо.

Когда Киа шла к своей лодке, Тейт крикнул ей вслед:

– Киа, похолодало, может, возьмешь куртку?

– Нет, мне не холодно.

– Ну хоть голову прикрой!

Тейт бросил ей красную кепку. Киа поймала ее и кинула ему. На этот раз Тейт

запустил кепку подальше, на берег, за отмель, Киа подобрала, со смехом залезла в лодку, завела мотор и, подплыв к катеру, швырнула кепку обратно. Тейт широко улыбнулся, Киа снова рассмеялась. Отсмеявшись, они посмотрели друг на друга, еще немного покидали друг другу кепку. Наконец Киа направила лодку прочь от катера.

– Нет, – бормотала она, – нельзя снова терять голову. Не хочу новой боли.

Тейт так и стоял на корме. И сжимал кулаки, думая, что кто-то поднял на нее руку.

Киа обогнула мыс и двинулась вдоль линии прибоя на юг. Этот путь пролегал мимо ее пляжа к протоке, ведущей сквозь плавни к хижине. Обычно на пляже она не задерживалась, а пробиралась через лабиринт ручейков к своей лагуне, а оттуда – пешком.

Но ее заметили чайки и слетелись к лодке. Рыжик примостился на носу, мотнул головой. Киа засмеялась: “Ладно уж, твоя взяла”. Вспарывая волны, повернула она к берегу и, спрятав лодку в зарослях морского овса, встала у кромки воды и начала бросать крошки, что дал ей Тейт.

На закате, когда волны подернулись розовым и золотым, Киа села на песок, и чайки окружили ее. Вдруг послышался звук мотора, в море показался Чезов катер. Лодка была надежно спрятана, но сама Киа была на виду, среди пляжа. Она распласталась на песке, повернув голову, чтобы наблюдать за судном. Чез стоял за штурвалом – хищная улыбка, волосы треплет ветер. Не заметив ее, он свернул в протоку, что вела к хижине.

Едва он скрылся из виду, Киа приподнялась. Если бы она не остановилась покормить чаек, он застал бы ее дома. Па вечно повторял: последнее слово должно оставаться за женщиной. Киа повалила Чеза на землю, да еще на глазах у двух старых рыбаков. Как сказал бы Па, ее следовало поставить на место.

Скоро Чез убедится, что в хижине ее нет, и вернется к пляжу. Киа кинулась к лодке, завела мотор и повернула назад, к Тейту. Нет, жаловаться ему на Чеза она не станет – стыд перевешивал любые доводы рассудка. Киа замедлила ход и, покачиваясь на волнах, смотрела, как заходит солнце. Надо переждать, убедиться, что Чез уплыл. Если она не увидит, как он возвращается, то и не узнает, что опасность миновала.

Киа зашла в протоку, страшась на него наткнуться в любую минуту. Приглушив мотор, чтобы не прозевать его катер, свернула в тихую заводь, над которой нависали деревья и кусты. Продвинулась задним ходом поглубже в заросли, раздвигая ветви, и наконец листва и сумерки скрыли ее.

Тяжело дыша, Киа прислушивалась. Вскоре вечернюю тишину прорезал знакомый скрежет двигателя. Киа пригнулась и тут же встревожилась, что из зарослей торчит нос ее лодки. Рев нарастал, и спустя секунды Чезов катер пронесся мимо. Выждав полчаса в темноте, Киа при свете звезд поплыла домой.

Свою постель она вынесла на берег и устроилась рядом с чайками. Те, будто не замечая ее, расправляли крылья, чистили перья, а потом застыли на песке пуховыми комочками. Они тихонько ворковали, пряча головы под крыло, и Киа подобралась к ним поближе. Но даже под тихое курлыканье и шелест крыльев ей не спалось. Почти всю ночь она ворочалась и вскакивала, каждый шорох принимая за звук шагов.

На рассвете поднялась волна, порывистый ветер обжег ей щеки. Киа села. Вокруг прохаживались чайки, расправляли крылья, рылись в песке. Рыжик выпучил глаза, изогнул шею, будто нашел у себя под крылом что-то интересное, и при иных обстоятельствах Киа рассмеялась бы. Но сейчас даже птицы ее не радовали.

Чез не оставит ее в покое. Одно дело жить в одиночестве, но жить в постоянном

страхе – это совсем другое.

Киа представила, как шаг за шагом входит в пенное море, погружается в спокойную глубину, где уже нет волн; как колышутся под водой пряди ее волос, будто в бирюзовое море плеснули черной краски; как ее длинные пальцы тянутся к серебристой поверхности. Мечты об освобождении, пусть даже через смерть, всегда ведут к свету. Покой мерцает впереди, до него рукой подать. И вот ее тело идет ко дну, обретает покой в темных глубинах. Вдали от опасностей.

Но смерть нам выбрать не дано.

44

Сокамерник

1970

Киа стояла посреди камеры. Вот она и за решеткой. Если бы все, кого она любила – и Джоди, и Тейт, – ее не покинули, не сидеть бы ей здесь. Не ищи опоры в другом – упадешь.

До того как ее арестовали, ей смутно виделся путь обратно к Тейту. Сердце приоткрылось, любовь мало-помалу пробивалась наружу. Но когда он приходил навестить ее в тюрьме, она отказывалась от свидания, сама не понимая, отчего в тюрьме ее сердце закрылось бесповоротно, почему она отвергает тепло, которым он мог поделиться. Чем она уязвимей, тем меньше доверия людям. Стоя на самой опасной развилке жизни, она обратилась к единственной знакомой опоре – к себе.

Оказавшись за решеткой без права освобождения под залог, она отчетливо как никогда осознала, до чего одинока. Когда шериф напомнил, что у нее есть право на телефонный звонок, ее обожгла мысль: звонить некому. Единственный знакомый ей номер – номер Джоди, но как позвонить брату и сказать, что она в тюрьме и ее обвиняют в убийстве? Как через столько лет обрушить на него свои несчастья? Невозможно.

Все ее бросили, предоставив ей бороться за жизнь и защищаться в одиночку. Вот она и очутилась здесь, совершенно одна.

Снова и снова Киа открывала удивительную книгу о раковинах, подарок Тома Милтона, – самое дорогое, что у нее было. На полу лежали стопкой журналы по биологии – охранник сказал, от Тейта, – но читать было трудно, смысл ускользал. Слова разбегались, приходилось перечитывать снова и снова. Рисунки раковин воспринимать было проще.

По выложенному дешевой плиткой полу застучали шаги, и за решеткой появился Джейкоб, невысокий чернокожий охранник. В руках он держал увесистый сверток.

– Простите за беспокойство, мисс Кларк, к вам пришли. Пойдемте со мной.

– Кто пришел?

– Адвокат ваш, мистер Милтон. – Щелкнул в замке ключ, Джейкоб отворил дверь камеры и протянул Киа сверток: – А это вам Скок просил передать.

Оставив сверток на койке, Киа прошла следом за Джейкобом в коридор, а оттуда в клетушку еще тесней, чем камера. Том Милтон при ее появлении встал. Киа кивнула ему и устремила взгляд в окно, на пухлое кучевое облако, подсвеченное розовым.

– Добрый вечер, Киа.

– Мистер Милтон...

– Киа, прошу, зовите меня Томом. А что у вас с рукой? Поранились?

Киа быстро прикрыла ладонью ссадины.

– Ерунда, москиты покусали.

– Поговорю с шерифом, в вашей... комнате не должно быть москитов.

Киа сказала, глядя в пол:

– Не надо, прошу вас. Это же просто насекомые.

– Разумеется, дело ваше, не хотите – не буду. Киа, я пришел обсудить возможность выбора.

– Выбора?

– Сейчас объясню. Пока что трудно предсказать, на чьей стороне будут присяжные. У обвинения убедительная версия. Не стопроцентная, ни в коем случае, но, учитывая, что здешние жители настроены против вас, готовьтесь, нам нелегко будет одержать верх. Однако есть вариант – сделка о признании вины. Вы представляете, что это такое?

– Не совсем.

– Вы отрицаете свою вину в предумышленном убийстве. Если мы проиграем, то по-крупному: вам грозит пожизненное заключение или смертный приговор. Вы могли бы признать себя виновной в менее тяжком преступлении – скажем, в убийстве по неосторожности. Если вы согласитесь признать, что были в ту ночь на вышке, встречались там с Чезом, повздорили, а он, по трагической случайности, провалился сквозь решетку, то процесс сразу будет окончен и вам не придется больше терпеть эти ужасы, мы же с обвинением обсудим приговор. Так как вы ранее не судимы, вам дадут лет десять, а на свободу выйдете уже лет через шесть. Понимаю, ничего хорошего, но все-таки лучше, чем пожизненный срок – или то... другое.

– Нет, виновной я себя не признаю. В тюрьму не пойду.

– Киа, я все понимаю, но не спешите, подумайте. Вы же не хотите всю жизнь провести в тюрьме... или то... другое.

Киа вновь посмотрела в окно.

– Тут и думать нечего. Я не признаю себя виновной.

– Что ж, никто нас не торопит. Время пока есть. Посмотрим, как повернется. Есть у вас еще вопросы, пока я не ушел?

– Пожалуйста, вытащите меня отсюда. Все равно каким способом – пусть даже то, другое.

– Приложу все силы, чтобы вас выволить, Киа. Главное, не сдавайтесь. И, прошу вас, помогайте мне. Как я уже говорил, проявите интерес, посматривайте хоть иногда на присяжных...

Но Киа уже стояла у двери.

* * *

Джейкоб провел ее обратно в камеру, и Киа взяла с койки посылку от Скока – распечатанную охранником и затем вновь завернутую на скорую руку. Бумагу Киа аккуратно сложила – вдруг пригодится. Это была корзина, внутри баночки с красками, кисти, пачка бумаги и пакет с домашними кукурузными кексами. Изнутри корзина была выложена сосновой хвоей, дубовыми листьями, раковинами, камышинками – получилось что-то вроде гнезда. Киа шумно вздохнула, закусил губу. Скок. Мейбл.

Солнце уже село, больше не плясали в луче пылинки.

Чуть позже Джейкоб забрал у нее поднос с ужином.

– Вижу, мисс Киа, вы почти не покушали. А ведь все такое вкусное – свиная отбивная, овощи.

Киа улыбнулась ему, охранник ушел, и она вслушивалась в гулкие удаляющиеся шаги. Дождалась, пока лязгнет железная дверь, тяжело и бесповоротно.

Внезапно внизу, у самой решетки, что-то зашуршало. Киа посмотрела на дверь. Воскресный Судья, стоя на задних лапах, уставил на нее изумрудные глаза.

У Киа что-то дрогнуло внутри. Ее заперли здесь, совсем одну, но этот чудесный зверь готов пролезть к ней за решетку, составить ей компанию. Воскресный Судья насторожил уши – в дальнем конце коридора привычно бубнили соседи. Киа охватил ужас: сейчас он ее покинет, уйдет к ним. Но кот вновь посмотрел на нее, поморгал с привычной скукой и легко скользнул между прутьев в камеру.

Киа перевела дух. Шепнула: “Прошу, останься”.

Кот потянул носом, не спеша огляделся – сырые бетонные стены, трубы, раковина, – Киа он будто и не замечал. Особенно пришлась ему по душе трещина в стене – понять это было несложно, ведь у него что на уме, то и на кончике хвоста. Свой обход кот завершил возле узкой койки. И вдруг запрыгнул к Киа на колени, завертелся, чтобы устроиться поудобнее. Киа замерла, подняв руки, боясь его спугнуть. Наконец кот улегся, да так уютно, будто всю жизнь провел у нее на коленях. Глянул на нее. Киа осторожно погладила его по голове, почесала за ухом. Кот неожиданно громко замурлыкал – как быстро он к ней привык! Всю жизнь Киа мечтала о живой душе рядом – и вот она.

Киа сидела, боясь шелохнуться, пока не затекла нога, лишь тогда чуть двинулась, потянулась. Воскресный Судья, не открывая глаз, соскользнул с колен и улегся рядом. Киа легла не раздеваясь, оба повозились, устраиваясь поудобнее. Киа смотрела на спящего кота, а потом и сама уснула – не провалилась в сон, как в пропасть, а погрузилась постепенно, мало-помалу.

Среди ночи она открыла глаза – кот спал, выставив живот, разметав лапы. Но на рассвете, когда она снова проснулась, его и след простыл. У Киа вырвался стон.

Вскоре явился Джейкоб, в одной руке поднос с завтраком, в другой – ключ от камеры.

– Вот вам овсянка, мисс Кларк.

Киа взяла поднос и сказала:

– Джейкоб, тот черно-белый кот из зала суда... Он со мной ночевал.

– Ох, простите великодушно! Это Воскресный Судья. Бывает, он шмыг сюда, а мне-то не видать, у меня подносы с ужином. Вот и закрываю его вместе с вами со всеми. – Спасибо, хоть не сказал “запираю”.

– Ничего, я рада была, что он тут. Будете его сюда пускать после ужина? Или когда угодно.

Джейкоб ласково глянул на нее.

– А как же! Постараюсь, мисс Кларк, непременно. С ним не соскучишься!

– Спасибо, Джейкоб.

Вечером Джейкоб вернулся.

– Принес вам ужин, мисс Кларк. Курочка жареная, пюре картофельное с подливкой, из закуской. Надеюсь, сегодня вы хоть немного покушаете.

Киа встала, не смея взглянуть ему в лицо, взяла поднос.

– Спасибо, Джейкоб. Кота не видели?

– Нет, с утра не видал. Но буду посматривать.

Киа кивнула, села на койку – стула в камере не было – и уставилась в тарелку. Никогда в жизни ее так хорошо не кормили, как здесь, в тюрьме. Киа поковыряла курицу, отодвинула лимскую фасоль. Так происходило каждый раз: желудок бунтовал, когда она смотрела на еду.

Донесся скрежет отпираемого замка. А затем голос Джейкоба:

– Прошу вас, господин Воскресный Судья!

Затаив дыхание, Киа смотрела на решетку, и вот появился Воскресный Судья. Ступал он мягко, но уверенно. Проник в камеру, на сей раз без колебаний, и сразу устремился к Киа. Она поставила перед котом тарелку, и он принялся терзать куриную ножку, вывалив ее на пол, а после вылакал подливку. Лимской фасолью кот побрезговал. Киа с улыбкой за ним наблюдала, потом тщательно вытерла салфеткой пол.

Кот запрыгнул на кровать, и вскоре оба уже спали.

* * *

На другой день Джейкоб сообщил:

– Мисс Кларк, к вам гость.

– Кто?

– Мистер Тейт. Уже не первый раз, мисс Кларк, – то принесет что-то, то хочет вас видеть. Может, сегодня примете его, мисс Кларк? Суббота, суд отдыхает, до самого вечера делать нечего.

– Ладно, Джейкоб.

Джейкоб проводил ее в ту обшарпанную клетушку, где она встречалась с Томом Милтоном. Увидев ее, Тейт вскочил. Он чуть заметно улыбнулся, но в глазах стояло напряжение.

– Отлично выглядишь, Киа! Я чуть с ума не сошел. Спасибо, что согласилась повидаться. Садись.

Они сели друг против друга, Джейкоб, отодвинувшись в угол, погрузился в газету.

– Здравствуй, Тейт. Спасибо за журналы. – Киа старалась выглядеть спокойной, но внутри все так и звенело.

– Чем еще тебе помочь?

– Можешь подкармливать чаек, если будешь в моих краях.

Тейт улыбнулся.

– Я их и так подкармливаю, раз в два-три дня, – сказал он, хотя к пляжу Киа и к ее лагуне он наведывался ежедневно, то на машине, то на моторке.

– Спасибо.

– Я был в суде, Киа, сидел прямо за тобой. Ты ни разу не оглянулась, не знаю, видела ты меня или нет. Но я буду каждый день приходить.

Киа посмотрела в окно.

– Том Милтон молодец! Возможно, лучший адвокат в нашей части штата. Он тебя вытащит. Главное, не сдавайся.

Не дождавшись ответа, он продолжил:

– Когда тебя выпустят, отправимся с тобой по всем окрестным лагунам, помнишь, как когда-то.

– Тейт, забудь обо мне.

– Я о тебе не забывал и никогда не забуду, Киа.

– Ты же понимаешь, я не такая, как все. Не по пути мне с людьми. Не вписываюсь я в твою жизнь. Прошу тебя, пойми, больше я никого к себе близко не подпущу – я боюсь. Просто не смогу.

– Я тебя не виню, Киа, но...

– Тейт, послушай меня. Много лет я стремилась стать ближе к людям. Я и вправду верила, что кто-то останется рядом, что будут у меня и семья, и друзья. Верила, что найду своих людей. Но никто со мной рядом не задержался. Ни ты, ни мои родные. И я

с этим свыклась, научилась сама о себе заботиться. Так что давай не будем сейчас об этом. Спасибо, что меня навестил, я правда рада. Может, когда-нибудь мы и будем друзьями, но сейчас я не могу думать о будущем. Только не здесь.

– Ладно. Понимаю. Честное слово, понимаю. – Выждав немного, Тейт добавил: – Виргинские филины уже заухали.

Киа кивнула, сдержав улыбку.

– Ах да, был я вчера возле твоего дома, и – хочешь – верь, хочешь – нет, – на твоём крыльце сидел ястреб Купера, самец.

Киа наконец улыбнулась: Куп! Одно из самых сокровенных ее воспоминаний.

– Верю.

Через десять минут Джейкоб объявил, что время вышло. Киа еще раз поблагодарила Тейта за то, что навестил ее.

– Буду и дальше кормить чаек, Киа. И книг тебе принесу.

Киа, мотнув головой, вышла следом за Джейкобом.

45

Красная кепка

1970

Утром в понедельник, после свидания с Тейтом, когда пристав ввел Киа в зал суда, она, как и в прошлый раз, смотрела не на публику, а в окно, на густые тенистые деревья. Но, услышав знакомое тихое покашливание, обернулась. В первом ряду, подле Тейта, сидел Скок, а рядом – Мейбл в нарядной шляпе с шелковыми розами. Когда они вместе с Тейтом зашли в зал и уселись на места для белых, публика зашушукалась. Пристав доложил судье Симсу, который находился у себя в кабинете, и тот велел объявить, что кто угодно в этом зале, неважно, белый он или черный и какой веры, имеет право сидеть где пожелает, а все, кто против, могут зал покинуть. Или их выставят.

Увидев Скока и Мейбл, Киа чуть приободрилась.

Следующим свидетелем обвинения был доктор Стюарт Коун, коронер, – с седоватым “ежиком”, очки у него поминутно сползали на нос, и он постоянно задирает голову, чтобы разглядеть хоть что-то. Пока прокурор задавал ему вопросы, Киа думала о чайках. Все два месяца в тюрьме она о них тосковала, а Тейт все это время их подкармливал, не дал им пропасть. Она словно увидела Рыжика, как он топчется по ее ногам, а она кидает ему крошки.

Коронер снова дернул головой, поправляя очки, и Киа вспомнила, где находится.

– Итак, повторяю: вы утверждали, что смерть наступила между полуночью и двумя часами в ночь с двадцать девятого на тридцатое октября 1969 года. Причина смерти –

обширные повреждения головного и спинного мозга в результате падения с высоты шестьдесят три фута в открытую решетку пожарной вышки. Во время падения потерпевший ударился затылком о брус, на что указывают следы крови и волосы, найденные на бресе. Подтверждает ли это ваше экспертное заключение?

– Да.

– Скажите, доктор Коун, как мог Чез Эндрюс, молодой здоровый человек с высоким интеллектом, спортсмен, шагнуть в открытую решетку и разбиться насмерть? Был ли в крови у него алкоголь или другие вещества, изменяющие сознание?

– Нет, не было.

– По вашим данным, Чез Эндрюс ударился о брус не лбом, а затылком. – Эрик встал с места и сделал широкий шаг. – Но если я шагаю вперед, то голова немного опережает тело. Будь здесь передо мной яма, я бы упал головой вперед. Так? Если бы Чез Эндрюс шагнул вперед, то ударился бы о брус лбом, а не затылком. Верно ли, доктор Коун, что Чез, по всем признакам, упал, шагнув назад?

– Да, все данные подтверждают этот вывод.

– То есть мы также можем заключить, что если бы Чез Эндрюс стоял спиной к открытой решетке и его толкнули, он упал бы назад, а не вперед? – Прежде чем Том Милтон успел возразить, прокурор поспешно добавил: – Я не прошу вас подтвердить, что Чеза толкнули. Я всего лишь подчеркиваю, что если бы его толкнули, то повреждения совпадали бы с теми, что у него имеются. Верно?

– Да.

– Хорошо. Доктор Коун, когда вы осматривали Чеза Эндрюса в клинике утром тридцатого октября, была ли на нем подвеска с раковиной?

– Нет.

Сдерживая подступившую дурноту, Киа смотрела, как на подоконнике умывается Воскресный Судья. Выгнувшись невероятным образом, вытянув лапу, кот вылизывал себя под хвостом. И ничего вокруг не замечал.

– Верно ли, что Чез Эндрюс в ночь гибели был одет в джинсовую куртку? – спросил прокурор.

– Да.

– И согласно вашему заключению, доктор Коун, на его куртке были найдены волокна красной шерсти, не соответствующие его одежде?

– Да.

Прокурор Эрик достал прозрачный пластиковый пакетик с волокнами красной шерсти.

– Это те самые волокна, найденные на куртке Чеза Эндрюса?

– Да.

Эрик взял со стола пакет побольше.

– И правда, что волокна, найденные на куртке Чеза, совпадают с волокнами вот этой красной кепки? – Он протянул пакет коронеру.

– Да, это мои образцы, и волокна с куртки и с кепки полностью совпали.

– Откуда эта кепка?

– Ее нашел шериф в доме мисс Кларк.

Об этом мало кто знал, и публика зашепталась.

– Есть ли доказательства, что мисс Кларк носила эту кепку?

– Да. С внутренней стороны было обнаружено несколько волос мисс Кларк.

Глядя на Воскресного Судью, Киа думала о том, что у них никогда не было домашних животных. Ни кошек, ни собак. Зато под крыльцом жила самочка скунса – шустрая, шелковистая, изящная. Ма звала ее Шанель.

Несколько раз Шанель их чуть не обстреляла, но спустя время попривыкла к ним, вставала в угрожающую позу, только когда дети расшались. Сновала туда-сюда, шмыгала перед самым носом, если поднимаешься или спускаешься по ступенькам. Каждую весну водила она своих детенышей на вылазки в дубовые рощи или вдоль берегов ручьев. Малыши семенили сзади, то и дело наступая друг на друга, сбиваясь пестрой кучкой.

Па, ясное дело, грозился ее выкурить, но Джоди, мудрый не по годам, отвечал невозмутимо: “Уйдет она – другой заведется, а по мне, так свой скунс лучше чужого”. Киа улыбнулась, вспомнив о Джоди, но тут же одернула себя.

– Итак, доктор Коун, в ночь, когда погиб Чез Эндрюс – провалился в открытую решетку, и, возможно, его толкнули, – на его куртке оказались волокна с красной кепки, найденной в доме мисс Кларк. А на внутренней стороне кепки были обнаружены волосы мисс Кларк.

– Да.

– Спасибо, доктор Коун. Больше у меня вопросов нет.

Том Милтон метнул взгляд на Киа, но та смотрела в окно на небо. Казалось, весь зал склоняется на сторону обвинения, даже пол будто накренился, между тем Киа сидела застывшая, безучастная. Откинув со лба седую прядь, адвокат шагнул к коронеру и начал:

– Доброе утро, доктор Коун.

– Доброе утро.

– Доктор Коун, по вашим словам, Чез Эндрюс ударился затылком при падении спиной вперед в открытый люк. Если бы он сам случайно шагнул назад и сорвался, повреждения были бы точно такими же?

– Да.

– Были у него на руках или на груди следы борьбы, как если бы его толкнули?

– Нет. Были, конечно, обширные кровоподтеки на всем теле от падения, в основном на спине и на ногах. Но явных следов насилия не было.

– Значит, нет никаких доказательств, что Чеза Эндрюса толкнули?

– Никаких. Насколько я могу судить, ничто не указывает на то, что Чеза Эндрюса

толкнули.

– Значит, вы как эксперт не нашли доказательств, что это убийство, а не несчастный случай?

– Нет.

Том Милтон помолчал, дав присяжным время вникнуть в смысл, затем продолжил:

– Перейдем к красным шерстяным волокнам, найденным на куртке Чеза. Существует ли способ установить, сколько времени эти волокна находились на куртке?

– Нет. Можно определить, откуда они взялись, а срок – нет.

– Другими словами, они могли находиться на куртке и год, и несколько лет?

– Да.

– Даже после стирки?

– Да.

– То есть нет никаких доказательств, что волокна попали на куртку в ночь гибели Чеза?

– Нет.

– По показаниям свидетелей, подсудимая и Чез Эндрюс были знакомы около четырех лет. Итак, вы утверждаете, что за эти четыре года волокна могли попасть с кепки на куртку в любое время?

– Насколько я могу судить, да.

– Другими словами, красные волокна – не доказательство, что мисс Кларк встречалась с Чезом Эндрюсом в ночь его гибели. Есть ли вообще хоть какие-то доказательства, что мисс Кларк в ту ночь была в близком контакте с Чезом Эндрюсом? К примеру, частицы ее кожи у него на теле, под ногтями или отпечатки ее пальцев на пуговицах его куртки? Ее волосы на его одежде или теле?

– Нет.

– Итак, поскольку красные волокна могли находиться на куртке сколь угодно долго, до четырех лет, – значит, нет доказательств, что мисс Кэтрин Кларк была рядом с Чезом Эндрюсом в ночь его гибели?

– По моим данным, нет.

– Спасибо. У меня все.

Судья Симс объявил перерыв на обед раньше обычного.

Том, тронув Киа за локоть, шепнул, что перекрестный допрос прошел удачно. Киа слабо кивнула, публика вставала с мест, потягивалась. Многие нарочно медлили, чтобы посмотреть, как Киа в наручниках выводят из зала.

Когда Джейкоб оставил Киа в камере одну и смолкли в коридоре его шаги, она долго неподвижно сидела на койке. При аресте ей не разрешили взять в камеру рюкзак, только его содержимое в коричневом бумажном пакете. Она положила в пакет и листок с адресом и телефоном Джоди. Что ни день Киа смотрела на листок, думала позвонить

брату, попросить его приехать. Но так и не позвонила. Как у нее повернется язык сказать: “Приезжай, пожалуйста, я в тюрьме, меня обвиняют в убийстве”?

Киа бережно спрятала листок обратно в пакет, достала компас времен Первой мировой, подарок Тейта. Положила на ладонь, дождалась, пока стрелка перестанет качаться. И прижала его к сердцу. Если и нужен человеку компас, здесь ему самое место.

И прошептала строки Эмили Дикинсон:

И сердце подмести,

И уложить под спуд

До самой Вечности теперь

Ненужную Любовь. [14]

46

Король мира

1969

Мягкий свет сентябрьского солнца озарял бледно-голубое море, сливавшееся с небом, когда Киа подплыла к причалу Скока узнать расписание автобусов. Ей делалось не по себе при мысли, что придется ехать в чужой город, бок о бок с чужими людьми, но очень хотелось познакомиться с редактором, Робертом Фостером. Больше двух лет они обменивались письмами, иногда пространными, обсуждали редактуру текста, иллюстрации, и эта переписка, где научные термины вплетались в поэтические описания, сблизила их. Ей хотелось увидеть человека, который знает, как преломляется свет на стыке золотистых и алых перышек на шее колибри, и умеет переложить это в слова, не утратив яркости красок.

Киа поднялась на причал, Скок поздоровался, спросил, надо ли заправиться.

– Нет, спасибо, в другой раз. Мне нужно посмотреть расписание автобусов. Оно ведь у вас есть?

– А как же! В лавке, на стене, слева от двери. Пожалте!

Когда Киа вышла из лавки с листком, Скок полюбопытствовал:

– Собрались куда-то, мисс Киа?

– Возможно. Мой редактор приглашает меня в Гринвилл, хочет встретиться. Я пока не решила.

– Что ж, хорошее дело. Неблизко, конечно, но развеяться вам не помешает.

Когда Киа уже садилась в лодку, Скок наклонился, присмотрелся к ней.

– Мисс Киа, что это у вас с глазом, да и с лицом? Неужто вас побили, мисс Киа?

Девушка отвернулась. Кровоподтек от удара Чеза за месяц превратился в желтоватое пятно, и Киа думала, никто не заметит.

– Нет, просто налетела на дверь в...

– Не надо мне сказки рассказывать, мисс Киа, я не вчера родился. Кто это вас так?

Киа молчала.

– Мистер Чез вас ударил? Сами понимаете, мне-то можно рассказать. Да что там, с места не сойду, откуда не узнаю!

– Да, Чез, – сказала Киа и задохнулась. Она-то считала, что ей не с кем поделиться. Она снова отвернулась, сдерживая слезы.

Скок нахмурился, помрачнел. Несколько мгновений он молчал, затем спросил:

– Что еще он сделал?

– Ничего, клянусь. Пытался, но я отбилась.

– Отхлестать его, поганца, кнутом, да и вон из города!

– Скок, прошу, никому ни слова! Ни шерифу, ни другим. Поволокут меня в участок, заставят рассказывать толпе мужчин, как было дело. Я не переживу. – Киа закрыла лицо руками.

– Но так дело оставлять не годится. Сотворил такое – и рассекает себе спокойно на своем катере! Тоже мне король мира!

– Скок, вы же представляете, чем все обернется. Все будут на его стороне. Скажут, мол, я только зря шум поднимаю, пытаюсь из его родителей деньги выжать или что-нибудь там еще. Представьте, что девушка из Цветного квартала сказала бы, будто Чез Эндрюс пытался ее изнасиловать. Да никто и пальцем бы не пошевелил. Вот так! – Киа почти сорвалась на крик. – Ничем хорошим для девушки не кончилось бы. Ославили бы ее в газете, назвали бы шлюхой. Ну и со мной будет та же история, сами понимаете. Прощу, обещайте никому не рассказывать. – Киа всхлипнула.

– Истинная правда, мисс Киа. Знаю, все так и есть. Не бойтесь, я вам худого не сделаю. Но как знать, вдруг он сызнова к вам заявится? А вы всегда там одна-одинехонька.

– До сих пор я в обиду себя не давала, а в этот раз осечка вышла – не услышала, как он подплыл. Я не пропаду, Скок. Если решу ехать в Гринвилл, то потом, когда вернусь, поживу, наверно, в читальне, Чез про нее вряд ли знает.

– Ну, добро. Только почаще ко мне заглядывайте, рассказывайте, что да как. А если что, поживите у нас с Мейбл, это всегда пожалста!

– Спасибо, Скок.

– Когда же вам ехать в Гринвилл?

– Не знаю точно. Редактор зовет в конце октября. Я еще не готовилась, даже не обещала приехать. (Ясное дело, пока синяк не сойдет, ни о какой поездке и речи нет.)

– Ну, дайте мне знать, когда вы едете и когда назад. Слышите? Мне надо знать, что

вас в городе нету. А ежели пропадете на день-два, сам к вам нагряну. И ежели надо, с полицией.

– Хорошо. Спасибо, Скок!

47

Эксперт

1970

Прокурор Эрик Честейн задавал вопросы шерифу – о том, как двое ребят тридцатого октября нашли у подножия пожарной вышки тело Чеза Эндрюса, об осмотре трупа, о начале расследования.

– Скажите, шериф, почему вы предположили, что Чез Эндрюс не сам упал с вышки? Что вас навело на мысль о преступлении?

– Ну, я сразу заметил, что вокруг тела Чеза нет следов, даже его. Только следы мальчиков, что нашли его, – вот я и подумал, что следы кто-то уничтожил.

– И еще: правда ли, что на месте происшествия не было ни отпечатков пальцев, ни следов транспорта?

– Да, так и есть. Свежих отпечатков пальцев на вышке не обнаружено. Даже на решетке, а ведь кто-то ее открывал. Мы с помощником искали следы транспорта, но не нашли. Все указывает на то, что вещественные доказательства кто-то умышленно уничтожил.

– А когда эксперты сообщили, что на одежде Чеза найдены волокна красной шерсти с кепки мисс Кларк, вы...

– Возражаю, ваша честь, – подал голос Том Милтон. – Наводящие вопросы запрещены. Кроме того, уже установлено, что красные волокна с одежды мисс Кларк могли попасть на одежду Чеза Эндрюса не в ночь с двадцать девятого на тридцатое октября, а раньше.

– Возражение принято, – пророкотал судья.

– Больше вопросов нет. Слово защите.

Прокурор сознавал, что показания шерифа для обвинения слабоваты – ни отпечатков пальцев, ни следов, – но все же материала хватит, чтобы убедить присяжных, что Чеза убили, – возможно, мисс Кларк, с учетом красных волокон.

Том Милтон подошел к свидетельской скамье.

– Шериф, поручали ли вы или кто-то другой экспертам искать следы либо доказательства их уничтожения?

– Не было необходимости, я и сам эксперт. Осмотру следов я обучался профессионально. Эксперт со стороны мне ни к чему.

– Понятно. Так были ли признаки, что следы кто-то стер – скажем, веткой? Или забросал землей? Есть ли доказательства? Например, фотоснимки?

– Нет. Я как эксперт заявляю, что у подножия вышки ничьих следов, кроме наших и мальчиков, не было. Значит, их кто-то стер.

– Допустим. Но, шериф, особенности прибрежного болота таковы, что во время приливов и отливов грунтовые воды – даже вдали от границы прилива – прибывают и отступают, так что некоторые участки то осушаются, то, спустя несколько часов, вновь уходят под воду. И поднявшаяся вода смывает все следы, в том числе и отпечатки ног. Разве не так?

– Ну да. Но нет доказательств, что нечто подобное произошло и на этот раз.

– Здесь у меня таблица приливов в ночь с двадцать девятого на тридцатое октября, и, как видите, шериф Джексон, согласно ей, низшая точка отлива была около полуночи. То есть когда Чез добрался до вышки и подошел к подножию лестницы, на влажной почве должны были отпечататься его следы. А когда начался прилив и уровень грунтовых вод поднялся, эти следы смыло. Вот почему следы и ваши, и ребят отпечатались глубоко, а следы Чеза исчезли. Возможно ли это, по-вашему?

Киа чуть заметно кивнула, впервые с начала судебного процесса выказав хоть какие-то чувства. Не раз видела она, как болотные воды стирают летопись вчерашнего дня – следы оленя у ручья, отпечатки лап красной рыси возле труп олененка.

– Что ж, если так, то впервые на моей памяти прилив подчистую смыл все следы, так что не знаю.

– Но, шериф, вы же называли себя экспертом по следам. И не знаете, имело ли место той ночью вполне рядовое явление.

– Что ж, это нетрудно доказать или опровергнуть, так? Придите на болото во время отлива, понаделайте следов и проверьте, останутся ли они после прилива.

– Да, доказать или опровергнуть несложно, так почему же вы это упустили? И вот мы в зале суда, а у вас нет доказательств, что кто-то уничтожил следы преступления. Вероятнее всего, Чез Эндрюс оставил у башни следы, но их смыл прилив. А если с ним вместе на вышку поднялся еще кто-то, то и его следы смыло. Но это обстоятельство, весьма вероятное, вовсе не указывает на преступление. Не так ли, шериф?

Глаза у Эда Джексона забегали, будто он читал на стене ответы. Слушатели заерзали на скамьях.

– Шериф, – поторопил его Том Милтон.

– Я как эксперт считаю маловероятным, что обычный прилив полностью смыл следы. И все же, поскольку нет признаков, что их уничтожили, отсутствие следов само по себе не доказательство преступления. Но...

– Спасибо. – Том повернулся к присяжным и повторил слова шерифа: – Отсутствие следов – не доказательство преступления. Далее, шериф: решетка, которую оставили открытой. Вы искали на ней отпечатки пальцев мисс Кларк?

– Да, конечно.

– И вы нашли отпечатки пальцев мисс Кларк на решетке или где-нибудь еще на вышке?

– Нет, не нашел. Впрочем, как и других отпечатков, поэтому...

Судья подался вперед:

– Не отклоняйтесь от темы, Эд.

– А волосы? У мисс Кларк длинные черные волосы, если она поднялась на самый верх, где дует сильный ветер, если открывала решетку и так далее, то почти наверняка там должны были остаться ее волосы. Вы их нашли?

– Нет. – Лоб шерифа блестел испариной.

– Коронер сообщил, что при осмотре тела не обнаружено доказательств близкого контакта мисс Кларк с потерпевшим. Да, были найдены волокна, – но, возможно, четырехлетней давности. А теперь вы утверждаете, что на пожарной вышке нет никаких следов мисс Кларк. Это верно?

– Да.

– Итак, у нас нет доказательств, что мисс Кларк была на пожарной вышке в ночь, когда разбился Чез Эндрюс. Я что-то упустил?

– Да, я так и сказал.

– Вы готовы повторить?

– Да.

– Шериф, правда ли, что дети, когда забираются на вышку, часто не закрывают за собой решетку?

– Да, такое случается. Но, как я уже говорил, обычно они оставляют открытой ближайшую к лестнице, остальные же не открывают.

– Но ведь вы даже обращались в Службу лесного хозяйства США, просили принять меры, потому что решетки на смотровой площадке этой вышки часто бросают открытыми. И речь шла обо всех решетках, а не только о той, что у лестницы. – Адвокат протянул шерифу документ: – Это ваше официальное обращение в Службу лесного хозяйства от восемнадцатого июля прошлого года?

Шериф пробежал глазами страницу.

– Да, все верно.

– Кто написал обращение?

– Я.

– Итак, всего за три месяца до того, как Чез Эндрюс упал в открытую решетку на пожарной вышке и разбился насмерть, вы обратились в Службу лесного хозяйства с письменной просьбой закрыть доступ на вышку или укрепить решетки, чтобы никто не пострадал. Так?

– Да.

– Шериф, зачитайте вслух последнюю фразу документа, который вы направили в Службу лесного хозяйства. Только последнюю фразу, прошу вас. – Том указал на последнюю строчку.

– “Повторяю, решетки крайне опасны, и если не принять мер, это неминуемо приведет к

несчастному случаю – возможно, даже со смертельным исходом”.

– Больше вопросов нет.

48

Поездка

1969

Двадцать восьмого октября 1969-го Киа направилась к Скоку – попрощаться, как и обещала, затем она повернула к городской пристани, где рыбаки и ловцы креветок, как обычно, устали на нее, побросав работу. Киа, не удостоив их взглядом, привязала лодку, взяла мамин линялый картонный чемоданчик и двинулась по Главной улице. Вместо сумочки у нее был рюкзак, в который она положила пару книг, кусок ветчины, печенье и немного денег, а почти весь гонорар она упаковала в консервную банку и закопала на берегу лагуны. В этот день она ничем не выделялась среди прохожих: коричневая юбка, белая блузка, туфли на плоской подошве. И все равно хозяева магазинчиков бросали своих покупателей, прекращали мести тротуар перед входом и таращились на Болотную Девчонку.

Она стояла на углу под вывеской “Автостанция”, пока не подъехал скрипучий автобус, заслонив от нее океан. Никто не вышел из автобуса, никто не собирался в него садиться, и Киа поднялась по ступенькам, купила у водителя билет до Гринвилла. Она спросила про обратные рейсы, водитель протянул ей листок с расписанием, затем помог убрать чемодан. Рюкзак Киа пристроила на коленях, и не успела она собраться с мыслями, как автобус – длиной чуть ли не во всю улицу – уже выехал из Баркли-Коув.

Два дня спустя, в тринадцать шестнадцать, Киа сошла с гринвиллского автобуса. На сей раз народу поблизости было еще больше, и все оборачивались и перешептывались, когда Киа, откинув длинные волосы, приняла от водителя свой чемоданчик. Она дошла до пристани, села в лодку и помчалась домой. Хотела заглянуть к Скоку, сказать, что вернулась, как обещала, но у его причала теснились ждущие заправки лодки, и она решила навестить его завтра. Да и чайки ее заждались.

Следующим утром, тридцать первого октября, Киа подплыла к причалу, позвала Скока, и тот вышел из лавки.

– Доброе утро, Скок! Пришла сказать, что я дома.

Скок на приветствие не ответил, подошел к самому краю пристани и пробормотал:

– Мисс Киа... Я...

Киа нахмурилась.

– Что такое? Что случилось?

– Мисс Киа, вы слышали новость про мистера Чеза?

– Нет. Что за новость?

Скок покачал головой.

– Чез Эндрюс погиб. В ту ночь, когда вы в Гринвилле были.

– Что?!

Киа и Скок смотрели друг на друга в упор.

– Давеча утром его нашли, под старой пожарной вышкой, с... Я слышал, у него шея сломана и голова пробита. Видать, с вышки сорвался.

Киа потрясенно молчала.

– Переполох на весь город. Говорят, несчастный случай, но шериф вроде как не уверен. Матушка Чеза места себе не находит – мол, дело нечисто. Темная история.

Киа встрепенулась:

– А почему дело нечисто?..

– Наверху одна из решеток была нараспашку, он в нее и ухнул, вот и думают, неспроста. Кое-кто говорит, на вышку дети лазают, оставляют решетки настезь, потому мистер Чез мог упасть нечаянно. А кто-то кричит, что убийство.

Киа все никак не могла подобрать слова.

– Вот что еще: когда мистера Чеза нашли, на нем не было подвески с ракушкой, а ведь он ее много лет носил, и жена, когда вечером его к родителям провожала, тоже видела подвеску на нем. Носил, говорит, не снимая.

У Киа пересохло в горле.

– Вдобавок те двое парнишек, что его нашли, слышали, как шериф говорит, мол, никаких следов нету. Ни единого. Будто взял кто да и стер. Мальчишки уже растрезвонили на весь город.

Скок сообщил, когда запланированы похороны, хоть и знал, что Киа не пойдет. А то бы порадовала кумушек из кружка рукоделия и библейского общества! Уж они всласть бы перемыли ей косточки.

“Слава богу, она в ту ночь была в Гринвилле, а то бы убийство на нее навесили”, – думал Скок.

Так и не сказав больше ни слова, Киа кивнула и поплыла домой.

Стоя на илистом берегу лагуны, она шептала строки Аманды Гамильтон:

Не можем мы представить,

На что способно сердце:

Оно рассудком правит,

Толкает на дела,

Немыслимые нам.

Иначе как понять

Тот путь, что избрала я,
Тот путь, что выбрал ты,
Все трудности в пути?

49

Маскарад

1970

Вызвали нового свидетеля – седого, коротко стриженного, в синем костюме из лоснящейся дешевой ткани; он представился Ларри Прайсом, сказал, что водит автобус по маршрутам Северной Каролины. В ответ на вопросы прокурора он подтвердил, что за одну ночь можно добраться автобусом от Гринвилла до Баркли-Коув и обратно. Подтвердил он также, что в ночь гибели Чеза вел автобус из Гринвилла в Баркли-Коув и никто из пассажиров не был похож на мисс Кларк.

– Итак, мистер Прайс, – сказал прокурор, – во время следствия вы сказали шерифу, что один из пассажиров автобуса, высокий и худой, вполне мог быть переодетой женщиной. Так ли это? Опишите, пожалуйста, пассажира.

– Да, все верно. Молодой парень, белый. Ростом, кажется, под метр восемьдесят, штаны на нем были широкие, висели как на вешалке. И кепка была ему велика, пол-лица закрывала. Смотрел в пол, головы ни разу не поднял.

– А теперь, увидев мисс Кларк, допускаете ли вы, что тот пассажир в автобусе – она же, только переодетая? Могла она спрятать под кепкой длинные волосы?

– Пожалуй, да.

Судья по просьбе Эрика Честейна велел Киа встать, и она встала, а рядом с ней – Том Милтон.

– Садитесь, мисс Кларк, – сказал прокурор и в очередной раз обратился к свидетелю:
– Как по-вашему, юноша в автобусе был того же роста и сложения, что и мисс Кларк?

– Да, примерно, – подтвердил мистер Прайс.

– Итак, если подумать, возможно ли, по-вашему, что худощавый юноша, севший на автобус от Гринвилла до Баркли-Коув двадцать девятого октября в двадцать три пятьдесят, на самом деле не кто иной, как мисс Кларк?

– Да, вполне.

– Спасибо, мистер Прайс. Больше вопросов нет. Передаю слово защите.

Том Милтон встал напротив свидетельской кафедры и после пятиминутного допроса подытожил:

– Вы утверждаете следующее: во-первых, в ночь с двадцать девятого на тридцатое

октября 1969-го в автобусе от Гринвилла до Баркли-Коув не было пассажирки, похожей на мисс Кларк; во-вторых, в автобусе ехал высокий худой юноша, и вы, хоть и видели его вблизи, не подумали, что это переодетая женщина; в-третьих, мысль о переодевании подсказал вам шериф.

Не дожидаясь ответа свидетеля, адвокат продолжил:

– Мистер Прайс, можете ли вы подтвердить, что худой юноша ехал в автобусе именно двадцать девятого октября рейсом в двадцать три пятьдесят? Может быть, вы делали записи? А вдруг это было днем раньше или днем позже? Вы полностью уверены, что это было двадцать девятого октября?

– Да, понял, к чему вы клоните. Когда шериф меня расспрашивал, мне казалось, тот пассажир точно ехал в автобусе, а сейчас я уже не уверен.

– И еще, мистер Прайс, автобус в ту ночь сильно опоздал, не так ли? Если точно, опоздал он на двадцать пять минут и в Баркли-Коув прибыл только в час сорок. Так?

– Да. – Мистер Прайс метнул взгляд на Эрика. – Я просто помочь пытаюсь, все сделать как надо.

Том уверил его:

– Вы нам очень помогли, мистер Прайс. Спасибо большое. Вопросов больше нет.

* * *

Прокурор вызвал следующего свидетеля, мистера Джона Кинга, водителя автобуса, выехавшего из Баркли-Коув в Гринвилл тридцатого октября в два тридцать. Тот заявил, что подсудимой, мисс Кларк, в автобусе не было, зато была старушка, “высокая, как мисс Кларк, седая, волосы стриженные, завитые”.

– Посмотрите на подсудимую, мистер Кинг. Если бы мисс Кларк переоделась старушкой, была бы она похожа на ту пассажирку?

– Хм, тяжело представить. Может быть.

– Значит, это возможно?

– Кажется, да.

К допросу свидетеля приступил Том Милтон:

– В деле об убийстве слово “кажется” неуместно. Вы видели подсудимую, мисс Кларк, в автобусе, что отправлялся из Баркли-Коув в Гринвилл тридцатого октября 1969-го, в два тридцать?

– Нет, не видел.

– А был в ту ночь другой автобус из Баркли-Коув до Гринвилла?

– Нет.

На следующий день, войдя в зал суда, Киа оглянулась на места, где уже привыкла видеть Тейта, Скока и Мейбл, да так и ахнула, увидев военную форму, кривую полуулыбку, шрам через все лицо. Джоди. Как же он узнал про суд? Наверно, из атлантской газеты. Киа отвернулась, ей было не по себе.

Прокурор поднялся.

– Ваша честь, с позволения суда, приглашаю миссис Сэм Эндрюс, свидетеля обвинения.

Раздался всеобщий вздох, когда на свидетельскую кафедру взошла Патти Лав, безутешная мать. И ее-то Киа представляла когда-то своей будущей свекровью – ну разве может быть что-то глупее! Патти Лав, облаченная в дорогие черные шелка, даже в столь мрачное место будто пришла покрасоваться. Горделивая осанка, изящная сумочка, прическа волосок к волоску, шляпка чуть набекрень, глаза скрыты черной вуалью. Не бывать босячке с болота ее невесткой.

– Миссис Эндрюс, знаю, как вам тяжело, поэтому долго вас мучить не буду. Правда ли, что ваш сын, Чез Эндрюс, носил на шее кожаный шнурок с ракушкой?

– Да, правда.

– И насколько часто он его носил?

– Постоянно. Не снимая. Последние четыре года я его без этой подвески ни разу не видела.

Эрик Честейн протянул миссис Эндрюс альбом в кожаном переплете:

– Узнаете эту вещь?

Прокурор раскрыл альбом так, чтобы увидели и присяжные. Киа смотрела в пол, потрясенная столь бесцеремонным вмешательством в свою жизнь.

* * *

Альбом она сделала для Чеза в первую пору знакомства. В счастье дарить подарки ей большую часть жизни было отказано – немногие представляют, каково это. Над альбомом она трудилась днями и ночами, а потом завернула его в коричневую бумагу, украсив сверток роскошными зелеными папоротниками и белоснежными гусиными перьями. И протянула Чезу, когда тот выпрыгнул из катера на берег лагуны.

– Что это?

– Это тебе, от меня, – улыбнулась Киа.

История их встреч в картинках. На первой странице – набросок тушью: она и Чез сидят, прислонившись к коряге, Чез играет на губной гармошке. На берегу блестят раковины, зеленеют болотные травы – их названия подписаны по-латыни рукою Киа. На другой странице – вихрь красок: катер Чеза скользит при луне по волнам. Дальше – любопытные дельфины облепили катер, а наверху, в облаках, витают слова негритянской песни. А вот Киа кружится в серебре: серебристые чайки, серебристый песок.

Чез, ошеломленный, переворачивал страницы. По одним рисункам он нежно пробегал пальцами, при виде других смеялся, но в основном молча кивал.

– Ничего подобного мне в жизни не дарили! – Он обнял ее. – Спасибо, Киа!

А потом они сидели на песке, завернувшись в одеяла, держались за руки и болтали.

* * *

Киа вспомнила, как радостно билось у нее сердце, ей и в голову не приходило тогда, что альбом попадет в чужие руки, тем более станет вещественным доказательством в деле об убийстве.

Когда Патти Лав отвечала на вопрос прокурора, Киа старалась на нее не смотреть.

– Здесь рисунки, что сделала для Чеза мисс Кларк. В подарок.

Патти Лав вспомнила, как нашла альбом под стопкой других, когда убирала у Чеза в комнате. Он явно прятал альбом от нее. Она села на кровать Чеза, открыла твердую обложку. А там, на первом же рисунке, – ее сын, прохлаждается возле коряги с той девкой. Болотой Девчонкой. Ее сын – с отребьем! Она так и задохнулась от гнева. Вдруг люди узнают? Ее трясло, бросало то в жар, то в холод.

– Миссис Эндрюс, объясните, пожалуйста, что изобразила на этом рисунке подсудимая, мисс Кларк.

– Здесь Чез и мисс Кларк на пожарной вышке.

По залу пробежал шепоток.

– И чем они заняты?

– Вот, видите – она передает ему подвеску из рук в руки.

“И с тех пор он ее носил не снимая, – думала Патти Лав. – Я была уверена, что у него от меня секретов нет. Думала, мы с ним ближе, чем матери с детьми в других семьях, так я себе внушала. Ничего-то я не знала”.

– То есть с его слов и по рисункам в альбоме вы знали, что ваш сын встречается с мисс Кларк и что подвеска – ее подарок?

– Да.

– Когда ваш сын двадцать девятого октября пришел к вам ужинать, была на нем

подвеска?

– Да, и уходил он от нас в двенадцатом часу, и подвеска никуда не делась.

– А на следующий день, когда вы пришли в клинику на опознание, была ли подвеска на нем?

– Нет, не было.

– Как вы думаете, была у кого-то из друзей Чеза или у кого-либо еще, не считая мисс Кларк, причина снять с него подвеску?

– Нет.

– Возражаю, ваша честь, – поспешно сказал Том Милтон. – Показания с чужих слов. Домыслы. Свидетельница не может говорить от лица других.

– Принято. Господа присяжные, прошу не учитывать последний вопрос и ответ. – И, вытянув шею по-гусиному в сторону прокурора, судья сказал: – Осторожней, Эрик, ради всего святого, вы же профессионал!

Эрик Честейн как ни в чем не бывало продолжал:

– Хорошо, как свидетельствуют рисунки, подсудимая, мисс Кларк, поднималась с Чезом на пожарную вышку по крайней мере один раз; как известно, подвеску с ракушкой Чезу подарила она. И носил он ее постоянно, до самой смерти. После чего подвеска исчезла. Все верно?

– Да.

– Спасибо. Больше вопросов нет. Слово защите.

– Вопросы нет, – сказал адвокат.

51

Луна на ущербе

1970

Язык судебный, как известно, далеко не столь поэтичен, как язык болота. И все же Киа даже здесь улавливала сходство. Судья, очевидно, альфа-самец – здесь он хозяин, потому и поза у него внушительная, но при этом расслабленная, вальяжная, как у вепря-вожака. У Тома Милтона тоже и поза, и каждое движение выдают высокий ранг – еще один самец-лидер. Прокурор же, напротив, чтобы упрочить свое положение, делает ставку на широкие галстуки кричащих расцветок и пиджаки с подплечниками. Придает себе вес размашистыми жестами и зычным голосом. Слабому самцу приходится кричать громче, чтобы его заметили. А пристав, находясь на низшей ступени иерархии, не может обойтись без ремня с пистолетом, связкой ключей и громоздкой рацией. Иерархия подчинения повышает устойчивость природных популяций, а также некоторых искусственных, подумала Киа.

Прокурор в алом галстукe бодро шагнул вперед и вызвал нового свидетеля, Хола Миллера, – парня лет двадцати восьми, худого как щепка, с копной каштановых волос.

– Мистер Миллер, расскажите нам, пожалуйста, где вы были и что видели в ночь с двадцать девятого на тридцатое октября 1969-го, примерно без четверти два.

– Аллен Хант и я вышли на промысел с Тимом О’Нилом на его судне и поздно ночью по дороге назад, в Баркли-Коув, видели мисс Кларк на ее лодке, примерно в миле от берега к востоку от бухты, и шла она на северо-северо-запад.

– И куда этот курс должен был ее привести?

– Прямоком в бухту возле пожарной вышки.

Зал загудел. Судья Симс, потеряв терпение, стукнул молотком, и эхо звенело добрую минуту.

– А не могла она плыть куда-то еще?

– Видите ли, в той стороне ничего больше нет, на мили кругом леса да болота. Только вышка пожарная, а больше идти там некуда.

В душном неуютном зале шуршали траурные веера дам. Воскресный Судья, мирно дремавший на подоконнике, сполз на пол и подкрался к Киа. Потеря о ее ногу, запрыгнул к ней на колени и улегся – впервые он допустил подобную вольность в зале суда. Прокурор замолчал и метнул взгляд на судью – возможно, подумывал заявить протест при виде столь вопиющей пристрастности, но прецедентов в судебной практике не нашлось.

– Откуда у вас уверенность, что это была мисс Кларк?

– Лодку ее все мы тут знаем, она уже много лет на ней ходит одна.

– Горели ли на ее лодке огни?

– Нет, она шла без огней. Если бы вовремя не заметили – сбили бы.

– Но ведь по закону запрещено ходить на судах без огней в темное время суток?

– Да, она должна была зажечь огни. Но не зажгла.

– Значит, в ночь, когда разбился Чез Эндрюс, мисс Кларк шла на лодке в сторону вышки за считанные минуты до его гибели? Это правда?

– Да, мы видели.

Прокурор сел.

Том Милтон подошел к свидетелю.

– Доброе утро, мистер Миллер.

– Доброе утро.

– Мистер Миллер, давно ли вы ходите на промысел с Тимом О’Нилом?

– Уже три года.

– А теперь назовите, пожалуйста, время восхода луны в ночь с двадцать девятого на

тридцатое октября.

– Луна была на ущербе и взошла, только когда мы причалили в Баркли. То есть после двух ночи.

– Понятно. Значит, когда вы в ту ночь увидели близ Баркли-Коув небольшую лодку, луны не было на небе. Тьма, наверно, была кромешная.

– Да, темнотища. Светили звезды, но в общем, да, совсем темно.

– Расскажите, пожалуйста, во что была одета мисс Кларк в ту ночь, когда прошла мимо вас на лодке.

– Хм, издали было не разглядеть.

– Вот как? Значит, вы находились на таком расстоянии, откуда не разглядеть одежды.

– Защитник многозначительно посмотрел на присяжных. – А насколько далеко вы находились?

– Сдается мне, ярдов шестьдесят, а то и больше.

– Шестьдесят ярдов. – Том Милтон снова бросил взгляд на присяжных. – На таком расстоянии небольшую лодку в темноте разглядеть нелегко. Скажите, мистер Миллер, по каким признакам вы определили, что это мисс Кларк?

– Ну, я уже говорил, лодку ее знает весь город, и вблизи, и издали. И силуэт лодки, и как мисс Кларк на корме сидит, высокая, худенькая. Ни с кем не спутаешь.

– Ни с кем не спутаешь? Ну а если бы в той лодке сидел кто-то другой, тоже высокий и худой, он был бы похож на мисс Кларк? Верно?

– Пожалуй, да, но мы-то все время в море – и лодки все знаем, и их хозяев.

– Мистер Миллер, позвольте вам напомнить, слушается дело об убийстве. Все крайне серьезно, цена ошибки очень велика. Силуэт, который вы видели в темноте за шестьдесят ярдов, – не доказательство. А потому скажите, пожалуйста, вы уверены, что в ночь с двадцать девятого на тридцатое октября 1969-го видели именно мисс Кларк?

– Пожалуй, нет, не совсем. Я и не говорил, что это точно была она. Но я более-менее...

– Достаточно, мистер Миллер. Спасибо.

Заговорил судья Симс:

– Слово обвинению, Эрик?

Прокурор спросил с места:

– Хол, вы утверждаете, что на протяжении трех лет не раз видели и узнавали мисс Кларк в лодке. Скажите, пожалуйста, случалось ли вам издали спутать кого-то другого в лодке с мисс Кларк? Бывало такое хоть раз?

– Нет, ни разу.

– За все три года?

– Ни разу за все три года.

– Ваша честь, пока все.

52

Мотель “Три горы”

1970

Судья Симс вошел в зал, кивнул адвокату.

– Мистер Милтон, вы готовы пригласить первого свидетеля защиты?

– Да, ваша честь.

– Прошу.

Когда свидетельницу привели к присяге и усадили, Том Милтон начал:

– Представьтесь, пожалуйста, и скажите, кем вы работаете в Баркли-Коув.

Киа подняла голову и увидела низенькую седую женщину в мелких кудряшках – много лет назад она изводила Киа вопросами, почему та ходит в магазин одна. Она ничуть не изменилась, лишь казалась чуть ниже ростом, а завитушки – еще мельче. Киа всегда считала миссис Синглтри чересчур назойливой, но после того, как Ма исчезла, эта женщина подарила Киа на Рождество чулок из марли, в котором был голубой свисток. Единственный подарок на Рождество.

– Меня зовут Сара Синглтри, я кассир в магазине “Пигли-Вигли” в Баркли-Коув.

– Сара, верно ли, что с вашего места за кассой в “Пигли-Вигли” видна автобусная остановка?

– Да, хорошо видна.

– Вы видели подсудимую, мисс Кэтрин Кларк, на автобусной остановке в четырнадцать тридцать двадцать восьмого октября?

– Да, видела, она там стояла.

Сара глянула на Киа и вспомнила босоногую девчушку, много лет приходившую в магазин. Никто не знал, что когда Киа еще не умела считать, Сара тайком подсовывала ей лишнюю монетку, а потом возмещала из своего кармана, чтобы в кассе не было недостачи. Разумеется, крупными суммами Киа тогда не располагала, и Сара подбрасывала ей одни пятаки и десятицентовики, но и те были немалым подспорьем.

– Сколько она ждала? И видели ли вы, как она в половине третьего садилась в автобус?

– Ждала она, по-моему, минут десять. У нас на глазах купила у водителя билет, отдала ему чемодан и села в автобус. Автобус уехал – значит, уехала и она.

– И, насколько я знаю, вы видели, как она вернулась тридцатого октября в тринадцать шестнадцать. Верно?

– Да, через два дня, чуть позже четверти второго. Вижу, автобус остановился, а из него выходит мисс Кларк. Я и говорю другим кассиршам: смотрите, вон она идет.

– И что она сделала дальше?

– Пошла к пристани, села в лодку и поплыла на юг.

– Спасибо, Сара. Достаточно.

Судья Симс промолвил:

– Вопросы есть, Эрик?

– Нет, ваша честь, вопросов нет. Я вижу, судя по списку свидетелей, защита собирается вызвать нескольких горожан, готовых подтвердить, что мисс Кларк садилась в автобус и выходила во время, указанное миссис Синглтри. Обвинение не опровергает данные показания. На самом деле нашей версии не противоречит, что мисс Кларк ездила этими автобусами в указанное время, и, с позволения суда, других свидетелей по данному вопросу можно не заслушивать.

– Хорошо. Миссис Синглтри, вы свободны. А вы как думаете, мистер Милтон? Если обвинение не отрицает, что мисс Кларк села в автобус двадцать восьмого октября и вернулась тридцатого в указанное время, нужно ли заслушивать других свидетелей по тому же вопросу?

– Нет, ваша честь.

Внешне невозмутимый, внутри Том весь кипел. Алиби Киа – то, что в ночь гибели Чеза ее не было в городе, – служило основой защиты. А Эрик ее алиби успешно ослабил, попросту приняв его, даже отказался заслушать подтверждения, что Киа ездила дневными автобусами в Гринвилл и обратно. Для обвинения это ничего не значит – по их версии, Киа вернулась в Баркли ночью и совершила убийство. Том предвидел подобный риск, но считал необходимым, чтобы присяжные услышали показания – пусть представят, как Киа покидает город днем, а возвращается уже после трагедии. А теперь ее алиби сочтут ничтожным – мол, не стоит и подтверждать.

– Принято к сведению. Прошу вас пригласить следующего свидетеля.

Мистер Лэнг Фарлоу, плешивый, приземистый, пузатый, того и гляди пуговицы на пиджаке брызнут в стороны, представился хозяином мотеля “Три горы” в Гринвилле и подтвердил, что мисс Кларк останавливалась в мотеле с двадцать восьмого по тридцатое октября 1969-го.

Киа слушала этого толстяка с волосами-сосульками, и ее передергивало от отвращения – думала, никогда больше его не увидит, и вот он перед ней, обсуждает ее, будто она не слышит. Он рассказал, как проводил ее в номер, но умолчал о том, что его оттуда еле выставили. Он все искал предлог задержаться подольше, пока наконец Киа не распахнула дверь, намекая, что пора уходить. В ответ на вопрос Тома, откуда он знает обо всех приходах и уходах мисс Кларк, он усмехнулся: на такую, как она, мужчины всегда засматриваются. Вдобавок упомянул о ее странностях: телефоном пользоваться не умеет, от автобусной остановки шла пешком с картонным чемоданом, взяла с собой в номер еду.

– Мистер Фарлоу, на вторую ночь, двадцать девятого октября 1969-го, когда погиб Чез Эндрус, вы дежурили за стойкой администратора. Верно?

– Да.

– После того как мисс Кларк, поужинав с редактором, вернулась в десять вечера, видели ли вы, чтобы она снова уходила? Видели, как она покидает номер или возвращается вечером двадцать девятого октября или тридцатого ранним утром?

– Нет. Я там был всю ночь, и при мне она из номера не выходила. Я же говорил, комната ее прямо против стойки, и если бы она вышла, то я бы увидел.

– Спасибо, мистер Фарлоу, это все. Слово обвинению.

Спустя несколько минут перекрестного допроса прокурор подвел итог:

– Как выяснилось, мистер Фарлоу, вы дважды покидали стойку, чтобы сбежать домой, в туалет; разносчик приносил пиццу, вы с ним расплачивались; четверо гостей въехали, двое выехали; между делом вы приводили в порядок счета. На мой взгляд, мистер Фарлоу, среди всей этой суеты у мисс Кларк было немало возможностей выйти из номера прямо под вашим носом. Согласны?

– Что ж, пожалуй. Да только я ничего не видел. При мне она в ту ночь из номера не выходила, вот я о чем толкую.

– Я понял вас, мистер Фарлоу. И заявляю, что мисс Кларк вполне могла выйти из номера, добраться до автобусной остановки, доехать автобусом до Баркли-Коув, убить Чеза Эндрюса и вернуться в номер, а вы за работой ничего не заметили. Больше вопросов нет.

* * *

После перерыва на обед, когда расселась по местам публика и вернулся судья, в зал зашел Шкипер. Тейт оглянулся и увидел в проходе отца, в рабочем комбинезоне и желтых резиновых сапогах. Предыдущие заседания суда Шкипер пропустил – ссылаясь на работу, истинная же причина крылась в том, что давняя привязанность сына к мисс Кларк ставила его в тупик. Казалось, Тейт ни в одну другую девушку не влюблялся всерьез, и вот он вырос, стал ученым, а до сих пор любит эту странную, непостижимую женщину. Женщину, которую обвиняют сейчас в убийстве.

Чуть раньше, в полдень, стоя на палубе среди спутанных сетей, Шкипер горько вздохнул. И покраснел при мысли, что и он – как многие здешние глупцы – смотрел на Киа косо, потому что она родом с болот. Он вспомнил, как Тейт с гордостью показал ему первую книгу Киа о моллюсках, – Шкипер тогда был потрясен ее мастерством и научным кругозором. Тайком от Тейта он купил себе по экземпляру каждой из ее книг. Удивительно! Он так гордится сыном – тот всегда знает, чего хочет и как добиться цели. Что ж, Киа тоже всего добилась сама, и пришлось ей куда тяжелее. Как мог он не поддержать Тейта? Главное – быть рядом с сыном, остальное ерунда. Шкипер уронил к ногам сеть и, оставив катер качаться на волнах возле пирса, поспешил в суд.

Джоди, Скок и Мейбл, сидевшие в первом ряду, встали, уступая ему место рядом с Тейтом. Отец и сын кивнули друг другу, и у Тейта в глазах блеснули слезы.

Том Милтон дождался, пока Шкипер сядет и в зале стихнет шепот.

– Ваша честь, вызываю Роберта Фостера, свидетеля защиты.

Мистер Фостер был среднего роста, подтянутый, в твидовом пиджаке, галстук и брюках цвета хаки, с опрятной бородкой и добрыми глазами. Том попросил его назвать свое имя и профессию.

– Меня зовут Роберт Фостер, я ведущий редактор издательства “Харрисон и Моррис” в Бостоне, штат Массачусетс.

Киа сидела, низко наклонив голову. Редактор – единственный, для кого она не Болотная Девчонка, он уважает ее, восхищается ее знаниями и талантом. И вот она перед ним на скамье подсудимых, обвиняемая в убийстве.

– Вы редактор книг мисс Кэтрин Кларк?

– Да. Она необычайно талантливый натуралист, художник и писатель, один из наших любимых авторов.

– Подтверждаете ли вы, что ездили в Гринвилл, штат Северная Каролина, двадцать восьмого октября 1969-го и встречались с мисс Кларк двадцать девятого и тридцатого октября?

– Все верно. Я собирался туда на небольшую конференцию и знал, что у меня там будет немного свободного времени, но сам навестить ее не успел бы, вот и пригласил мисс Кларк в Гринвилл.

– Можете ли вы сказать точно, во сколько вы отвезли ее в мотель вечером двадцать девятого октября прошлого года?

– Мы встретились, поужинали в гостинице, а потом я отвез Киа в ее мотель, на часах было двадцать один пятьдесят пять.

Киа вспомнила, как стояла на пороге обеденного зала – мягкий свет люстр, на столиках мерцают свечи, на белоснежных скатертях высокие бокалы. Вполголоса переговариваются за столиками нарядные гости, а она в простенькой юбке и блузке. Они заказали местную форель в миндальной корочке, дикий рис, шпинат под белым соусом и сдобные булочки. С Робертом ей было уютно – беседовал он непринужденно, держался близких ей тем, говорил о природе.

* * *

Киа удивлялась, до чего гладко все прошло. Но если уж говорить правду, то ресторан с его блеском и роскошью не шел ни в какое сравнение с лучшим пикником в ее жизни. Однажды, когда ей было пятнадцать, Тейт приплыл к ней на рассвете, набросил ей на плечи плед, сквозь лабиринт протоков они вышли в плавни и выбрались на берег в незнакомом ей лесу. Прошагали с милю, и на краю болотистого луга, где сквозь ил пробивалась молодая трава, Тейт расстелил одеяло под раскидистыми, похожими на зонтики папоротниками.

– Погоди немного, – сказал он, наливая из термоса горячий чай, а потом угостил ее домашними булочками с колбасой и острым сыром чеддер – сам приготовил по такому случаю. Даже сейчас, в угрюмом зале суда, ей вспоминалось тепло его плеч под одеялом и горячий завтрак.

Ждать им пришлось недолго. Спустя секунды с северной стороны послышался шум, будто палили из пушек.

– Летят! – крикнул Тейт.

На горизонте показалось темное облако, все выше, все ближе. Шум нарастал, и облако заслонило небо, не оставив ни проблеска синевы. Сотни тысяч диких гусей, клики, свист рассекающих воздух крыльев заполнили все. Полмиллиона белых крыльев шумели в унисон, и птицы снежным вихрем устремлялись к земле, свесив оранжево-розовые лапы. Гуси – сперва поодиночке, потом десятками и под конец сотнями – приземлялись в каких-то шагах от папоротников, где сидели Киа и Тейт. Небо очистилось, а луг словно покрылся пушистым снегом.

Ни один ресторан мира не мог бы сравниться с этим чудом, а домашние булочки были острее и вкуснее форели, зажаренной в миндале.

* * *

– Вы видели, как мисс Кларк зашла в номер?

– Конечно. Я открыл ей дверь, убедился, что у нее все в порядке, и уехал.

– А на другой день вы виделись с мисс Кларк?

– Мы договорились вместе позавтракать, и я за ней заехал в половине восьмого утра. Завтракали мы в блинной “Под завязку”, в девять я отвез ее обратно в мотель, и больше мы не виделись, до сегодняшнего дня. – Он метнул взгляд на Киа, но та смотрела в пол.

– Спасибо, мистер Фостер. Больше у меня вопросов нет.

Поднялся прокурор:

– Мистер Фостер, я хотел бы узнать, почему вы остановились в отеле “Пидмонт”, лучшем в округе, а мисс Кларк – столь талантливому автору, по вашим словам, одному из любимых – издательство оплатило лишь простенький мотель “Три горы”?

– Мы, конечно, предлагали, даже советовали мисс Кларк остановиться в “Пидмонте”, но она настояла на мотеле.

– Вот как? Она знала название? Сама предложила “Три горы”?

– Да, она написала в письме, что предпочла бы “Три горы”.

– А причины она объяснила?

– Нет, я не знаю, почему она его выбрала.

– Ну а я могу предположить. Вот туристическая карта Гринвилла. – Эрик, помахав картой, шагнул к свидетельской скамье. – Как видите, мистер Фостер, “Пидмонт” – четырехзвездочный отель, где вы предложили мисс Кларк остановиться, – расположен в центре города. А мотель “Три горы” – на трассе 258, близ остановки автобуса. На самом деле, если вы изучите карту, как изучил ее я, то увидите, что “Три горы” – мотель, ближайший к автобусной остановке...

– Возражаю, ваша честь, – сказал Том Милтон. – Мистер Фостер не специалист по

географии Гринвилла.

– Нет, но у нас есть карта. Понимаю, что вы хотите сказать, Эрик, продолжайте.

– Мистер Фостер, если человеку нужно покинуть Гринвилл ночью, то он предпочтет “Три горы”, а не “Пидмонт”, что вполне логично. Тем более если до автобуса нужно идти пешком. Я прошу вас подтвердить, что мисс Кларк сама пожелала остановиться в “Трех горах”, а не в “Пидмонте”.

– Да, как я уже сказал, она пожелала остановиться в “Трех горах”.

– Больше у меня вопросов нет.

– Слово защите? – осведомился судья Симс.

– Да, ваша честь. Мистер Фостер, давно ли вы сотрудничаете с мисс Кларк?

– Три года.

– И при том что до встречи в Гринвилле в октябре прошлого года вы не были знакомы лично, можете ли вы сказать, что за эти годы хорошо узнали ее по переписке? Если да, что она, по-вашему, за человек?

– Да, я успел хорошо ее узнать. Мисс Кларк, насколько я могу судить, – человек мягкий, скромный. Любит природу и уединение, мне стоило труда убедить ее приехать в Гринвилл. Естественно, она избегает людных мест.

– В том числе больших отелей вроде “Пидмонта”?

– Да.

– Так, по-вашему, это естественно, что мисс Кларк, любящая уединение, предпочла небольшой отдаленный мотель шумной гостинице в центре города? И этот выбор продиктован ее характером?

– Да, я так считаю.

– К тому же если мисс Кларк не привыкла пользоваться общественным транспортом и знает, что от автобусной остановки до гостиницы и обратно придется идти пешком, то она предпочтет поселиться как можно ближе к остановке?

– Да.

– Спасибо, у меня все.

Роберт Фостер сошел со свидетельского места и сел за спиной у Киа – в одном ряду с Джоди, Тейтом, Шкипером, Скоком и Мейбл.

* * *

В тот день Том Милтон вызвал шерифа как очередного свидетеля защиты.

Судя по списку, что показывал ей Том, свидетелей осталось немного, и Киа мутило от страха. Дальше будут заключительные речи, потом – решение присяжных. Пока выступают

в ее защиту свидетели, есть надежда на оправдательный приговор или хотя бы на отсрочку. Лучше бы суд тянулся вечно и до приговора так и не дошло. Киа пробовала унести мыслями в луга с белоснежными гусями, как поступала до сих пор, но ей виделись лишь тюрьма, решетка, сырые стены. Порой мерещились электрический стул, ремни.

Дыхание у нее сбилось, голова налилась свинцовой тяжестью. Киа обмякла, уронила голову на руки. Том, собиравшийся начать допрос шерифа, оглянулся и тут же рванулся к девушке.

– Ваша честь, прошу объявить небольшой перерыв. Мисс Кларк требуется передышка.

– Принято. Перерыв пятнадцать минут.

Том помог девушке встать и вывел ее через боковую дверь в небольшую совещательную комнату, где Киа без сил упала на стул. Адвокат сел рядом.

– В чем дело? Киа, что с вами?

Киа закрыла лицо руками.

– И вы еще спрашиваете! Разве непонятно? Это выше сил человеческих! Мне плохо, я устала, я ни минуты больше не выдержу. Это обязательно? Может, обойдутся без меня?

Лишь одно ей было сейчас по силам, лишь одного хотелось – вернуться в камеру и сжаться клубочком рядом с Воскресным Судьей.

– Увы, нет. Если по делу может быть вынесен смертный приговор, без присутствия обвиняемого не обойтись.

– А если я не могу? А если я отказываюсь? Что они мне сделают, оставят в тюрьме?!

– Киа, таков закон. Вы обязаны присутствовать, да и так будет лучше для вас. Если подсудимого нет в зале, присяжным проще признать его виновным. Киа, осталось всего ничего.

– Мне от этого не легче, понимаете? Дальше будет только хуже.

– Это еще неизвестно. Не забывайте, мы можем подать апелляцию, если все обернется не в нашу пользу.

Киа не ответила. При мысли об апелляции ей сделалось еще хуже – значит, затаскают ее по судам, вдали от родных болот. Большие чужие города, небо без чаек.

Том вышел из комнаты, принес стакан сладкого чая со льдом и пакетик соленого арахиса. Киа отхлебнула чаю, арахис не тронула. Несколько минут спустя в дверь постучал пристав и сопроводил их в зал. Киа то и дело отключалась, улавливая лишь обрывки свидетельских показаний.

– Шериф Джексон, – начал Том Милтон, – обвинение утверждает, что мисс Кларк поздно ночью украдкой покинула свой номер в мотеле, дошла до автобусной остановки, а это минут двадцать пешего хода, не меньше. Стала ждать автобуса до Баркли-Коув, но автобус опоздал, так что до Баркли она могла добраться в час сорок, не раньше. По версии обвинения, от автобусной остановки в Баркли она отправилась на пристань – три-четыре минуты, – добралась на лодке до бухты возле пожарной вышки – не меньше двадцати минут, – пешком дошла до вышки, а это еще восемь минут, поднялась наверх в полной темноте – предположим, минуты четыре-пять, – открыла решетку – несколько секунд, – дождалась Чеза – неизвестно, сколько времени, – а затем проделала все то же в обратной последовательности. На все это требовалось по меньшей мере час семь

минут плюс ожидание Чеза. Но обратный автобус в Гринвилл уходил через пятьдесят минут. Получается, что на преступление, в котором ее обвиняют, у мисс Кларк просто-напросто не хватило бы времени. Не так ли, шериф?

– Времени в обрез, это верно. Но от лодки до вышки она могла добежать, выгадать минутку здесь, другую там.

– Минутка здесь, другая там ничего бы не решило. Нужно как минимум двадцать минут. Где же их взять?

– Ну, предположим, в лодку она и вовсе не садилась, а добежала от автобусной остановки по песчаной тропе до вышки. Это намного быстрее, чем по воде.

Эрик Честейн с прокурорского места злобно смотрел на шерифа. Он так старался убедить присяжных, что у Киа хватило бы времени совершить преступление и успеть на автобус. Все расписал как по нотам. Вдобавок у них есть козырь – матрос, видевший, как мисс Кларк плывет на лодке в сторону вышки.

– Есть ли у вас доказательства, шериф, что мисс Кларк добиралась до вышки пешком?

– Нет. Но это неплохая теория.

– Теория?! – Том повернулся к присяжным: – Теории были уместны до ареста мисс Кларк, до того как ее два месяца продержали в тюрьме. А на деле, шериф, вы не можете доказать, что мисс Кларк шла пешком, а если она плыла на лодке, у нее не было времени на преступление. Больше вопросов нет.

Слово взял Эрик Честейн.

– Правда ли, шериф, что в водах близ Баркли-Коув бывают сильные течения и они влияют на скорость судов?

– Да, так и есть. Всем в округе это известно.

– Тот, кто знает, как воспользоваться подводным течением, доберется от пристани до вышки на лодке гораздо быстрее. И вполне может сэкономить минут пятнадцать. Верно?
– Эрику не нравилось, что приходится на ходу выдумывать очередную “теорию”, но требовалось зародить сомнение в присяжных.

– Да, все так.

– Спасибо.

Как только прокурор отвернулся от свидетельской скамьи, вперед шагнул Том Милтон.

– Шериф, ответьте “да” или “нет”. Есть ли у вас данные, что в ночь с двадцать девятого на тридцатое октября было подводное течение или сильный ветер, что помогло бы быстрее добраться от пристани Баркли-Коув до пожарной вышки на лодке, либо доказательства, что мисс Кларк добиралась до вышки пешком?

– Нет, но я уверен, что...

– Шериф, неважно, уверены вы или нет. Есть ли у вас данные о сильном подводном течении в ночь двадцать девятого октября 1969-го?

– Нет.

На следующее утро у Тома оставался всего один свидетель, последний козырь. Тим О'Нил, капитан креветочного катера, промылял близ Баркли-Коув уже тридцать восемь лет. Высокий, плотный, за шестьдесят, густые темные волосы едва тронуты сединой, зато окладистая борода почти белая. Человек он был скромный, порядочный, отличался хорошими манерами, дам всегда пропускал вперед. Кому, как не ему, ставить в заседании последнюю точку?

– Тим, верно ли, что вы возвращались на своем катере с промысла в Баркли-Коув в ночь с двадцать девятого на тридцатое октября, примерно без четверти два?

– Да.

– Двое из членов вашего экипажа – мистер Хол Миллер, выступавший в суде, и мистер Аллен Хант, давший письменные показания, – утверждают, что примерно в это время видели, как мисс Кларк направлялась от пристани в лодке на север. Известно ли вам об их показаниях?

– Да.

– Вы видели ту же лодку, что и мистер Миллер с мистером Хантом, в том же месте и в то же время?

– Да, видел.

– А согласны ли вы, что это мисс Кларк держала курс на север?

– Нет, не согласен.

– Почему?

– Темно было, луна еще не взошла. А лодка была далеко слишком, не разглядеть. Я всех в округе знаю, у кого похожие лодки, и мисс Кларк на ее моторке видел не раз и всегда узнавал. Но в ту ночь было слишком темно – ни лодку не разглядеть, ни того, кто в ней сидит.

– Спасибо, Тим. Вопросов больше нет.

Эрик Честейн подошел к свидетельской скамье:

– Тим, даже если вы не узнали ни лодку, ни человека в ней, подтверждаете ли вы, что лодка примерно того же размера и формы, что и у мисс Кларк, шла в сторону пожарной вышки Баркли-Коув в час сорок пять в ночь гибели Чеза Эндрюса?

– Да, лодка была и формой, и размером, как у мисс Кларк.

– Спасибо.

Адвокат спросил с места:

– Тим, необходимо уточнить: вы утверждаете, что много раз узнавали мисс Кларк в лодке, но в ту ночь ни мисс Кларк, ни ее лодку не узнали. Так?

– Да.

– И скажите, много ли в здешних местах лодок, как у мисс Кларк?

– Да, эта модель одна из самых ходовых, здесь таких полно.

– То есть это мог быть кто угодно на похожей лодке?

– Совершенно верно.

– Спасибо. Ваша честь, у меня все.

– Перерыв двадцать минут, – объявил судья Симс.

* * *

Для заключительного слова прокурор вышел в новом галстуке – в крупную золотистую и пурпурную полоску. Публика затаила дыхание, когда он подошел к скамье, встал у барьера и обвел присяжных значительным взглядом.

– Дамы и господа присяжные, все вы земляки, жители славного города. В прошлом году наш город лишился одного из своих сынов. Молодого, известного на всю округу, полного надежд на долгую жизнь с красавицей...

Киа почти не вслушивалась в его рассказ о том, как она убила Чеза Эндрюса. Она застыла, поставив локти на стол и уронив голову на руки, до нее долетали лишь обрывки речи.

“Двое свидетелей, всем здесь хорошо знакомые, видели мисс Кларк и Чеза в лесу... слышали ее угрозу: «Я тебя убью!»... На его джинсовой куртке остались волокна с красной шерстяной кепки... У кого еще были причины снимать с него подвеску?.. Сами понимаете, ветра и течения сильно влияют на скорость...

Из того, что мы знаем о ее образе жизни, нам известно, что она способна управлять лодкой ночью, сумеет в темноте забраться на вышку. Все сходится безупречно. Каждый ее шаг в ту ночь нам известен. Вы можете и должны признать подсудимую виновной в преднамеренном убийстве при отягчающих обстоятельствах. Спасибо, что исполняете долг”.

* * *

Судья Симс кивнул Тому, и тот вышел к скамье присяжных.

– Дамы и господа присяжные, я вырос в Баркли-Коув, так что и я слышал рассказы о Болотной Девчонке. Что ж, давайте их разберем. Итак, все ее звали Болотной

Девчонкой, кое-кто и сейчас ее так зовет. Поговаривали, будто в ней течет волчья кровь, что она недостающее звено между обезьяной и человеком, что глаза у нее светятся в темноте. Но на самом деле это был брошенный всеми ребенок, маленькая девочка, оставшаяся на болоте совершенно одна, предоставленная лишь себе, голодная, без чьей-либо помощи, – и мы от нее отвернулись. Кроме Скока – возможно, единственного ее друга, никто – ни наши церкви, ни общественные организации – не помогал ей ни одеждой, ни едой. Вместо этого мы ее клеймили и отвергали, считали чужой. Но, дамы и господа, мы отвергали мисс Кларк, потому что она была чужая, или же она стала чужой, потому что мы ее отвергали? Если бы мы приняли ее к себе, думаю, она бы стала своей. Если бы мы ее кормили, одежали, любили, открыли бы перед ней двери наших домов и церквей, то сегодня не относились бы к ней предвзято. И, думаю, она не очутилась бы на скамье подсудимых. На ваши плечи, дамы и господа, легло бремя судить эту запуганную, отвергнутую молодую женщину, но основой вашему решению должны служить обстоятельства дела, а не слухи и домыслы последних двадцати четырех лет. Так каковы же неоспоримые факты?

Киа, как и в речи прокурора, улавливала только обрывки:

“Обвинение даже не доказало, что произошло убийство, а не несчастный случай. Ни орудия, ни следов насилия, ни свидетелей, ни отпечатков пальцев...”

Один из ключевых доказанных фактов – безупречное алиби мисс Кларк. Мы знаем, что в ночь гибели Чеза она была в Гринвилле... Нет никаких доказательств, что она в мужском обличье добралась автобусом до Баркли... На самом деле обвинению не удалось доказать, что она была той ночью в Баркли-Коув и поднималась на вышку. Повторяю, нет никаких доказательств, что мисс Кларк была в Баркли-Коув, забиралась на вышку или убила Чеза Эндрюса... И мистер О’Нил, капитан с тридцативосьмилетним стажем, подтвердил, что разглядеть в темноте лодку было невозможно.

А волокна могли находиться на его куртке уже четыре года... Вот неопровержимые факты...

Никто из свидетелей обвинения не был уверен в своих показаниях, ни один. Зато из свидетелей защиты каждый уверен на сто процентов...”

Том помолчал, обводя взглядом присяжных.

– Большинство из вас я прекрасно знаю и уверен, что вы сможете отбросить былые предрассудки против мисс Кларк. Хочу заметить, что хотя за всю свою жизнь она проучилась в школе лишь один-единственный день – из-за того, что другие дети над ней издевались, – она занималась самообразованием и достигла серьезных успехов как натуралист и писатель. Мы называли ее Болотной Девчонкой, но перед вами признанный специалист по природе болот. Думаю, вы способны отринуть все слухи и небылицы. Верю, что ваше решение будет основано на фактах, услышанных здесь, в зале суда, а не на давних и беспочвенных сплетнях. Пора наконец отнестись к Болотной Девчонке по справедливости.

В небольшой совещательной комнате Том усадил Тейта, Джоди, Шкипера и Роберта Фостера на разномастные стулья. Они устроились за прямоугольным столом с кругами от кофейных чашек. Штукатурка на стенах – сверху ярко-зеленая, внизу бутылочная – давно облупилась. Комната насквозь пропиталась вездесущей сыростью – и изнутри, от стен, и снаружи, с болота.

– Подождем здесь, – сказал Том и прикрыл дверь. – Прямо по коридору, напротив кабинета секретаря судьи, есть кофейный автомат, но кофе в нем хуже ослиной мочи. Зато в закусочной неплохой кофе. Сейчас начало двенадцатого, чуть позже устроим обед.

Тейт подошел к окну, забранному белой решеткой, – можно подумать, кто-то уже пытался сбежать, не дождавись приговора.

– Куда увели Киа? – спросил он. – Назад в камеру? И ей придется там ждать одной?

– Да, она у себя в камере. Я ее проведу.

– Сколько, по-вашему, будут совещаться присяжные? – спросил Роберт.

– Трудно сказать. Иной раз думаешь, сегодня же и закончат, а они несколько дней спорят, а бывает и наоборот. Многие, возможно, для себя уже все решили – и не в пользу Киа. Если хотя бы несколько присяжных задумаются и станут убеждать остальных, что вина не доказана окончательно, тогда у нас есть надежда.

Все молча закивали, угнетенные словом “окончательно”, как будто вина уже доказана, но не совсем.

– Ладно, – сказал Том. – Я навещу Киа – и за работу. Нужно подготовить апелляцию и на всякий случай жалобу о необъективности присяжных. Прошу, не забываюте, если ее признают виновной, это еще не конец. Далеко не конец. Я скоро вернусь и, если появятся новости, узнаете, сообщу их вам.

– Спасибо, – сказал Тейт. – Пожалуйста, передайте Киа, что мы здесь и побудем с ней, если она захочет.

Киа два месяца почти никого не принимала, а в последние несколько дней и вовсе никого не хотела видеть, кроме Тома.

– Конечно. Передам.

Том ушел.

Скоку, Мейбл и другим чернокожим пришлось дожидаться решения снаружи, под пальмами, на заросшей меч-травой площади. Едва они расстелили на траве пестрые пледы и достали из бумажных пакетов печенье и колбасу, как хлынул ливень, и все, подхватив пожитки, бросились под навес “Синг Ойл”. Мистер Лейн тут же разорался: снаружи ждите, не путайтесь под ногами! Слово они посмели внутрь зайти. Белые отправились пить кофе – кто в закусочную, кто в “Конуру” – или толпились на улице под разноцветными зонтиками. Дети прыгали по лужам, грызли попкорн с карамелью – выглядело все так, будто вот-вот начнется праздник.

Проведя миллионы минут наедине с собой, Киа думала, что изучила одиночество вширь и вглубь. Всю жизнь сидишь одна за старым кухонным столом, заглядываешь в пустые комнаты, всматриваешься в безбрежную даль морей и лугов. Не с кем разделить радость, когда найдешь редкое перо или закончишь акварель. Читаешь стихи чайкам.

Но когда Джейкоб, лязгнув решеткой, запер ее в камере и за ним захлопнулась тяжелая железная дверь, ее объяло ледяное одиночество, какого она прежде не знала. Ожидание приговора по обвинению в убийстве – одиночество совсем иного порядка. Ее не слишком волновало, умрет она или будет жить, – куда больше ее страшили годы одиночества вдали от болота. Без моря, без чаек, без звезд.

Докучливых соседей давно уже отпустили. Ей почти не хватало их бесконечных пререканий, все-таки люди рядом, пусть и самые никудышные. Теперь она совсем одна в длинном бетонном туннеле, а кругом замки да решетки.

Несомненно, присяжные настроены против нее, и если решение вынесут быстро, почти без обсуждения, – значит, приговор обвинительный. И ждать его все равно что ждать столбняка, мучительных судорог, за которыми одно – смерть.

Киа подумала, не забраться ли на ящик у окна – может, увидит парящих в небе хищных птиц, – но осталась сидеть на кровати. В безмолвии.

* * *

В час дня Том Милтон заглянул в комнату, где ждали Тейт, Джоди, Шкипер и Роберт Фостер.

– Ну что ж, есть новости.

– Что? – Тейт встрепенулся. – Уже вынесли решение?

– Нет-нет, пока не вынесли. Но, на мой взгляд, новости хорошие. Присяжные требуют протокол допроса водителей автобусов. Значит, они хотя бы думают, а не с ходу выносят приговор. Водители, конечно, ключевые свидетели, и оба уверены, что не видели Киа на своих маршрутах, и ни в одном из “ряженных” ее не узнали. Иногда стоит присяжным увидеть показания на бумаге, черным по белому, – и все предстает в ином свете. Посмотрим, все-таки это проблеск надежды.

– Сойдет и проблеск, – сказал Джоди.

– Вот что, уже время обеда. Отправляйтесь-ка все вместе в закусочную. Если что, я вас разыщу.

– Думаю, не стоит, – нахмурился Тейт. – Пока мы там обедаем, ее признают виновной.

– Я вас понимаю. Пошлю своего помощника за гамбургерами. Согласны?

– Хорошо, спасибо, – отозвался Шкипер и полез за бумажником.

* * *

Том вернулся в четверть третьего, сообщил, что присяжные запросили показания коронера.

– Не знаю, к лучшему это или к худшему.

– Черт! – выругался Тейт. – И как люди такое выдерживают?

– Постарайтесь успокоиться, это может затянуться на несколько дней. Буду держать вас в курсе.

В четыре часа он снова заглянул, измученный, угрюмый.

– Ну что ж, господа, присяжные вынесли решение. Судья просит всех вернуться в зал.

Тейт вскочил:

– Что это значит? Так быстро?

– Спокойно, Тейт. – Джоди сжал его плечо. – Пошли.

В коридоре их подхватил поток горожан, вливавшийся с улицы вместе с сыростью, запахом сигарет, мокрых от дождя волос и влажной одежды.

Через десять минут в зале яблоку было негде упасть. Те, кому мест не хватило, толпились в коридоре и на крыльце. В половине пятого пристав привел в зал Киа, усадил на скамью подсудимых. В этот раз он держал ее под локоть, и казалось, что отпусти он ее, Киа упадет. Девушка смотрела в пол, ни разу не подняла глаз. Тейт следил за каждым движением ее лица. Он задышался, преодолевая дурноту.

В зал вошла мисс Джонс, секретарь, заняла свое место. И словно траурный хор, чинно и уныло расселись на скамье присяжные. Миссис Калпеппер метнула взгляд на Киа, остальные смотрели перед собой. Том пытался по лицам угадать их вердикт. В зале повисла тишина – ни вздоха, ни шороха.

– Всем встать.

Открылась боковая дверь, и судья Симс прошествовал к скамье.

– Прошу садиться. Господин председатель, как я понял, присяжные вынесли решение?

Из первого ряда вышел мистер Томлинсон, молчаливый хозяин обувного магазина “Бастер Браун”.

– Да, ваша честь.

Судья Симс посмотрел на Киа:

– Прошу подсудимую встать, сейчас мы огласим решение.

Том придержал Киа за локоть, помог ей подняться. Тейт положил руку на барьер, чтобы хоть как-то приблизиться к Киа. Скок уцепился за руку Мейбл.

Ничего подобного этот зал не знал. У всех учащенно билось сердце, всем было трудно дышать, глаза никак не могли за что-то зацепиться, взмокли ладони. Ловец креветок Холл Миллер спрашивал себя: а ее ли лодку он видел в ту ночь? А вдруг обознался? Все глядели кто куда, в пол, в стену, лишь бы не смотреть в затылок Киа. Казалось, не одна Киа, весь город замер в ожидании решения, и, как ни странно, лишь немногие

злорадствовали.

Председатель, мистер Томлинсон, протянул приставу листок с решением, тот передал судье. Судья развернул, прочитал с каменным лицом. Пристав подал листок мисс Джонс, секретарю.

– А нам прочтут? – сердито шепнул Тейт.

Мисс Джонс повернулась к Киа, развернула листок и громко прочла: “Мы, присяжные заседатели, признаем мисс Кэтрин Даниэлу Кларк невиновной в преднамеренном убийстве мистера Чеза Эндрюса”. У Киа подкосились ноги, она осела на скамью. Том склонился над девушкой.

Тейт растерянно моргал, Джоди испустил долгий судорожный вздох, Мейбл разрыдалась. Публика молчала. Неужто ослышались? А потом поднялся оглушительный гомон. “Сказали, невиновна”. Шум в зале нарастал, посыпались возмущенные вопросы. Мистер Лейн выкрикнул: “Это ошибка!”

Судья стукнул молотком:

– Тишина в зале! Мисс Кларк, присяжные признали вас невиновной. Вы свободны, от имени штата приношу извинения за ваше двухмесячное тюремное заключение. Присяжные, благодарю за уделенное время и за исполненный долг. Заседание окончено.

Родителей Чеза обступили тесной кучкой. Патти Лав рыдала. Миссис Синглтри хмурилась, как и все, но с удивлением поняла, что дышится ей теперь куда легче. Лицо мисс Пэнси выражало облегчение, она понадеялась, что никто этого не заметил. Миссис Калпеппер смахнула слезы и улыбнулась: бродяжка болотная, улизнула и на этот раз!

В глубине зала сгрудились мужчины в спецовках.

– Пусть присяжные нам растолкуют, в чем дело.

– А может Эрик отменить решение? И все начать сначала?

– Нет. Ты что, забыл? За убийство дважды не судят. Она свободна. Легко отделалась.

– Это шериф все дело испортил. Без конца сбивался, выдумывал на ходу. Теория-хренория!

– Да-да, расхаживал гоголем, будто тут вестерн какой!

Но и эта компания недовольных в конце концов рассосалась – друг за дружкой потянулись они к выходу, толкая уже про работу да про погоду.

Джоди и Тейт пробились к скамье подсудимых. Шкипер, Скок, Мейбл и Роберт не отставали. Все они окружили Киа. Никто не решался ее обнять, просто обступили плотным кольцом, а она так и сидела неподвижно.

Джоди сказал:

– Киа, пора домой. Я тебя отвезу, ладно?

– Да, пожалуйста.

Киа встала, поблагодарила Роберта, приехавшего ради нее из Бостона. Тот улыбнулся.

– Забудьте все это как страшный сон и продолжайте вашу прекрасную работу.

Киа коснулась руки Скока, а Мейбл прижала ее к своей необъятной груди. Киа посмотрела на Тейта:

– Спасибо за все, что ты мне привез.

Девушка повернулась к Тому – и ничего не сказала. Адвокат молча обнял ее. Киа взглянула на Шкипера. Она не была с ним знакома, но догадалась, кто он. Киа робко кивнула, а Шкипер, к ее изумлению, вдруг ласково потрепал ее по плечу.

Киа с Джоди двинулись за приставом к задней двери; когда они поравнялись с подоконником, девушка замедлила шаг и провела пальцами по хвосту Воскресного Судьи. Тот и ухом не повел, и Киа восхитилась: до чего же он ловко прикидывается, будто и не нуждается в прощании!

Открылась дверь, и в лицо Киа ударил морской ветер.

55

Травы цветут

1970

Когда пикап свернул с асфальта на песчаный болотный проселок, Джоди ласково сказал: все наладится, ты только подожди немного. Киа смотрела, как мелькают за окном тростники и цапли, сосны и озерца. Вытянув шею, проследила за парочкой плывущих бобров. Как у перелетной крачки, преодолевшей путь в десять тысяч миль к родным берегам, в мозгу у нее билась одна лишь мысль – о доме; болтовню Джоди она пропускала мимо ушей. Помолчал бы он хоть немного, вслушался в свою внутреннюю тишину. Тогда бы, может, и понял.

Вот и последний поворот, в тени дубов показалась старая хижина. У Киа сердце забилось быстрее. Над ржавой кровлей покачивался на ветру испанский мох, у кромки лагуны застыла на одной ноге цапля. Едва Джоди затормозил, Киа выскочила из кабины, влетела в хижину и принялась трогать все подряд: кровать, стол, печь. Джоди, зная, чего ей захочется, оставил на кухонной стойке пакет с крошками, и Киа – откуда только силы взялись – кинулась на берег, и отовсюду слетелись чайки, и лицо ее намочило от слез. Рыжик приземлился с ней рядом, заходил кругами, вскидывая голову.

Киа, в вихре чаек, дрожа всем телом, опустилась на песок.

– Я никогда ничего не просила у людей. Может, наконец меня оставят в покое.

Джоди отнес в дом ее скудные пожитки, заварил травяной чай в старом чайнике. Сел за стол и стал ждать. Наконец скрипнула дверь веранды, в кухню шагнула Киа, удивилась: “А-а, ты все еще здесь!” Разумеется, здесь – его пикап перед домом.

– Присядь, а? – попросил Джоди. – Поговорим.

Киа не стала садиться.

– Я лучше постою, Джоди, мне и так хорошо.

– Так ты хочешь, чтобы я уехал? Киа, ты просидела два месяца в одиночке, думала, что весь город против тебя. Почти никого к себе не пускала. Я все понимаю, ей-богу, но я не хочу сейчас уезжать, не хочу снова оставлять тебя одну. Давай я поживу с тобой несколько дней. Согласна?

– Я прожила одна почти всю жизнь, что мне два месяца. И я не думала, а знала, что весь город против меня.

– Киа, пусть этот ужас не отдалит тебя еще сильнее от людей. Тебе досталось, зато теперь есть возможность начать все заново. Тебя признали невиновной – может быть, по-своему дали понять, что ты не чужая.

– Большинство людей и без суда здесь не чужие.

– Понимаю, у тебя тысяча причин ненавидеть людей. Я тебя не виню, но...

– Вот в чем всеобщее заблуждение насчет меня. – Голос Киа зазвенел громче. – Ненависти к людям во мне никогда не было. Это они меня ненавидели. Это они надо мной смеялись. Это они от меня отвернулись. Житья мне не давали, изводили меня. Да, я научилась без них обходиться. Без тебя. Без мамы! Безо всех!

Джоди встал, попытался ее обнять, но Киа вывернулась.

– Джоди, наверно, я просто устала. Измучилась, правда. Пойми, мне нужно это все забыть – суд, тюрьму, ожидание казни, – забыть наедине с собой, ведь по-другому я не умею. Не знаю, как мне утешиться. Мне даже разговаривать сейчас тяжело. Я... – Голос ее сорвался.

И, не дожидаясь ответа, она вышла из хижины и скрылась в дубняке. Джоди не стал ее догонять – ни к чему. Лучше подождать. Накануне он забил холодильник Киа едой – на случай, если ее освободят, – и сейчас принялся резать овощи для ее любимого блюда, пирога с курицей. Но когда солнце стало клониться к горизонту, Джоди достал из печи горячий пирог и вышел из хижины – он не хотел, чтобы сестра и дальше бродила на улице. Киа, сидевшая на пляже, услышала, как завелся двигатель машины, и вернулась в хижину.

Пирог благоухал на весь дом, но Киа не чувствовала голода. Она достала краски, устроилась за кухонным столом и принялась рисовать – для новой книги, о болотных травах. Люди трав почти не замечают, косят их, топчут, изводят гербицидами. Киа стремительно водила по бумаге кистью, окуная ее в темно-зеленую, почти черную акварельную краску. Выходило что-то мрачное – будто выжженные луга под черным небом. Не разберешь.

Киа разрыдалась. “Ну и с чего я так разошлась? Почему именно сейчас? За что накинулась на Джоди?” Безвольно, тряпичной куклой сползла она на пол. Сжавшись в комок, мокрая от неутраченных слез, мечтала она приласкать единственное на свете существо, что принимало ее такой, какая она есть. Но кот остался в зале суда.

В сумерках Киа вышла на берег, где устраивались на ночлег чайки, чистили перья. Она бродила по мелководью, под ногами похрустывали осколки раковин и крабовых панцирей. Киа наклонилась, подобрала два пеликаньих пера – точно такое же Тейт положил когда-то в словарь, что подарил ей на Рождество, в раздел с буквой П.

Губы шептали строки Аманды Гамильтон:

Вернулся ты –

Глаза мне слепишь,

Как солнца блики на воде.
Едва забуду о тебе,
Как вечер наступает,
И вместо лика
Луны
Передо мною
Твое лицо.
И стоит мне тебя забыть,
Как снова вижу
Твои глаза,
И замирает сердце.
Прощай же –
До новой встречи,
До скорой неувстречи.

Утром, еще до рассвета, Киа села в постели на веранде, втянула пряный болотный дух, пробиравший до самого нутра. Когда в кухню просочились робкие рассветные лучи, она приготовила себе на завтрак кукурузную кашу, яичницу-болтунью и печенье, воздушное, как у мамы. И съела все до последней крошки. А когда взошло солнце, побежала к лодке и поплыла на дальний берег лагуны, окуная пальцы в глубокую прозрачную воду.

Пересекая протоку, она разговаривала с черепахами и цаплями, вскидывала руки высоко над головой. Вот она и дома. “Буду собирать все, что захочу, с утра до вечера”, – решила она. И где-то глубоко в сердце притаилась надежда увидеть Тейта. Может, он где-нибудь рядом, работает, и они случайно встретятся. Зазвать бы его в хижину, угостить пирогом с курицей, что испек Джоди.

* * *

Меньше чем в миле от Киа бродил по мелководью Тейт, собирал пробы воды, и от каждого его шага разбегалась мелкая рябь. Он решил держаться поближе к хижине Киа: вдруг она взяла лодку, вышла на болото и они встретятся? А если нет, то вечером он заглянет в хижину. Что сказать ей, он пока не знал, ему хотелось ее поцеловать, обнять – может, тогда все и встанет на свои места?

В отдалении сердито завывал мотор, громче и визгливей, чем у обычной лодки,

перекрывая тихие звуки болота. Тейт повернулся, а рев приближался, и вдруг перед ним вырос новенький глиссер. Катер горделиво скользил по воде, будто парил над травами, поднимая сзади фонтан брызг. И завывал, как десяток сирен.

Глиссер ломился сквозь плавни, приминая тростники, и вырвался наконец на большую воду. Раскричались белые и голубые цапли. На палубе стояли трое и, завидев Тейта, повернули к нему. Он узнал шерифа Джексона и его помощника, третий был незнакомый.

Глиссер, привстав на дыбы, замедлил ход. Шериф что-то крикнул, но Тейт сквозь шум не разобрал. Глиссер подрулил ближе, закачался на волнах рядом с Тейтом, обдавая его брызгами. Шериф свесился за борт и снова что-то прокричал.

Киа тоже услышала незнакомый мотор, подобралась ближе и увидела, как неизвестный ей катер подошел к Тейту. Притаившись в камышах, она смотрела, как Тейт слушает шерифа, застыв неподвижно, – взгляд в землю, плечи поникшие. Даже издали в его позе читалось отчаяние. Шериф снова что-то крикнул, Тейт наконец поднял голову, и помощник шерифа втащил его в лодку. Третий прыгнул за борт и перебрался на катер Тейта. Тейт стоял между двумя людьми в форме, опустив голову, глядя под ноги; глиссер развернулся и понесся через болото в сторону Баркли-Коув, а третий полицейский вел катер Тейта.

Киа провожала их взглядом до тех пор, пока оба судна не скрылись за островком взморника. Почему задержали Тейта? Связано ли это с гибелью Чеза? Неужто арестовали?

Сердце ее разрывалось. Наконец, спустя целую жизнь, она признала, что все эти годы, с тех пор как ей исполнилось семь, на болото ее влекла надежда увидеть Тейта – заметить его за излучиной ручья, следить за ним сквозь тростники. Она знала его любимые лагуны и лазейки через коварные топи, всегда следовала за ним на безопасном расстоянии. Таилась, стремясь урвать хоть крохи любви, никогда не делилась ею. Проще любить того, с кем вы на разных берегах. А отвергнув его, она потому лишь выжила, что знала: он где-то здесь, на болоте, ждет. А теперь он может отсюда исчезнуть.

Замерев, Киа смотрела туда, где скрылась незнакомая лодка, вслушивалась в затихающий гул мотора. Скок все знает – наверняка ему известно, почему шериф задержал Тейта; он подскажет, как ему помочь.

Киа завела мотор и рванула вперед.

56

Кваква

1970

Кладбище Баркли-Коув затерялось в тени высоких дубов. С ветвей длинными прядями свисал испанский мох, и под их сенью, будто в пещере, темнели старые надгробия, раскиданные как попало – тут семья, там одинокая могила. Узловатые корни, словно чьи-то кривые пальцы, выворотили надгробия из земли, именами вниз. Жизнь брала верх над смертью. Мрачное место, а вокруг сияющая, звенящая синь: море и небо.

Еще вчера здесь, как неутомимые муравьи, сновали люди – рыбаки, лавочники и прочие, кто пришел хоронить Шкипера. Они сбивались в кучки в неловком молчании, а Тейт слонялся среди знакомых горожан и незнакомой родни, переходил от группы к группе. С тех пор как шериф разыскал его на болоте и сообщил о смерти отца, Тейт жил и действовал будто не по своей воле – делал что скажут, шел куда поведут. Из вчерашнего он ничего не помнил и сегодня вернулся на кладбище один, проститься.

Все эти месяцы, когда он тосковал по Киа, а потом добивался свидания в тюрьме, отца он почти не видел. И теперь сокрушался, корил себя. Занятый своими чувствами, он не заметил, что отец болен. Незадолго до ареста Киа как будто стала оттаивать – подарила ему экземпляр своей первой книги, поднялась на борт посмотреть в микроскоп, даже поиграла в “поймай кепку”, но с началом судебного процесса отдалась как никогда. Тюрьма еще не то творит с человеком, думал Тейт.

Даже сейчас, направляясь к свежей могиле с коричневым пластмассовым ящиком в руке, он поймал себя на том, что думает о Киа, а уж потом об отце, – и клял себя за это. Он приблизился к холмику, темневшему под дубами, будто свежий шрам, и бросил взгляд на бескрайний океан вдали. Отца похоронили рядом с матерью, чуть поодаль – могила сестры, и все три обнесены невысокой стеной из булыжников и цемента, в стену вделаны ракушки. И для него тут места хватит. Он чувствовал, что отец где-то не здесь. “Надо было тебя кремировать, как Сэма Мак-Ги”, – прошептал Тейт, по губам его скользнула тень улыбки. Он снова посмотрел на океан. А что, если у отца в том, другом мире, тоже есть лодка? Красная лодка.

Пластмассовый ящик – проигрыватель на батарейках – он пристроил подле холмика, поставил пластинку на семьдесят восемь оборотов. Дрогнула и опустилась игла, и зажурчал над деревьями серебристый голос Милицы Корьюс. Тейт сел между могилой матери и усыпанным цветами холмиком. Странно, но влажная земля пахла не смертью, а жизнью.

Глядя в землю, Тейт вслух попросил у отца прощения за то, что так мало уделял ему времени, и тут же понял: Шкипер простил. Вспомнились слова отца: настоящий мужчина не стыдится слез, чувствует поэзию и оперу и способен защитить женщину. Шкипер понял бы того, кто ищет любовь, пусть даже в болотной грязи. Тейт посидел, положив одну руку на могилу матери, другую – на могилу отца.

Наконец, еще раз коснувшись холмика на прощанье, Тейт вернулся к машине и поехал на городскую пристань, где был пришвартован его катер. Надо погрузиться в работу, в жизнь крохотных мельтешащих созданий. На пристани его обступили рыбаки, и он с неловким видом слушал столь же неловкие соболезнования.

Пряча взгляд, спеша исчезнуть, надеясь ни с кем больше не столкнуться, Тейт вспрыгнул на корму катера. Шагнул к штурвалу и тут заметил на мягком сиденье буроватое перышко. Он сразу понял, чье оно – самки кваквы, голенастой пугливой ночной цапли, что обитает в одиночку в самых непролазных уголках болот. Как оно очутилось здесь, рядом с морем?

Тейт огляделся. Нет, вряд ли она здесь, слишком близко город. Он завел мотор и взял курс на юг – через море, в сторону болота.

Сквозь плавни он шел не сбавляя хода, низко нависшие ветви хлестали катер по бортам. Под беспокойный рокот воды Тейт свернул в лагуну и пришвартовался рядом с лодкой Киа. Над трубой хижины весело клубился дымок.

– Киа, – позвал он. – Киа!

Скрипнула дверь веранды, девушка вышла к дубу. Длинная белая юбка и бледно-голубой свитер – цвета птичьих крыльев, темные волосы рассыпались по плечам.

Он ждал, когда она подойдет, взял ее за плечи, привлек к себе. Отстранился.

– Я люблю тебя, Киа, но ты и так это знаешь. И всегда знала.

– Ты меня бросил, как все.

– Больше не брошу.

– Знаю.

– Ты меня любишь, Киа? Ты никогда не говорила мне этих слов.

– Я всегда тебя любила. С самого детства, сколько себя помню, я тебя любила.

Киа отвернулась.

– Посмотри на меня, – сказал он нежно.

Киа все прятала глаза.

– Киа, я должен знать, что игра в прятки окончена. Теперь можно любить без страха.

Она подняла лицо, посмотрела ему прямо в глаза и повела его сквозь лес к поляне, на которой они когда-то играли в перья.

57

Светлячок

В первую ночь они спали на пляже, а на другой день Тейт переселился к ней в хижину. Перебрался за один отлив, точь-в-точь как прибрежная живность.

Под вечер, когда они шагали вдоль линии прибоя, Тейт взял ее за руку, заглянул в глаза:

– Ты выйдешь за меня, Киа?

– Мы с тобой и так семья. Как гуси.

– Ладно, пусть так.

По утрам они вставали чуть свет, Тейт варил кофе, Киа жарила кукурузные оладьи на старой маминной чугунной сковородке – закопченной, тяжелой, – а рассвет окрашивал лагуну в розовое. В тумане пряталась неподвижная цапля. Они переплывали заливы, перебирались через протоки, скользили узкими ручьями, собирали перья и воду с амебами. По вечерам катались на ее старенькой лодке, купались голыми при луне, любили друг друга на ложе из прохладных папоротников.

Киа предложили работу на биостанции Арчболда, но она отказалась и продолжала писать. Они с Тейтом пригласили мастера, и тот построил для Киа позади хижины студию – из неструганых бревен, крытую листовым железом. Тейт подарил ей микроскоп, соорудил рабочие столы, полки, шкафчики для коллекций, ящики для инструментов и

материалов. В доме сделали ремонт, пристроили еще одну спальню с ванной, расширили гостиную. По настоянию Киа в кухне все оставили как есть, и снаружи красить дом не стали – пусть он по-прежнему выглядит как лесная хижина.[15]

Из Си-Окс она позвонила Джоди, пригласила его в гости – с женой, Либби. Вчетвером устраивали они вылазки на болото, рыбачили. Когда Джоди выудил здорового леща, Киа завизжала: “Гляньте! Ну и чудище, что в твоей Алабаме!” Они нажарили рыбы и кукурузных оладий “с гусиное яйцо”.

В Баркли-Коув Киа не показывалась, большую часть времени они с Тейтом жили на болоте одни. Местные жители видели ее только издали, сквозь туман, а история ее жизни за долгие годы обросла легендами – ее пересказывали в закуской за блинчиками и горячими сосисками. Слухи о Чезе Эндрюсе и его гибели так никогда и не улеглись.

Со временем почти все согласились, что шериф Джексон ошибся. Как ни крути, серьезных улик против Киа не было. Не по-людски это – обижать робкое, пугливое дитя природы. Бывало, откроет новый шериф (Джексона больше не переизбирали) папку с делом, наведет справки о других подозреваемых – и на том остановится. За многие годы дело тоже обратилось в легенду. И пусть на Киа всегда падала тень подозрения, на нее снизошла наконец безмятежность, почти счастье.

* * *

Однажды под вечер Киа, лежа на мягкой лесной подстилке на берегу лагуны, поджидала Тейта с пробами. Дышалось ей легко – она знала, что он вернется; впервые в жизни она была твердо уверена, что ее не оставят. Вот показался в протоке его катер, и глуховатый рокот мотора отозвался у нее в сердце. Когда катер вышел из тростников, Киа поднялась, махнула рукой. Тейт помахал в ответ, но не улыбнулся. Киа напряглась.

Тейт пришвартовался у небольшого причала, который сам построил, спрыгнул на берег.

– Киа, тут такое горе. Плохие новости. Скок вчера ночью умер, во сне.

И снова Киа ощутила, как рвется сердце. Все, кто ее покинул, уходили по собственной воле. На этот раз все иначе. Скок ее не бросил, он, как ястреб Купера, вернулся в небо. Слезы покатались по щекам, Тейт прижал ее к себе.

Хоронили Скока всем городом, пришел и Тейт. Киа на кладбище не пошла, но после церковной службы решила заглянуть к Мейбл с банкой ежевичного варенья старого урожая.

Киа помешкала у ограды. В чисто выметенном дворике толпились друзья и родня Скока. Кто беседовал, кто смеялся, вспоминая шутки Скока, кто плакал. Киа открыла калитку, и люди расступились перед ней. Мейбл кинулась ей навстречу. Они обнялись, расплакались.

– Боже, он тебя любил как родную дочку, – сказала Мейбл.

– Знаю, – кивнула Киа, – и он был мне как отец.

Вечером Киа вышла на берег и простилась со Скоком как умела, своими словами, наедине с собой.

Когда она бродила по берегу и вспоминала Скока, ей невольно подумалось о матери. Как будто ей снова шесть лет и Ма уходит по песчаной тропе в старых крокодиловых туфлях, обходя глубокие рытвины. Только на этот раз в конце тропы Ма остановилась, оглянулась и помахала ей на прощанье. Улыбнулась, свернула на большую дорогу и скрылась за деревьями. И в этот раз – наконец-то – все было как надо.

Не плача, не осуждая, Киа прошептала: “Прощай, Ма”. Мимоходом задумалась об остальных – о Па, о брате, сестрах. Но не смогла мысленно с ними проститься – слишком мало сохранилось у нее воспоминаний.

Извечная печаль ее начала рассеиваться, когда Джоди и Либби завели привычку по несколько раз в год заявляться в гости – со своими детьми, Мэрфом и Минди. И снова в хижине собиралась семья, на старой дровяной плите шипели мамины кукурузные оладьи и яичница-болтуня с помидорами. Как в старые времена, с той лишь разницей, что дом был теперь согрет смехом и любовью.

* * *

В Баркли-Коув за эти годы многое переменялось. На том месте, где больше сотни лет простояла кривобокая лавчонка Скока, приезжий из Роли построил красивую пристань с ярко-синими козырьками над эллингами, куда могли заходить яхты. Щеголи-яхтсмены со всего побережья заворачивали в Баркли-Коув, чтобы выпить эспрессо за три с половиной доллара.

На Главной улице выросли кафе с нарядными зонтиками и художественные салоны с морскими пейзажами. Одна нью-йоркская дама открыла сувенирный магазин, где продавалось все, что местным жителям даром не нужно, но без чего не обойтись туристам. Почти в каждом магазине была витрина с книгами Кэтрин Даниэлы Кларк, “местного автора, биолога, лауреата премий”. Кукурузную кашу подавали за шесть долларов, и звалась она полентой с грибным соусом. А однажды туристки из Огайо заглянули в “Конуру” – не ведая, что сюда еще не ступала женская нога, – и заказали острые креветки в бумажных кульках и пиво, теперь бочковое. С тех пор в бар стали пускать всех взрослых, без различия пола и цвета кожи, но окошко в стене оставили на память.

Тейт по-прежнему работал в лаборатории, а у Киа вышло еще семь книг, каждая была отмечена наградами. И пусть она удостоилась немалых почестей – в том числе почетной докторской степени Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл, – от предложений выступить в университете или музее она неизменно отказывалась.

* * *

Тейт и Киа мечтали о детях, но зачать ребенка им так и не удалось. Но это лишь сблизило их, они почти не разлучались, разве что на несколько часов.

Иногда Киа уходила одна на пляж, и когда вспыхивала на горизонте алая полоса заката, в сердце у нее отдавался морской прибой. Она гладила прибрежный песок, протягивала руки к облакам и чувствовала связь. Не ту, о которой говорили ей Ма и

Мейбл, – у Киа никогда не было близких друзей – и не ту, что имел в виду Джоди, – она всю жизнь прожила без семьи. Она понимала, что годы одиночества наложили на нее печать, сделали непохожей на других, но не ее вина, что она осталась одна. Почти всему, что она знала, научила ее природа. Природа ее вскормила, воспитала, помогла ей выжить, когда люди от нее отвернулись. И даже ее странности – тоже часть природы.

Преданность Тейта в итоге убедила ее, что любовь у людей не сводится к борьбе за самок, как у болотной живности, но знала она по опыту и то, что в лабиринтах нашего генетического кода прячутся древние гены, ответственные за выживание, и проявляются порой неприглядными поступками.

Киа нравилось быть частью природного порядка, неизбежного, как приливы и отливы. Как никто другой была она связана с планетой и всем живым. Выросла корнями в родную почву. Дочь земли, плоть от плоти.

* * *

В шестьдесят четыре года длинные черные волосы Киа стали белее прибрежного песка. Однажды она ушла собирать коллекции и к вечеру не вернулась, и Тейт обошел на лодке все болото в поисках ее. В сумерках за поворотом ручья он увидел ее лодку в лагуне, окруженной платанами, высокими, до самого неба. Киа лежала на спине, под головой старый рюкзак. Тейт негромко окликнул ее, но она не шелохнулась, и он позвал громче, потом закричал во весь голос. Подрулил к ней, неуклюже перелез на корму ее лодки. Протянул к ней руки, взял ее за плечи, потормошил легонько. Голова мотнулась набок, глаза были незрячие.

– Киа, Киа, нет! – закричал Тейт. – Нет!

Еще молодая, такая прекрасная, умерла тихо – остановилось сердце. При ней восстановилась численность белоголового орлана – по меркам Киа, немалый срок. Обняв ее, Тейт плакал и качал ее, как маленькую. Лодку он взял на буксир, Киа завернул в одеяло и повез к лагуне сквозь путаницу ручьев и проток, мимо цапель и оленей, – в последний раз.

Я найду ей в ветвях кипариса кров,

Чтобы смерть ее не нашла.

Он добился разрешения похоронить Киа на ее земле, под дубом, глядевшим на море, и на похороны собрался весь город. Видела бы Киа эту длинную процессию – не поверила бы. Были здесь, разумеется, и Джоди с семьей, и все родственники Тейта. Лишь немногие пришли из любопытства, большинство – из уважения к той, что прожила в лесу столько долгих одиноких лет. Кто-то еще помнил ее девчонкой в потрепанной куртке с чужого плеча – как она подплывала к пристани и шлепала босиком в магазин за кукурузной крупой. Пришли и ее читатели – те, кто благодаря ее книгам понял, что болото – связующее звено между сушей и морем, которые обойтись друг без друга не могут.

К тому времени Тейт успел понять, что прозвище ее не было оскорбительным. Не

каждому дано стать легендой, и для ее надгробия он выбрал надпись:

КЭТРИН ДАНИЭЛА КЛАРК

(КИА)

БОЛОТНАЯ ДЕВЧОНКА

1945–2009

* * *

Вечером после похорон, когда все наконец разошлись, Тейт заглянул в ее домашнюю лабораторию. Коллекция, насчитывавшая уже больше полувека, была самой полной в мире, единственной в своем роде. Киа распорядилась, чтобы Тейт передал ее биостанции Арчболда, и рано или поздно сделать это придется, но сейчас расстаться с ней было выше его сил.

Тейт прошел в хижину – как Киа всегда называла свой дом – и услышал ее шаги, ее дыхание так явственно, что окликнул ее. И, прислонившись к стене, заплакал. Поднял с пола ее старый рюкзак, прижал к груди.

Чиновники в суде просили Тейта поискать ее завещание и свидетельство о рождении. В дальней комнате, бывшей спальне ее родителей, он перерыл платяной шкаф и на самом дне, под грудой одеял, нашел коробки с памятными вещами. Расставил их на полу и сел рядом.

Он бережно открыл старую коробку из-под сигар, с которой и началась когда-то ее коллекция. Из коробки до сих пор пахло сладким табаком и детством. Среди птичьих перьев, семян и крылышек насекомых нашлась баночка с пеплом от письма ее матери и флакон лака для ногтей “Ревлон”, “телесный розовый”. Осколки жизни, камешки на дне ручья.

На самом дне оказались документы на землю – Киа распорядилась, чтобы участок не застраивали. Пусть хотя бы клочок болота сохранится нетронутым. Однако ни завещания, ни личных документов не нашлось, как Тейт и ожидал, Киа просто было не до того. Остаток дней Тейт решил провести в ее хижине, зная, что таково было бы желание Киа, а Джоди не станет возражать.

На исходе дня, когда солнце садилось в лагуну, Тейт помешивал кукурузную болтанку для чаек, и взгляд его невольно уткнулся в пол. Впервые он заметил, что под поленницей и возле старой дровяной плиты нет линолеума. Киа любила, чтобы дров всегда было в достатке, даже летом, но сейчас поленница поиссякла, и Тейт разглядел в половице прорезь. Сдвинув в сторону поленья, он увидел фанерную дверцу. Встал на колени, осторожно открыл ее, меж балок находилась ниша, в которой среди прочего он нашел пыльную картонную коробку. В ней оказалась стопка конвертов из манильской бумаги и другая коробочка, поменьше. На всех конвертах стояли инициалы “А. Г.”, а внутри хранились целые страницы сочинений Аманды Гамильтон, здешней поэтессы, чьи простенькие стихи печатались в местных газетах. Тейт считал стихи Гамильтон слабыми, но Киа всегда сохраняла вырезки с ними, а сейчас перед ним лежали рукописные страницы. Некоторые с законченными стихами, но в основном черновики, целые строки вымараны, на полях – пометки. Пометки Киа.

Аманда Гамильтон – Киа. Киа и есть поэт.

Тейт изумленно смотрел на рукописи. Год за годом бросала она стихи в ржавый почтовый ящик, отправляла в местные газеты, прячась под псевдонимом. Видимо, пыталась раскрыться, высказать свои чувства хоть кому-то, кроме чаек, искала выход словам.

Тейт пробежал глазами несколько стихотворений, в основном о природе или о любви. Одно лежало в отдельном конверте. Тейт достал его и прочитал:

СВЕТЛЯЧОК

Его я приманила

К себе на огонек.

Он сам стремился к гибели,

Злосчастный светлячок.

Последний шаг – ловушка, –

Сорвался он, летит

И на лету в глаза мне

Глядит.

Глаза его, как прежде,

Сияют предо мной,

И скоро в них забрезжит

Нездешний мир, иной.

В глазах его читаю

Вопрос –

Ответ –

Конец.

Еще одно мгновенье,

И он уже мертвец.

И вот любовь в них гаснет, убегая

К истоку своему,
Навеки ускользая
Во тьму. А. Г.

Тейт перечитал стихотворение, не вставая с колен. Прижал листок к учащенно забившемуся сердцу. Выглянул в окно, убедился, что дорога пуста, – да и кто сюда зайдет? Но мало ли. И открыл коробочку поменьше, уже зная, что внутри. На хлопчатобумажной подкладке лежала подвеска с ракушкой, что носил Чез до ночи своей смерти.

И долго-долго сидел Тейт за кухонным столом, пытаясь все осмыслить, представляя, как она едет ночными автобусами, ловит течение, рассчитывает, как успеть до восхода луны. Тихонько окликает Чеза в темноте. Толкает в грудь. А потом, сидя на корточках в грязи у подножия вышки, приподнимает его голову, налитую смертной тяжестью, снимает подвеску. И замечает следы.

Наломав щепок, Тейт развел в старой дровяной печи огонь и побросал в него стихи, конверт за конвертом. Зря он, наверно, сжег их все, надо было уничтожить одно, то самое, – но Тейт в те минуты плохо соображал. С шелестом загорелась пожелтевшая бумага, пламя взвилось на добрый фут и тут же скукожилось. Тейт снял с кожаного шнурка ракушку, отправил шнурок в огонь, вернул на место сдвинутую половицу.

Позже, в сумерках, он вышел на белый песчаный берег, усеянный острыми осколками раковин и крабьих панцирей. Положил ракушку Чеза на ладонь, скользнул по ней взглядом и уронил на песок. Она сразу затерялась среди других, похожих. Начинался прилив, ноги захлестнула волна и уволокла ракушку в океан вместе с сотнями других. Киа была частичкой этой земли и моря, теперь они примут ее обратно. Сберегут ее тайну.

И тут слетелись чайки, увидели Тейта, закружили у него над головой. И кричали, кричали.

Когда спустилась ночь, Тейт повернул обратно к хижине. Но, дойдя до лагуны, постоял еще под пологом леса, глядя, как мигают из темноты болота сотни светлячков. Далеко-далеко, там, где раки поют.

Об авторе

Делия родилась на юге Джорджии. Ее мать жила в стороне от людей, сейчас бы ее назвали аутсайдером. Ей гораздо ближе была природа, чем люди, и свою любовь к окружающему миру она передала и Делии. Она отправляла дочь в одиночестве гулять в густые дубовые рощи – “туда, где раки поют”, говорила мать. Она научила девочку не бояться живых существ, даже самых опасных. Именно природу Делия с раннего детства считала своим главным другом и компаньоном. Каждое лето семья проводила в Северной Каролине, и Делия привязалась к этим необычным местам, к невероятной и опасной красоте приморских болот, с их растительным и животным изобилием.

После школы Делия поступила в Университет Джорджии, получила степень бакалавра по зоологии, а затем магистерскую степень в Калифорнийском университете, где начала заниматься поведением животных. Там же она познакомилась со своим будущим мужем.

В начале 1974 года Делия и Марк Оуэнсы направились в Центральную Калахари – пустыню, расположенную на территории Ботсваны. Они изучали львов и бурых гиен, приходивших в лагерь каждую ночь. Делия увлеклась социальными группами млекопитающих, которые почти всегда состоят из самок. Самцы приходят и уходят – спариться, поесть, но самки остаются в своих родовых группах и поддерживают крепкие связи со своими прайдами или партнерами всю жизнь.

Исследование Делии о важности женских групп у социальных млекопитающих повлияло и на ее роман “Там, где раки поют”. В нем, по сути, дан анализ поведенческого портрета молодой женщины, которая вынужденно прожила большую часть жизни вне социальной группы.

Сейчас Делия Оуэнс живет в Айдахо; как в детстве, много ездит верхом, забираясь в самые глухие места. Лоси, медведи и олени бродят рядом с ее домом, но каждый день она вспоминает о львином прайде, о народе бемба, с которым она так долго прожила в Африке.

* * *

notes

Сноски

1

От французского les Marrons, дикари, – беглые черные рабы и их потомки смешанного происхождения, на протяжении веков ведущие полукочевой и практически независимый образ жизни вдали от центров европейской колонизации. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Милица Корьюс (1909–1980) – оперная певица (колоратурное сопрано) и актриса прибалтийского происхождения, номинирована на “Оскар” за роль в музыкальном фильме

“Большой вальс” (1938).

3

Внешние отмели (англ. Outer Banks) – 320-километровая полоса узких песчаных барьерных островов Северной Каролины.

4

Перевод Е. Витковского.

5

Томас Мур, “Озеро Унылой Топпи”, перевод З. Морозкиной.

6

Олдо Леопольд (1887–1948) – американский писатель, ученый, эколог, лесник и защитник природы, считается одним из основателей науки о природопользовании. Самая известная его книга – A Sand County Almanach (“Календарь песчаного графства”).

7

Здесь и далее перевод И. Гуровой.

8

Перевод В. Тхоржевской.

9

Перевод С. Я. Маршака.

10

“Шенандо” – американская народная песня начала XIX века. Скорее всего, сочинил песню кто-то из путешественников или торговцев мехом, плававших по Миссури. К середине XIX века песня стала своей и для моряков.

11

“Дикси” – американская народная песня, один из неофициальных гимнов южных штатов США. Во время Гражданской войны в США была популярна среди конфедератов. Автором считается Дэн Эммет, уроженец Огайо.

12

Вечера танцев босиком (англ. sock hops) были популярны в США в 1950-х среди

подростков. Обычно они проводились в спортзалах, поэтому на дискотеках существовало правило, чтобы уберечь лаковое покрытие полов, танцевать без обуви.

13

“Молли Малоун” – популярная ирландская песня, ставшая одним из неофициальных символов Ирландии. В ней говорится о девушке, торговавшей моллюсками на улицах Дублина и умершей молодой, от лихорадки. Существует памятник Молли, установленный в Дублине в 1987 году, в честь тысячелетия города.

14

Перевод И. А. Лихачева.

15

Биостанция Арчболда (Archbold Biological Station, ABS) – научно-исследовательский институт близ Лейк-Плэсида (Флорида), основан Ричардом Арчболдом (1907–1976), американским зоологом и филантропом.